

ХРОНИКИ
НИКА - 7

Предвидение

ШЕРРИЛИН КЕНЬОН

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ #1, ПО МНЕНИЮ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Думаешь, у тебя сложная и запутанная жизнь? Ник Готье был рожден, чтобы принести конец свету... Не легко быть наследником повелителя демонов.

Ник намерен обмануть свою судьбу и поступить в хороший колледж, стать выше ген и пророчества. Никто не смеет указывать упрямому каджуну, кем ему быть или как жить.

Никто, даже Богини судьбы Вселенной. Но теперь, когда его команда из древних богов и демонов завладела Глазом Ананке, который видит ошибки будущего, ему придется сражаться с демонами гораздо опаснее и вероломнее, чем те, с которыми он бился раньше. И все это в то время, когда его заклятый враг вернулся и намерен стать предвестником Армагеддона, даже если это значит убить Ника и зажарить всех, кого он любит.

Шеррилин Кенъон

Предвидение

Над переводом работали:

Переводчики: Svechka, mkozodaieva, RAnna

Сверка: Svechka

Бета: Триадочка

Обложка: Meloni

Посвящается:

Как всегда, посвящаю книгу моей семье и друзьям, которые помогли хоть как-то сохранить рассудок, терпевшим мои странности и ветреное состояние во время работы. Особенно моим чудесным сыновьям и мужу — ежедневному источнику объятий и вдохновения.

Моим друзьям/семье — духовным воинам, которые каждый день сражаются со злом, дабы оно не причинило нам вреда (Мама Лиза, в частности обнимаю тебя, за все, что ты делаешь). Моему терпеливому, невероятному редактору Монике, и всей команде SMP, столько вложившей в каждый заголовок (и всегда готовым помочь Алексу, Энджи и Джону). Ребята, вы лучшие! Моим агентам Роберту, Марку Готтлибу, которые всегда рядом, когда мне нужна сила и поддержка.

И конечно же тебе, читатель, за то, что совершаешь со мной очередное путешествие в реальность за гранью нормального. Люблю вас всех!

«Так, это твой выход? Серьезно? Когда становится тяжело, ты смягчаешь все шоколадным молоком и бенье?»

Ник Готье, раздраженный тем, что его потревожили, приподнял бровь в ответ на саркастический тон, который обычно уважал. Но сейчас он не хотел его выслушивать, особенно от нахального предводителя демонов, который должен был вести себя, как его охранник.

Кроме того, Калебу легко осуждать. Лорд Малфас был высоким, поджарым, с шикарной мрачной аурой, которая помогала ему получать все, что он хотел и когда хотел, не используя способности к убеждению.

Естественно, это не относилось к безрассудному каджунскому подростку-полудемону, который пытался закопать свои несчастья под кучей бенье и шоколадного молока.

Так что да... Калев был прав. Этим Ник и хотел заниматься до конца жизни.

Низко зарывчав, Ник потянулся за очередным покрытым сахарной пудрой десертом.

— Тебе разве не надо съесть младенца и затерроризировать деревню?

Скорчив злобное лицо, Калев вырвал из рук Ника сладость, прежде чем тот успел запихать ее в рот.

Ему повезло, что Ник не оторвал ему руку.

— Ты пытаешься впасть в диабетическую кому? — Калев посмотрел на шесть тарелок на маленьком круглом столике напротив Ника. Как же расстроен Ник, если проглотил их, как демон Чаронте на трехдневном пиру после недельного воздержания. — Пожалуйста, скажи, что ты не съел все один.

Он бы мог сказать это Калебу, но не хотел врать.

Ник скорчил другу недовольную рожицу.

— Какая тебе разница?

— Мальчик, нам не все равно.

Он поморщился от звука глубокого мелодичного акцента Аэрона, когда древний кельтский бог пробрался через толпу, которая собралась вокруг Ника и Калеба в кафе «Дю Монд», и встал за ним. Высокое, мускулистое светловолосое божество встало рядом с демоном, чтобы посмотреть на него с такой же разочарованной ухмылкой.

Чудесно. Именно это Ник и попросил на Рождество — взаимное признание двух древних существ, желающих надрать его полудемонический зад за то, что он вел себя, как капризный ребенок.

А почему бы и нет?

Он был готов устроить вечеринку жалости к себе с надувными животными и мороженым.

И к этому всему будут прилагаться клоуны из ада, пытающиеся съесть туристов и убить Ника ради его сил. Если взглянуть правде в лицо, то все его вечеринки так и заканчивались.

— Так что, просто сдашься?

«О, да, это помогает. Подключите подружку. Как будто я ощущаю себя недостаточно бесполезным».

Ник вдохнул, когда Никода Кеннеди подключилась к остальным двоим. Гибкая и изящная, она по-прежнему оставалась самой красивой девушкой, которую он видел в

реальной жизни. Коди, со своими каштановыми волосами и ярко зелеными глазами, которые каждый раз загорались, когда она смотрела на него, забрала его сердце с самой первой встречи.

Но сейчас он не хотел ничего выслушивать. Даже от его девушки-ангела.

Опустив голову, он отодвинул стул, чтобы посмотреть на нее.

— Что ты хочешь сказать, Коуд? Ты видела, что я сделал. Все бесполезно. Я уничтожу мир. Не важно, завтра ли или через тысячу лет. Я все равно проиграю. Сорвусь и разорву людей на кусочки... Не важно, что мы пытаемся сделать, мы лишь откладываем неизбежное. Так что я буду сидеть тут и есть, и просто... — его голос сорвался от картины будущего, которая возникла у него в голове в пяти миллионный раз.

Он положит конец всему и всем. Всему, что он любил.

Целый мир однажды падет под напором армии демонов Ника.

Да, так и надо написать в резюме для колледжа. Все заведения выстроятся в ряд, чтобы заполучить его. Кому не нужен такой выпускник? «Мы выпустили сенаторов, президентов, сильных мира сего и демона Малачая, который сожрет весь мир...»

Этой реалии Ник хотел избежать и не мог. Все рано или поздно возвращалось к одному факту, которого не отвергнуть, от которого он бы хотел сбежать, но не мог.

«Мне всего шестнадцать. Я слишком молод, чтобы разбираться с этим дерьмом».

Он должен бы был переживать за оценки, о том, как сделать свою девушку счастливой, о том, как держаться подальше от неприятностей. О том, что его мама может найти порножурналы его друзей у него в комнате, о том, чтобы не опоздать на работу, а потом домой.

И вовсе не об адских вратах и демонах, которые пытаются вырвать плотку его семье и друзьям.

И уж точно не о том, что он был рожден уничтожить всю человеческую расу.

Неожиданно Ник вскочил от того, что его скрутила сильная паническая атака. Не сумев справиться с ней, он пошел к заднему входу в кафе, который вел к Французскому рынку, параллельно с рекой Миссисипи.

К счастью, в это время суток он был совершенно пустым.

Его сердце громко стучало, и не думая о направлении, он рванул к задней аллее, где у скамеек стояли бронзовые статуи. Он пытался выровнять дыхание и найти хоть какое-то подобие здравого смысла в том безумии, которым стала его сложная жизнь.

Пока он бежал, казалось, что статуи смотрели на него своими круглыми мертвыми глазами.

Глупая мысль, но какого черта?

Все равно больше не было ничего нормального.

В конце концов Ривер Волк был границей потусторонней тюрьмы, в которой держали демонов. Так почему бы статуям не ожить? Насколько он знал, стоит Калебу провести над ними рукой, как они начнут паясничать. Чему удивляться, если девушка Ника была призраком, его лучший друг — бессмертным демоном, а новое приобретение его команды — кельтским богом войны, проклятием заключенным в тело пука, которого Ник спас из адской реальности, где он проходил испытание, чтобы спасти жизнь матери.

Да и он был Малачаем...

Да! Его жизнь была сплошной путаницей.

— Ник!

Калеб швырнул его на бетонную дорожку. Блин! Ему и правда нужно объяснить появление новых синяков матери, которая итак уже считала, что его постоянно грабят на улице?

— Отвали от меня! — заревел он демоническим голосом, отпихивая друга.

Но Калеб даже не поморщился. Он прижимал его к земле.

— Что у тебя в башке, Готье?

Ник достал Глаз Ананке из кармана.

— Я видел! — прорычал он. — Все. Все, что приведет к финалу. Как ты не понимаешь?

Это безнадежно! Я монстр, а вы все мертвы!

Коди отшатнулась.

На мгновение Калеб побледнел и отпустил его.

— Ты ошибаешься, — но в этот раз в его словах не было уверенности.

Ник швырнул ему медальон.

— Сам посмотри! Я и тебя убью, Кей. И Аэрона. Всех вас!

Калеб взял древний амулет, который выглядел, как страшный зеленый драконий глаз в центре перекошенного помутневшего диска, чтобы поместить его на лоб и увидеть будущее, которое преследовало Ника с того момента, как он по ошибке заглянул в него.

Ник нахмурился, осознав, что поступая так, Калеб лишь признает то, что скрывал от них все это время.

В его венах кровь Бога Судьбы. Иначе амулет уничтожил бы его. Даже Коди не смела к нему прикоснуться. Но Калеб взял его не задумываясь.

Как интересно.

Коди села на скамейку в нескольких футах от них, в ее глазах блестели непролитые слезы.

— Я отказываюсь в это верить. Должен быть способ остановить будущее. Арелимы не вернули бы меня, не будь надежды.

Аэрон сглотнул.

— Ты знаешь космические законы. То, что началось, уже не обратить. Если этому...

— Это не так, — Калеб убрал Глаз и потер лоб, — Есть другие варианты.

Он посмотрел на Коди.

— Но тебе они не понравятся.

Ник посмотрел на Калеба.

— Когда я заглянул в эту штуку, то увидел иное.

Калеб фыркнул в ответ на грубый тон Ника.

— Ты фаталист. Знаешь... Калеб, — он певуче передразнил каджунский акцент Ника, — у меня не головная боль. Это гигантская опухоль разъедает мой мозг. Я точно знаю. Я не ударил палец на ноге, Кей. Я его ампутировал! Смотри! Это не ноготь, а кровоточащий обрубок.

Ник пихнул его.

— Заткнись.

— Ты знаешь, что это правда.

— Ну и каково решение? — спросила Коди.

— Самое простое? — вздохнул Калеб. — То, что назвал Амброуз. Мы сотрем все. Обнулим его скудный мозг и вернем на начальную точку отсчета.

— Нет! — прорычал Ник. — Моя мать не какая-то условная точка отсчета, которую

можно убрать! Я вижу другой выход. Я не пожертвую ее жизнью, уж лучше сам умру. Убейте меня и все будет кончено.

Аэрон громко засмеялся от абсурдности предложения.

— Ты вошел в силу Малачая, мальчик, и Адариан мертв. Теперь тебе не умереть, тебя лишь можно поработить. Ну, и как вариант мучать.

— Пока у тебя не появится дитя, — не поленился напомнить Калев.

— У меня есть брат. Могу я передать ему это, чтобы он стал Малачаем вместо меня?

Калев покачал головой.

— Корабль покинул порт, когда ты взял меч Малачая и выбрал сарра армии. Теперь ты истинный Малачай, Ник. И с этим ничего не поделаешь, пока твой сын не убьет тебя ради сил и не назначит собственных генералов.

Ник проклял их всех, прижимая ладони к глазам.

— Почему вы не помешали взять идиотский меч у Ливии?

Калев встал.

— Как будто ты бы послушал.

— Все может быть.

Коди покачала головой.

— Не послушал бы. Ты никогда не слушаешь.

Тут они были правы. Он просто не хотел слушать.

— Если вы все сотрете, с чем я останусь?

— С мигренью, — тихо процедил Аэрон.

Прежде чем Калев ответил, статуя рядом с Коди открыла глаза и повернула голову, чтобы посмотреть на Ника.

— Так я и знала!

Они проигнорировали ее дерганье, а Коди отпрыгнула от статуи и настороженно уставилась на нее.

— Малачай, — она зловеще улыбнулась с постамента, а затем направилась к Нику.

Ей отрезали путь Калев и Аэрон.

Статуя цыкнула на них.

— Все еще прячешься за дружками? Жаль, что ты им не предан так же.

Ник нахмурился, вставая.

— Прости, что? Совершенно не согласен. Я всегда защищаю своих друзей.

— Не соглашайся сколько угодно. Но мы все знаем правду, — статуя протянула руку Нику и раскрыла ее. В ней был святающийся шарик, который показывал союзника, которого они считали погибшим в прошлой битве против демонов, пытавшихся убить Калеба в его собственном доме. — Завид жив, Малачай. Ты просто бросил его. Хватит смелости прийти за ним? Или останешься защищать свою принцессу?

Она многозначительно посмотрела на Коди, затем с ухмылкой повернулась к Нику.

— В конце концов, оставивший Рим его потеряет.

После этих слов шарик испарился, и статуя застыла вновь.

У Ника отпала челюсть.

— Завид не умер?

— Это ловушка, — Калев повернулся к Нику. — Не слушай.

— Ты знал?

Калев покачал головой.

— Все не так просто, как ты думаешь. Нойр использовал его тело, чтобы напасть на тебя. Никто не выживет после такого, даже Аамон. Возможно, его душа сейчас у Нойра, но тело — нет.

В этот момент проснулись силы Малачая и дали Нику нужную информацию. Эфир начал нашептывать факты. Он увидел Завида в Нижнем Мире, его пытали в яме, куда Нойр бросал врагов.

Он поморщился и не мог поверить, что никто ему не сказал.

— У меня есть силы, чтобы вернуть и оживить его?

— Опять же, все не так просто.

Ник возмущенно посмотрел на Калеба.

— Как это — не просто?

— Ты пока не изучил свои способности. Да, ты вроде как... — Калев всегда говорит таким издевательским тоном? — узнал кое-что о некромантии...

— Немножко, — подчеркнула Коди.

— Но пока ты не можешь управлять этими силами, так как не хватает навыков.

— Да, малыш, ты можешь сделать его козлом отпущения.

— Уже сделал это с Мадугом, — пробормотал Ник, затем сказал громче: — но я все исправил и сделал его снова человеком.

— Ну, почти.

Ник закатил глаза от саркастического тона Калеба. Ну разве не может его друг заполучить болезнь Альцгеймера? Он уже достаточно взрослый для старческого маразма.

Но нет же... Он окружен демонами с отличной памятью.

— Ты не очень-то помогаешь, — прорычал Ник. — Я не могу оставить Завида в Азмодеа.

Это была жуткая адская реальность. Он был там лишь однажды и не долго, но впечатление осталось дерьмовое. Калев скрестил руки на груди и приподнял бровь.

— А я думал, ты больше не сражаешься. Как насчет заесть свое горе бенье?

Ник посмотрел на Коди и Аэрона, затем встретился со взглядом Калеба.

— Это было до того, как я обнаружил, что один из наших у Того-Кто-Хочет-Приковать-Меня-к-Своему-Костяному-Трону. Я не позволяю своим друзьям страдать вместо меня. Особенно Завиду, после того, как он спас мне жизнь и через столько прошел. Я дал ему обещание и намерен его выполнить.

И с этим словами он направился домой составлять план.

* * *

Коди наблюдала, как Ник опустил голову и перешел на сексуальную походку хищника, как делал всегда, когда нужно было защитить любимых, или когда он просто собирался сражаться. Он даже не осознавал, что так поступал и как шикарно при этом выглядел. Она не могла выполнить свою миссию и убить его из-за этой упрямой каджунской крови и преданного сердца. Поэтому она любила его, хотя однажды он убьет всю ее семью.

Убьет ее.

Было тяжело сопоставить этого надежного парня с чудовищем, с которым она столкнется в битве. Как может кто-то так сильно измениться?

Она бросила взгляд на Калеба.

— Что тебе показал Глаз? Что его изменит?

— Бездушная сука, которая однажды предаст нас всех. Смерть.

Она не смогла удержать одинокую слезу. Калерб был прав. Смерть меняет всех. Каждое воспоминание о ее семье оставляло глубокую дыру в ее сердце, которая не заживала.

У Ника итак была маленькая семья, и Малачаи привыкли к ненависти и жестокости. Его мать с бесконечной любовью — единственное, что не давало ему стать монстром, каким был его отец. Монстром, которым ему суждено стать.

— Значит, Чирайз — это точка отсчета? — спросила она Калеба. Точки отсчета — это события, которые перекраивали жизни. Предопределенные моменты, вроде смерти или рождения, нельзя было изменить. Все, что происходило между ними, можно было изменить и касалось свободы воли. Люди и остальные создания могли двигать события вокруг точек отсчета и делать тысячи изменений — эти события не были предопределены.

Но точка отсчета...

Она была записана в Божественной Книге Судеб. Ничего не могло ее изменить.

Калерб покачал головой.

— Нет, она не точка. Ее смерть не обязательно должна подтолкнуть его.

— Так мы можем ее спасти?

Он кивнул.

— Ценой нашего будущего. На кону все.

Аэрон поморщился.

— За любое волшебство приходится платить.

— И нельзя нарушать баланс, — вздохнул Калерб, снова заговорив с Коди. — Вы с его матерью были рождены от изначального источника, как баланс Малачаю. Чирайз и ты в будущем — его возможные якоря. Вы не должны были встретиться.

Но Арелимы сыграли не честно и изменили правила. Теперь вселенная пыталась восстановить порядок и исправить их дерзкую попытку поспорить с судьбой и естественным порядком.

Им, как Хранителям Порядка Вселенной следовало бы подумать лучше. К сожалению, отчаявшиеся люди совершают отчаянные поступки.

— А что насчет пророчества? Мы можем его спасти?

Калерб нервно потер шею.

— Возможно. Но все не так просто. Необходима высшая жертва. Абсолютная любовь, чтобы пробиться к нему в темный час... и все равно нет никаких гарантий.

Коди возненавидела последние слова.

Калерб, раздраженный так же, как и она, провел руками по волосам.

— Мы хотели дать Нику мотивацию... но не такую, — он уронил руку. — Он пойдет в Азмодеа, и нам конец.

Она не могла не согласиться. К сожалению, это была не единственная проблемка.

— Мы не сможем его остановить. Он слишком силен.

— Поверь мне, я знаю. Мне везет, что пока я его сдерживаю. Что еще хуже? Я не могу пойти с ним, как и Ксев. Наш отец прикует нас рядом с твоим дядей и скормит нас демонам Нойра, если увидит, как мы защищаем Малачая, — он посмотрел на Аэрона.

— Не стреляй глазками, Малфас. Не знаю, могу я или нет. Можно попытаться выбить приглашение у Торна. Только так я могу попасть в ту реальность. То же самое с Дэгоном. Ты знаешь, что происходит, когда ты рожден от другого пантеона. Они не любят, когда мы

играем у них во дворе.

Калёб зарычал.

— Я уже говорил, как ненавижу твоего парня, Коди?

— Всего лишь пару раз за обедом.

— Хорошо. Не хочу, чтобы ты это забыла, — и он пошел по улице рыча.

— Куда ты?

— Снова позволить надрать свой зад. Можешь пойти посмотреть, возможно, тебе даже понравится. Мне-то уж точно нет.

Как бы ей хотелось, чтобы это была шутка. К сожалению, еще задолго до этого, они были готовы подставить свой зад.

И головы тоже.

Глава 1

Ник стоял посреди своей спальни, уставившись на символы на стене. Эти древние знаки Кaleb и его тетя Меньяра нарисовали, чтобы не пустить тех, кто желает причинить вред ему и его матери. Впервые он заметил их в детстве и Меньяра сказала, что это особые, прогоняющие монстров украшения, которые она сделала для него. Тогда он почувствовал, что его очень любят и защищают.

Но он и не подозревал, что они были не только для защиты. Эти завитушки должны были ограничить его силу, чтобы он случайно не раскрыл свое происхождение. В результате он не очень-то понимал, кем был на самом деле.

Даже сейчас.

Но пора было это узнать. У него были лишь догадки и интуитивное ощущение. Если он хотел спасти Завида и не попасть в рабство к старому первородному врагу, то нужно было разобраться, на что же он все-таки способен. И он знал человека, который мог на это ответить.

— Ксевикан?

Мистер Пушистые ботиночки привстал с дивана, выгнул спину и зевнул.

Ник фыркнул, глядя на кошачью форму Ксевикана.

— Приятель, ты нужен мне как человек. Сбрось уже кошачью шкуру.

Тот быстро превратился в очень высокого парня. Хотя Ник и не винил его за желание проводить большинство времени в форме ленивого домашнего кота. Он бы тоже не возражал дремать целый день.

Кроме того, на Ксева дурно повлияло проклятие, заставившее его принять этот облик. Вместо того, чтобы оставаться мальчиком-красавчиком, каким он и был рожден, его внешность была испорчена, и это было никак не изменить. Бог знает сколько продукции L'Oréal они перевели, чтобы придать волосам, как у всех готов Северной Америки и Европы вместе взятых, нормальный цвет.

Вместо своего естественного темного цвета, волосы Ксева с одной стороны были ненатурально красными, а с другой кислотно-желтыми. И как будто этого недостаточно — брови его были ярко-голубого цвета, и никак не гармонировали с его зеленовато-голубыми с коричневым глазами.

Но хотя бы в этот период времени он мог изображать из себя эмо, но все же...

Мерзко, когда твоя семья с такой жестокостью обрекает тебя на подобную судьбу.

Ксев, скрестив руки на груди, хмуро смотрел на Ника.

— Ты знал, что Завид все еще жив?

Тот фыркнул.

— Жив — интересное определение по отношению к пожирающей души адской ищейке, которой завладело зло. Но если честно, я вообще об этом не думал.

— Ты не против подключить свои навыки и рассказать, что ты думаешь?

Ксев медленно кивнул.

— Да, учитывая, что его не так-то просто убить, то скорее всего его дух в Асмодее.

— А можно перевести на английский?

Ксев, перед тем как ответить, намеренно потер уголок глаза средним пальцем.

— Помнишь, как твою душу отделили от тела?

Да, это выжгли каленым железом у него в мозгу. Особенно учитывая количество существ, желающих сожрать его, и то, что именно так они и стали связаны друг с другом.

— Такое не просто забыть.

— Ну, то-то и оно.

— Что-то я не понимаю, Живчик, — нахмурился сбитый с толку Ник. Если душу отделяли от тела...

— Тогда он мертв.

— Точно мертв.

Он посмотрел на Ксева, который продолжал напускать туман так, что даже древний бог атлантов Ашерон гордился бы им.

— Можешь прекратить говорить загадками и ответить на вопрос?

— Я пытаюсь, но это не так просто.

— Вы с Калобом... что между вами? Ты принял сволочные таблетки с утра? Блин, вы же братья. Не понимаю, почему вы не ладите, вы ведь так похожи.

Ксев фыркнул.

— Считаешь нас плохими? Тебе бы познакомиться с нашим отцом. И твой пра-пра-дед тоже был той еще штучкой. Но ответу на твой вопрос, Ник: Завиду нужно возродиться здесь. Да, ты можешь это сделать. Теоретически, Малачай обладает подобной властью, но это будет дорого тебе стоить. Такое не дается даром, силы вселенной не одобряют подобные действия. Даже если ты можешь, это еще не значит, что ты должен. Самое тяжелое в жизни — знать, когда нужно отойти и позволить судьбе идти, как положено. Хотя это и чертовски сложно.

— А если бы тебя заперли там? Ты все равно был бы за отступление?

— Я и был заперт там многие века. И да, это отстой, — он почесал спину. — Хочешь знать, почему я предпочитаю оставаться котом?

— Ты ненавидишь людей.

Он покачал головой.

— Когда я кот, то не вспоминаю то, что мой собственный отец вырвал мне крылья, злясь на то, чего я не делал. Ты не представляешь, сколько раз я инстинктивно пытался пошевелить ими, только чтобы вспомнить, что их нет. И почему их нет.

Да, наверное, в глубине души было больно. У него самого были крылья, которые ощущались частью самого себя. Это как будто кто-то оторвал тебе руку или ногу.

Ксев пожал плечами.

— У нас всех есть собственные беды, с которыми приходится справляться. И мне жалко Завида, но если пойдешь туда, путь назад будет сложным. Это ловушка, поверь. Нойр завладеет тобой навечно.

— Мой отец сбежал.

— Предав друга. Ты готов на это?

Ник фыркнул.

— Зависит от друга.

Ксев посмотрел на него, как на дурака.

— Остынь, это шутка... в своем роде, — устало вздохнув, Ник посмотрел на часы. — Ладно, мне пора на работу. Присмотришь за мамой?

— Конечно.

— Ладно, до скорого, — он оставил Ксевикана, зная, что древнее существо умрет, но не

позволит случиться плохому с Чирайз Готье.

Это единственное хорошее, что принесла иллюзия, в которую превратили их жизнь. Ксев был не просто бессмертным постояльцем Ника, но и проклятым древним богом и его пра-прадедом.

Да, как только он начинал думать об этом, в голове все путалось. Хотя в физическом смысле им не дашь больше пары лет разницы, но Ксев родился на тысячи лет раньше. Он и не знал, что они родственники, пока не спас Ксева и не позволил ему переехать сюда. Впрочем, они оба не знали.

Это стало ясно не сразу, особенно учитывая, что Ксеву пришлось оставить сына, и он его больше никогда не видел. Тот никак не ожидал, что после того, как Ник спасет его, он узнает, что у него есть правнучка, не говоря уж о ее языкастом сыне.

У Малачая очень странная жизнь. Но Ник потихоньку к ней привыкал.

Оставив Ксева, он вышел из квартиры и полез в карман за ключами от машины. Его мама пробудет на работе еще час. Пока к ним не переехал Ксев, Ник переживал, когда она одна возвращалась домой из бара. Но Ксев проводит ее домой, и умрет, но не даст причинить ей вред.

Это единственное, что позволяло Нику как-то держаться в эти дни, особенно учитывая количество существ, желающих оторвать от него кусок. И тех, что желали использовать его маму, чтобы заполучить его.

Папочка, спасибо за происхождение.

Конечно, он винил не только отца. По большей части причина была в его способности бесить всех вокруг, и особенно Жнеца Грима, Войну и саму сущность зла. Этого Ник добился сам, без посторонней помощи.

В идеале, ему следовало бы хорошенько подумать, прежде чем связываться с ними. Но тогда он был немного не в себе и это казалось хорошей идеей.

Но сейчас...

По крайней мере его еще не прибили, не пленили и не убили его мать или Коди. Так что можно считать, что он побеждал. Иногда.

Да, сейчас он собирался придерживаться этой лжи. Она позволяла ему поспать пару часов, пока кто-нибудь не начинал скрестись в стены и окна.

Выкинув это из головы, он направился к Кириану и попытался сосредоточиться на грядущем смертельно-опасном опыте — встречей с бессмертным боссом и дурными вестями.

* * *

— Ник?

Ник заморгал от густого глубокого акцента, принадлежащего никому иному, как Ашерону Партенотайусу. Акцента, который появлялся и исчезал по прихоти Эша, как и причудливый цвет волос, который мог бы конкурировать с кошмаром на голове Ксева. Но в случае Эша — это был личный выбор, как и пирсинг на лице и готическая одежда. Эш так поступал, чтобы запугивать и сбивать с толку.

Хотя ему это и не было нужно с его ростом под два метра. И это не считая десяти сантиметров, которые давали ему армейские ботинки Док Мартенс. Плюс еще и жуткая аура, говорившая, что он скорее вырвет у тебя позвоночник, чем станет с тобой разговаривать.

Нормальный человек с инстинктами самосохранения поспешил бы скрыться.

К счастью, нормальность давно помахала Нику ручкой и забрала с собой разум.

Повернувшись, чтобы посмотреть на Эша, он ухмыльнулся, глядя на размашистый шаг древнего бессмертного, задержал взгляд на его волосах до пояса.

— Приятель, какой миленький оттенок зеленого. Нужно позвонить комиссару Гордону и сказать, что Джокер вернулся в город?

Эш фальшивый тон никак не прокомментировал, закрыл дверь с помощью сверхъестественных способностей и подошел к Нику. Это нервы не успокаивало.

Слава богу Ник привык к причудам Эша, иначе Кириану пришлось бы искать нового помощника, после того, как он бы очистил дорогой ковер от огромного пятна мочи.

Эш остановился около Ника и хмуро посмотрел на него.

— Если я Джокер, то ты...

— Робин.

— И что ты тут делаешь... Дик^Ц?

— Ой! Меня только что оскорбили! — Ник рассмеялся, тряся руками, чтобы отвлечь внимание Эша от того, что его застали на террасе Кириана, где его босс хранил древнегреческий статуи трех своих сестер. Они одни из немногих вещей, что остались у Кириана с тех времен, когда он был греческим принцем. И хотя Кириан гордился своим наследием, но почти не хранил воспоминаний о прошлом. Это было слишком невыносимо для него.

Но его сестры — совсем другое дело. Он приходил «их» навестить хотя бы раз за ночь и иногда оставлял цветы у постамента.

Ник поморщился, не желая признаваться, что пришел сюда, чтобы с помощью Глаза разглядеть сцены из прошлого Кириана.

— Ничего.

Эш приподнял бровь, намекая, что знает, что Ник врет, но озвучивать этого не стал.

— Где Роза?

— Ей не очень хорошо. Я заставил ее уйти домой пораньше.

— И каким актом законодательства пришлось ради этого воспользоваться?

Эш не шутил. Вспыльчивая домоправительница никогда не пренебрегала своими обязанностями или Кирианом, которого считала еще одним своим сыном, и очень о нем заботилась. Это единственный мужчина, который имел на нее хоть какое-то влияние...

— Актом Мигеля. Я научился грязной игре. Это когда сын давит на материнский инстинкты.

Эш резко вдохнул.

— Жестко, Готье.

— Да, все ради победы.

— Запомню на будущее, — Эш собрался уходить.

— Эш? — Ник заколебался, когда Эш замер, чтобы посмотреть на него. — Можно тебя спросить кое о чем?

— Конечно, мелкий.

— Как ты живешь, зная будущее?

Эш фыркнул.

— Ух ты, ты прямо к делу, без вступления.

— Ага, я к такому привык. Ты научил меня водить, и я знаю, что я — вечная

катастрофа: мусорные баки и пешеходы в опасности.

— И я все еще посещаю психиатра по этому поводу. Одиннадцать тысяч лет без серьезных травм и всего лишь пять месяцев уроков вождения, и у меня посттравматический синдром сильнее, чем после пяти войн.

— Ха-ха.

— Смейся-смейся, — нахмурился Эш. — Я серьезно.

— Я тоже, — Ник очнулся и дотронулся до Глаза в кармане. — Как ты справляешься с тем, что знаешь, что случится со всеми вокруг? Это не сводит с ума?

Эш вздохнул и ответил:

— Я стараюсь не заглядывать туда.

Ник закатил глаза.

— Я серьезно, — повторил он.

— Я тоже. Это все, что можно сделать, потому что когда туда заглядываешь и видишь, что произойдет с близкими, то можешь испортить все.

— Ты о чем?

— Все очень просто. Ты пытаешься избежать этого, и как только приступаешь... то по тебе шарахает неожиданным поворотом событий из-за твоих действий. Поэтому худшие события в моей жизни произошли из-за того, что кто-то пытался помочь мне. Уж лучше пусть те, кто любят, позволят судьбе вершить свое дело, чем попытаются ее изменить. Именно поэтому я стараюсь не вмешиваться в свободу выбора других.

— И получается?

Эш пожал плечами.

— И да и нет. Иногда это больно. Как наблюдать за любимым ребенком на детской площадке и знать, что он упадет. И на долю секунды задумываешься — поймать его или позволить стесать коленки и узнать о гравитации? Врожденный инстинкт заставляет желать уберечь его от боли, но если он не научится сейчас, то последствия могут стать катастрофическими. К сожалению, не знаешь насколько, пока не станет слишком поздно.

— Например, как брак с моей женой.

Ник повернулся, неожиданно услышав голос с греческим акцентом, принадлежавший Кириану. В нем явно слышалась боль. Он редко говорил о Теоне. И его не в чем винить. Его бывшая выкинула номер, когда выдала Кириана его злейшим врагам, чтобы те его пытали, а затем признали предателем Римской империи.

Одно дело читать в школе историю, а другое — общаться с людьми, которые жили в то время, и оно на них повлияло.

Кириан встал рядом с Ником, глядя на Ашерона.

— Ты так напоминаешь мне себя в твоём возрасте, мальчик. Горячая голова, да еще и упрямый. Никто не мог мне ничего сказать, всему приходилось учиться самому. Мой отец делал все, чтобы вразумить меня, но я ничего не слушал. Я думал, что он необъективен и старомоден. Застрял на месте. Как глупо с его стороны было судить женщину, которую он не знал, основываясь на занятиях, в которые, как я считал, ее втянули.

Наверное, это не меняло факта, к которому постоянно возвращался Ник:

— Не стоило ей тебя предавать.

— Не стоило мне быть слепцом.

Эш похлопал Кириана по плечу.

— Мы сами выбираем свою правду жизни, всегда видим то, что хотим в других и в себе.

Кириан кивнул.

— И я видел сердечность в жадности, правду там, где ее не было. Легко натворить дел, когда ты молод, — он горько рассмеялся. — Мой отец часто говорил: «Кириан, сын мой, ты подарок лишь для меня и твоей матери. Мы всегда будем любить тебя и целовать землю, по которой ты ходишь. К сожалению, остальная часть мира не будет ценить тебя за то, что ты есть. В тебе видят лишь языкастого парня. Они любят лишь успешных людей, наплевав на их недостатки и проблемы».

Ник поморщился.

— Жестко.

— Но правда. Но до меня не доходило. Я скорее гонялся за спелым яблоком, чтобы обнаружить засушенный горький фрукт на языке, — он дотронулся до руки младшей сестры, как будто все еще мог почувствовать живую плоть. — Можно подумать, что мои вечно ворчащие и указывающие на все мои грехи сестрицы сломали мой дух в молодости, и я не знал никого, кому бы нравилась моя компания.

Ник фыркнул в ответ на его уничижительный юмор, особенно учитывая, что, по его словам, сестры никогда его не критиковали.

— Твоя жена была дурой.

— Нет, Ник, Теона была умной и расчетливой. Она знала, чего хочет и не боялась это получить. Это я дурак, что закрыл глаза на те вещи, что должен был бы разглядеть, — он сузил глаза. — Она была не похожа на твою Коди. Но ответу на предыдущий вопрос — одинаково тяжело жить с будущим, которое не знаешь и которое знаешь. Неизвестность пугает. Чаще всего тратишь на это свое время впустую. Любит ли она меня? Сделать это или то?

Эш кивнул.

— Кириан прав. Ничто не разрывает душу, как необходимость принять решение, когда не знаешь, чем оно обернется, и с чем останешься, когда все закончится.

— Кроме того, что придется жить с тем, что принял неверное, — пробормотал Ник.

Кириан фыркнул.

— Ух ты, Ашерон, а он нас таки слушает. Кажется, мне страшно. Это знак Апокалипсиса.

Ник показал язык.

— Босс, если больше не будет зомби, то я справлюсь.

Оба застонали от их упоминания.

— Мадуг же больше не программирует?

Ник покачал головой в ответ на вопрос Кириана.

— Мы оттащили его от компьютеров. Пообещали переломать пальцы на ногах и руках и разбить очки.

— Хорошо. Он конечно гений, но сущий кошмар.

— Знаю я. И бедный Бабба. Им с Марком больше некого преследовать. Они застряли на классах по выживанию. Может, мы должны бросить им косточку?

Кириан нахмурился.

— А я вот не против поскучать. А ты, Ашерон?

— Скука... что за иностранные слова ты употребляешь, генерал? Боюсь, они мне не знакомы.

Ник засмеялся. Забавно наблюдать, как Кириан и Ашерон ведут себя как дети.

По крайней мере пока не зазвонил телефон Эша. Извинившись, он отошел, чтобы ответить.

Кириан скрестил руки на груди.

— И что ты тут делаешь?

— Мне было любопытно, — признался Ник. — Знаю, что ты рассказывал о сестрах Братьев и сестер у меня нет, так что я пытался представить тебя ребенком вместе с ними. Но это в голове не укладывается.

Кириан посмотрел на огромную статую грустным взглядом.

— Жаль, что мы не ценим наше детство, пока не станет слишком поздно. Особенно те, у кого оно было хорошим.

— Ты о чем?

Кириан вздохнул.

— В свое время я считал, что так и должно быть. Не понимал, как мне повезло, пока однажды не покинул дом и не увидел, как растут другие дети.

— Твой друг Юлиан?

Он кивнул.

— Да. Он открыл мне глаза на то, чего я не замечал раньше.

Нику хотелось бы встретиться с наставником Кириана. Чем больше он слышал о древнегреческом генерале Юлиане Македонском, тем больше уважал его.

— Кстати... готов к вечерней тренировке?

— Конечно. Всегда готов к очередной встряске. Сегодня Стоун не запирает меня в шкафчике и не окунал головой в фонтан. Мне даже показалось, что мной пренебрегают.

Кириан засмеялся.

— Парень, ты какой-то неправильный.

— Знаю, и виню в этом маму. Она так крепко обнимала меня в детстве, что перекрывала мне кислород. От этого повредился мозг.

Когда вернулся Эш, на лице его было выражение, которое появлялось у Баббы, когда ему говорили, что зомби не существует. Или что Опра перешла в другое шоу. Дурные новости для всех.

— Что происходит? — спросил Кириан.

— Совет Оруженосцев. Прошлой ночью было несколько случаев смертей.

— Несколько?

Он медленно кивнул.

Нику, как и Кириану это не понравилось.

— Судя по твоему лицу, они не подавились плохо приготовленным рисом с красной фасолью.

— Конечно, нет.

Ник сморщил нос.

— Мне следует это знать?

— Учитывая твою реакцию на прошлого убитого, нет. Но по крайней мере мы не в моей машине, так что мне не надо волноваться, что ты вцепишься в обивку.

— Ты мне это не забудешь?

— Нет, ты оставил пятно на сиденье, — он зыркнул на Кириана. — Как думаешь, если мы его кастрируем, это его успокоит?

Кириан рассмеялся.

— Возможно, но тогда нас кастрирует его мать. Не знаю, как ты, а я дорожу этими частями тела.

— А я бы и без них прожил, — тихонько пробормотал Эш. — К сожалению, чудовище, которое мне приходится терпеть, нет, и она устроит мне ту еще жизнь.

Он глухо зарычал.

— В общем, все плохо, — последние четыре слова он произнес отрывисто и громко. — Они думают, что до них добрались Даймоны.

Ник выпучил глаза.

— Так... что-то мне не нравится, что Даймоны едят Оруженосцев, — пусть он и был Малачаем, но все равно как-то неприятно.

— Не волнуйся, мы не дадим им съестть тебя. По крайней мере живьем.

Ник фыркнул в ответ на сухой тон Кириана.

— Спасибо, босс, — ответил он язвительно. — Хорошо, что я не оставил тебе печенья Розы. Ты его не достоин!

Кириан похлопал его по спине.

— Ничего. До конца вечера отработаешь.

— С чего ты решил?

— Сегодня день оплаты. Артемида кинет ее в мой бассейн. Придется тебе понырять.

Ник сразу ошетинился. Он ненавидел, что древнегреческая богиня Артемида не идет в ногу со временем и не платит Темным Охотникам наличкой или на банковский счет. Нет, она все еще считает, что живет в Средние века, и раз в месяц скидывает на них золотые слитки и драгоценные камни. Печально то, что богиня, знаменитая своей стрельбой из лука, абсолютно не умеет целиться. Она всегда скидывает их в крайне неудобное место. Хотя, скорее всего, она это делает специально.

Он уставился на Кириана.

— Ты... — он остановился, когда понял, что значит выражение лица Кириана. — Нет, только не туда опять. Куда угодно, но не туда.

— О, да... — оплата на дне бассейна на заднем дворе. Желая повеселиться, когда будешь доставать. Убедись, что в этот раз не прозеваешь бриллианты.

И с этими словами Кириан ушел, злобно хохоча.

— Ненавижу тебя, — крикнул Ник ему в спину. — И я увольняюсь!

— Ты не можешь уволиться. Я владею твоим жалким задом, и твоя мама не позволит тебе уволиться, пока ты не расплатишься за больницу.

Ник передразнил его, пока Ашерон смеялся над ним. Он скорчил рожицу древнему существу.

— Тебе не нужен милый работник в уродливых рубашках?

— Только об этом и мечтаю... Нет.

— Вы оба отстой.

— Ага, для этого и нужны клыки, — Ашерон провел языком по одному из них, чтобы подтвердить свои слова.

Раздраженно вздохнув, Ник покачал головой.

— Ну и ладно. Хотя бы не дайте меня съестть, как других Оруженосцев. Помните, меня нельзя убивать, пока мне не исполнится двадцать четыре. Мы так договорились.

Ашерон пихнул его.

— Ты такой странный.

— И все равно нравлюсь тебе. И о чем это говорит?

— Что я слишком мало выхожу в люди.

Когда Ник пошел к двери, Эш остановил его.

— Помочь тебе с бассейном?

— Неа, сам разберусь. Иди, спасай мир. Но если хочешь выделить мне плавки для купания, то уверен, соседи Кириана это оценят. Иначе пойду в чем мать родила.

Как только он это произнес, на его голове появилась пара плавок.

Ник стащил их, зарывчав.

— Теперь я понимаю, в кого Артемида такая меткая. Вы вместе тренировались?

Ашерон пробормотал что-то на атлантском, уходя. Но в этом не было ничего удивительного. Ник же замер от того, что понял слова, как будто это был английский или каджунский язык.

«Парень, не упоминай Арти. Мне вовсе не хочется иметь с ней дело этой ночью. Не буди рыжего дракона. Она может услышать и прийти на зов».

По крайней мере одна из его способностей Малачая работала как следовало. Но это даже напугало его. Он к такому не привык, обычно все шло наперекосьяк или вообще не работало.

Когда он посмотрел на статую, то впервые увидел сестер Кириана не бледными кусками мрамора, а такими, какими они были в его время. Фаедру, которая была моложе всего лишь на год. Она пела ангельским голосом. Алтею — младшую в семье, любимицу Кириана. Он избаловал ее до такой степени, что даже родители возмущались на это. Хотя всю их семью ошеломила его смерть, она восприняла ее хуже всех. Это так ранило ее, что она даже сбрила свои светлые, как у Кириана волосы и отказывалась разговаривать.

И Диану. Эта сестра была так на него похожа, что они постоянно ссорились по всевозможным причинам. Оба были упрямыми и несгибаемыми. Забавно, но в итоге она вышла за одного из его лучших друзей, похожих по темпераменту на Кириана, как будто она так сильно скучала по брату, что искала кого-то, кто бы напоминал его.

Ник не только видел их, но и чувствовал любовь Кириана к ним и их к нему. Она была так сильна, что эфир перенес ее и создал защиту для его босса даже спустя две тысячи лет.

Не удивительно, что Кириан хотел пронести эту память сквозь время.

Кириан прав, его благословили боги. Его семья сделала все, чтобы защитить сына. Даже когда он настоял на том, чтобы сражаться, как солдат, его отец окружил его личной охраной, состоящий из лучших солдат, которых смог отыскать, и отправил его учиться к Юлиану Македонскому — самому опытному и уважаемому греческому командующему того времени. Алкис Фракийский шел на все, чтобы защитить единственного сына. Он бы сделал для Кириана все.

И когда Кириан женился на проститутке против его желания, Алкис всеми силами пытался открыть правду о ней неразумному сыну.

Кириан сопротивлялся. Влюбившись в образ, который она создала для него, в плену ее лжи, он слышал лишь Теону. Ничто не могло заставить его отпустить ее, даже отец, который лишил его наследства, наказав. Теона была его жизнью, и он бросил свои войска, услышав, что она в опасности. Он ехал день и ночь, чтобы спасти ее, а она отдала его врагам, которые мучали и пытали его.

Его семья делала все, чтобы спасти его. Алкис предлагал передать Фракию под контроль римлян. Сестра Кириана Алтея предлагала себя в качестве рабыни ненавистному

врагу Валериусу Магнусу Старшему. Это была истинная, не знающая границ любовь. Даже после горьких слов, сказанных Кирианом отцу, король Алкис изо всех сил пытался исправить последствия предательства Теоны.

К сожалению, римляне не собирались его отпускать. Он был слишком хорошим командующим. Они знали, что если выпустят его, он уничтожит их империю. В исторических хрониках писали, что когда Кириан Фракийский вел свои войска на войну, римляне падали, как подкошенные.

И когда гордый король Алкис узнал о его казни, то убил себя.

Ник смахнул слезы, задыхаясь от горя. Он чувствовал муку и чувство вины, которые испытывал Кириан каждый день. Ища счастье и доверившись вероломной женщине, он уничтожил свою семью и нацию.

Мгновение слепого эгоизма...

Не удивительно, что он об этом не говорил. Не удивительно, что Кириан никому не доверял. Как бы он смог?

Но в том то и загадка жизни. Как понять, что на сердце у другого? Кто живет ради тебя, а кто лишь ради себя. Скорее всего это узнаешь лишь когда тебя повесят, как Кириана.

Ник дотронулся до руки Алтеи. На мгновение ему показалось, что она сжала его пальцы.

Жутковато.

— Не волнуйтесь, — прошептал он им. — Я уберегу вашего брата. Прикрою ему спину ради вас.

«Но кто прикроет твою?»

Ник подпрыгнул, услышав бестелесный голос, шепчущий ему на ухо.

Какого черта?

Он просканировал комнату с помощью демонических глаз.

Ничего. Тишина в эфире. Никакого запаха...

Но он точно слышал женский голос, говоривший на английском.

«Блин», — за последние годы Ник понял одно...

Бестелесные голоса, шепчущие уму на ухо — предвестники беды. И к тому же Война и Смерть объявили ему войну. Жнец Грим сказал ему приготовиться.

Похоже, все началось.

— Ух ты, Готье! Ты сегодня дерганней обычного, учитывая, что ты чаще всего скачешь, как гиперактивная белка.

Ник поморщился, когда у его шкафа остановилась Брайнна Аддамс и ЛаШоннда Тибидокс.

— Я решил, что это крадется Калевб, чтобы сделать какую-нибудь глупость, например, вытянуть мои трусы при всем классе, — солгал он, надеясь, что Брайнна примет такое объяснение. Хотя Калевбу для этого и красться бы не пришлось.

Злобный демонюга мог бы это сделать усилием мысли с другой стороны класса. Так он и поступал, когда находился в дурном настроении.

Однажды Ник превзойдет его и вернет должок. А потом сбежит в другое измерение, где будет надеяться, что Калевб никогда его не найдет.

— Ну, все ясно, — Брайнна невероятно изящно подошла к шкафчику. Она была обычной компанейской девчонкой, которая была одета в штаны с заниженной талией цвета хаки и строгую рубашку, ЛаШоннда же — ее яркая лучшая подруга одевалась в стиле аниме. Сегодня на Шон была сексуальная японская школьная форма, которая напомнила Нику комиксы манга — отделанная рюшами белая блузочка, ярко-красный галстук и слишком маленький джемпер, который явно подчеркивал выступающие части ее тела, на которые он не смотрел, чтобы не схлопотать пощечину за приставания.

Но не только поэтому... И не потому, что он был холоден.

Однако, он был самым счастливым приличным парнем, если бы его девушка иногда заимствовала вещички у ЛаШоннды.

Да, Коди выглядела бы чудесно.

И как обычно, Шон подошла к вопросу со всей серьезностью. Она даже надела поверх своих косичек повязку в морском стиле, белые чулки до колен и туфельки Мэри Джейн.

Ник поморщился, когда осознал и жутко испугался того, что знает, как называются эти черные блестящие туфли. Но все же Коди по-тихоньку знакомила его с подобными вещами. Сейчас он уже ел с тарелки и пил из стакана, как нормальный человек.

Но если честно, обучение он проходил без желания. Он по-прежнему не понимал, зачем женщинам больше двух пар туфель — тех, что носишь ты, и тех, что заставляет тебя надевать в церковь мама и по особым случаям, потому что твоя обычная обувь заставляет желать лучшего.

Покраснев, он отошел, чтобы Брайнна смогла открыть шкафчик и взять книги.

— Ты вчера успела прочитать все, что нужно?

— Нет! — раздраженно рявкнула Брайнна. — Это же так много. А ты? Если скажешь да, я тебя ударю.

— Я смухлевал и попросил Кириана мне все пересказать. Замечательно работать с древнегреческим боссом. Он знает «Илиаду» назубок, и ему даже нравилось просвещать меня. Кажется, он лично знал Ахиллеса.

Она фыркнула.

— Он не такой старый.

— Нет, но Эш — да.

Она рассмеялась

— Вообще-то... — Шон сжала книги покрепче, огляделась и зашептала. — Мама мне поведала слух, что Кириан спал с внучкой королевы Амазонок, которая сражалась при Трое.

Ник недоверчиво фыркнул.

— Да ну!

Она прижала правую руку к сердцу.

— Так говорят.

— Кто говорит?

— Другие греческие Темные Охотники, — Шон перекинула волосы через плечо. — Зои была одной из них. И она достаточно старая, чтобы знать... и была принцессой Амазонок.

Ник обдумал это. Шон может знать правду. Как и Брайнна, она была из одной из самых старейших семей Оруженосцев, многие поколения скрывавших существование Темных Охотников и служащих им. Кроме того, отец Шон многие годы был Главным Историком и Хранителем архивов Совета Нового Орлеана. И он был непревзойденным экспертом во всем что касалось истории Темных Охотников — что они делали и кого знали.

— Я спрошу Кириана, но он злится, когда я лезу в личное... Хотя, может, Эш знает.

— Вполне, — Брайнна вытащила книги из шкафчика и захлопнула его. — Он знает все.

Не совсем. Он понятия не имел, что Ник — Малачай, и что Коди — его племянница. Удивительно, что при всей силе Ашерона, от него удалось сохранить в тайне столько вещей.

Но Ник не стал ее поправлять. Он быстро понял, что у всех есть свои слабости. Природа всегда предусматривает какой-нибудь выключатель.

На каждый Титаник есть свой айсберг.

Так объяснил ему Кириан смысл «Илиады». Баланс и умеренность. Регрессия до средней величины. У каждого Гектора есть свой Ахиллес. У каждого Ахиллеса — Парис. У каждого Приама — Агамемнон, а у Агамемнона — Клитемнестра.

Рано или поздно каждый заплатит за неправильные поступки по отношению к другим. И когда расплата приходит в дом, она приводит с собой гадких друзей с копьями.

Кстати о...

Он повернулся, почувствовав присутствие сверхъестественного существа, которое всегда вызывало на его губах мечтательную улыбку. Как только он увидел зеленоглазую Коди в обтягивающей красной футболке, то понял, что стоило бы надеть штаны посвободнее. К счастью, на нем была мешковатая гавайская рубашка.

— А вот и моя малышка.

Ее чудесная улыбка только ухудшила его положение.

— Когда-нибудь мне придется выучить каджунский, — она нахмурилась. — Кто знает, может под вашим акцентом скрывается оскорбление.

Ник спокойно скинул рюкзак с плеча и выставил его перед собой, на всякий случай.

— Нет, милая. Я бы никогда так не поступил с моей красавицей.

Брайнна засмеялась:

— Не знаю, девочка. Я тут провела уже столько времени, но все равно к нему не привыкла.

Шон цыкнула на нее.

— Ты разбиваешь мое патриотическое сердце!

Ник выдал самый сильный каджунский акцент:

— Они не понимают, милая... не понимают. И что нам с ними такими делать?

— А давай скормим их крокодилам, — Шон подмигнула ему.

Брайнна хмуро посмотрела на Коди.

— Тебе не хочется увидеть субтитры, когда он так делает?

— Нет, я могу его понять, если только он не говорит на каджунском на самом деле, пусть даже слова он произносит быстро и с акцентом. Но вот Баббу и Марка... Мне точно нужны субтитры, когда они чем-то возбуждены и тараторят. Понятия не имею, на каком языке они говорят.

— Это старый добрый акцент Теннеси, — поддразнил ее Ник. — И у них он не сильный.

— Для тебя, — ответила Коди. — Но следует помнить, что мой родной язык не английский.

Глаза Брайнны расширились.

— Нет?

Коди побледнела, когда поняла, что проговорила перед Брайнной и Шон.

— Хм, нет. Я родилась в Греции и моя мать египтянка.

— Правда? — ахнула Брайнна и посмотрела на Ника. — А мы только про Грецию говорили. Так первым ты выучила греческий или арабский?

Ник приподнял бровь, ожидая ее ответа... Хотя в современном Египте и говорили по-арабски, мать Коди была древней богиней. Так что она росла, разговаривая на иератическом и демоническом египетском — мертвых и забытых языках. Даже ее греческий — произошедший от койне-греческого диалекта Кириана, отличался от современного.

— Греческий, — сказала она быстро.

«Дешево отделалась».

Коди бросила на него раздраженный взгляд.

«Не говори со мной в таком тоне. К твоему сведению, по-арабски я тоже говорю свободно. Мой отец несколько лет прожил среди кочевых племен Северной Африки».

Странно, но этого он не знал.

— Впечатляет, — сказала Шон. — У тебя совсем нет акцента. И как тебе так повезло?

Коди пожала плечами.

— Хорошая генетика. Хотя моим родителям легко давались языки, но от акцента им так и не удалось избавиться. А вот моим братьям удалось.

Брайнна ахнула еще громче.

— Не знала, что у тебя есть братья. Почему они не ходят в нашу школу?

«Ты сегодня раскрываешь всевозможные секреты. Кто-то наслал на тебя заклинание правды?» — передал ей Ник свою мысль.

«Знаю! Помоги!»

Ник кашлянул:

— Ее братья намного старше. Они не живут в штате.

— А, — Брайнна кивнула. — Поверь мне, я понимаю. У меня огромная семья по всему миру. Та еще заноза.

Прозвенел звонок.

Ник громко застонал, ученики потянулись к классам.

— И где мой геморрой? Странно, что он не рядом со мной.

— Может, он болен, — предположила Брайнна, не зная, что Калев был демоном-полубогом и не мог болеть.

Ну, однажды он заболел, но это были особые обстоятельства и такого не должно было

повториться. Господи, да он молился, чтобы этого больше не произошло.

Когда они направились в класс, к ним по холлу подлетел Калев.

Ник приподнял бровь.

— Что-то не так?

— Будильник не сработал.

— Странно.

— Да, — сказал Калев язвительно. — Ты себе не представляешь. Аэрон тоже проспал.

А вот это странно. Расчудесный Леголас мог бы поспорить с мамой Ника на деньги, что никогда не будет никуда опаздывать. Кроме того, он придерживался ужасного жесткого военного графика. Он был не богом войны, а человеком с обсессивно-компульсивным расстройством.

Ник скривился.

— Опять зайтиттеры?

— Не смешно.

— Да я и не шучу, — потому что хранители времени со своими серпами обезглавливали тех, кто злоупотреблял временем, и о таком не шутят. Особенно учитывая, что они выглядели, как доктора, лечившие чуму, и казалось, будто у тебя галлюцинации о фильме ужасов в стиле вуду.

И они капают кровью на твои единственные ботинки, пока ходят за тобой, как жуткие тени, от которых не отмахнуться.

Да, Ник не стал бы шутить о таком.

Наверное, это причина, чтобы завести еще одну пару ботинок. Девчонкам может понравиться.

Ему все еще снились кошмары, после последнего столкновения с этими жуткими существами.

— Знаешь, — медленно начал Ник. — Нам бы не помешало лечение. Но учитывая все, с чем мы имеем дело... Если я расскажу об этом постороннему, нас запрут в психушке, а ключ выкинут.

— Так и будет, — Калев вел их в класс. — И я уже пожил в громадной клетке, так что не рекомендую.

— Да, но в твоем случае, твоими внутренностями обедали демоны.

— Правда. А твой отец пытался вырвать мои крылья, — Калеба передернуло от воспоминаний. — Я уже говорил, как ненавижу твоего отца?

— Неа, но я чувствую, брат. Он тоже у меня в любимчиках не ходил.

Коди покачала головой.

— Вы оба такие дурные.

Ник возмущенно кашлянул.

— Как будто ты его больше нас любила. Насколько я помню, ты сама пыталась его убить.

— Твой отец был чертовым садистом.

— И мы так считаем. Никто не плакал, когда он умер, — Ник пропустил Коди в класс и направился к своему обычному месту.

— Ну, не надо было это озвучивать.

Он издал тихий демонический рев и послал рассерженный взгляд Калебу.

— Она снова пытается сделать из меня человека. Да что такое с женщинами? Фу! А

потом она мне скажет не ковырять в пупке.

— Ник! Это гадко!

— Вот видишь!

Она покачала головой, прикрыв глаза руками.

— Ты такой ужасный. Калерб, спасибо, что ты джентльмен с хорошими манерами.

— Не за что. Меня перевоспитала Лил. Но если тебе станет легче, Ник, я был гораздо хуже тебя, когда она меня встретила.

Ник уселся, смеясь. Пока он копался в сумке, в голове промелькнуло странное видение — Калерб и Лилиана. Видение было таким ярким, живым и мощным, что он замер на месте. На него обрушилось невообразимое горе и физическая боль.

Малфаса ранили в бою, прокололи бок копьем, и за ним гнались войска сеферимов, сражавшихся против армии первого Малачая.

После долгого преследования Малфас наконец-то оторвался от врагов и нашел место со свежей водой. Из-за болезненных ран и попыток не потерять сознание, у него не осталось сил, чтобы отозвать свою демоническую форму. Так что он лежал у ручья на животе, расправив черные крылья, его красная кожа была залита черной кровью.

Он едва дышал и пытался остановить кровотечение, когда услышал, как рядом кто-то ахнул. В ярости он направил меч на того, кто помешал ему, намереваясь убить.

Но как только он заглянул в наполненные страхом ярко-голубые глаза, то заколебался. Глаза принадлежали ангельскому личику — с такими он не сражался.

Ее нос был немного большим для личика, как у феи, но он не отвлекал от ее красоты. Этот маленький изъян каким-то образом делал ее еще красивее. Ее светлые волосы были заплетена в тугую косу, но из нее выбивались кудряшки и обрамляли лицо.

Хотя она явно испугалась его, но все равно прикусила губку настороженно и начала медленно приближаться.

— Ты ранен?

Ошеломленный тем, что она не закричала и не убежала прочь, Малфас хмуро посмотрел на нее.

— Ты меня понимаешь?

Когда она подошла ближе, он обнажил клыки и зашипел, надеясь прогнать ее.

Вместо этого она замерла:

— Демон, я не причиню тебе вреда. Я целительница. Позволь мне помочь тебе.

Эти слова ошеломили его. Она — человек, зачем ей ему помогать? Они были по разную сторону войны. И ей следовало об этом знать. Такие, как он убивали людей сотнями, где бы не отыскивали их.

Не жалея, не рассуждая и не колеблясь.

А она все равно стояла, опустив руки. Он не чувствовал никакого подвоха. Она казалось самым искренним созданием из всех, что он знал, хотя таких он знал не много. Большинство его знакомых были теми еще змеями, способными предать в мгновение ока.

— Пожалуйста... позволь помочь. Если тебя тут найдут, то позовут на помощь других, чтобы убить.

— А почему ты не позовешь?

— Лично мне ты ничего не сделал. Я не верю, что кто-то должен отвечать за поступки других, лишь за свои, — она подошла к самому кончику его меча, покрытого кровью поверженных врагов.

Лишь тогда она засомневалась, заметив это.

Малфас опустил меч и позволил ему выпасть из рук. Он сложил крылья и зашипел, потому что от этого стрельнул бок.

С самым нежным выражением лица, которое когда-либо предназначалось ему, она опустилась на колени и положила мягкую ладонь на его щеку. Его трогали так впервые в жизни. Целую минуту он не мог дышать, от захлестнувших его незнакомых чувств. А кожа ее пахла розами и медом — восхитительный запах, пробудивший в нем жгучий голод.

Но он не жаждал крови или костей. Он не знал, чего хочет от нее.

— У тебя жар.

Его поразило, что она не отпрянула от его неестественно-красной кожи и длинных оранжевых волос. Вместо этого она взяла его за лицо и не поморщившись заглянула в желтые демонические глаза, стирая кровь с его щек и губ.

— Можешь встать?

Он кивнул.

И к его величайшему изумлению она помогла ему подняться на ноги. Когда ее нежная ручка скользнула по его черным крыльям, чтобы поддержать, он пропал от ее доброты.

— Здесь есть пещера, в которой я играла в детстве, вон на том холме, — она мотнула головой в том направлении. — Туда никто не ходит. Люди думают, что там призраки. Там ты будешь в безопасности, и я смогу ухаживать за тобой и приносить еду.

— Не понимаю, зачем тебе помогать мне.

— Потому что ты нуждаешься в этом.

Он покачал головой.

— Ты меня не боишься?

— До ужаса.

Так и должно было быть. Он возвышался над ее хрупким человеческим телом. Ему ничего не стоило разорвать ее на кусочки и с помощью ее костного мозга и крови восстановить силы и залечить раны. Он разрывал мужчин в два раза больше ее, вооруженных, тренированных воинов.

И все равно она стояла рядом, безоружная. Ее единственной защитой было тонкое светло-желтое платье, через которое под лучами солнца просвечивалось ее тело. На ней даже не было украшений, с помощью которых она могла бы заколоть его.

Ничего.

Даже ее ногти были настолько короткими, что она бы не смогла его оцарапать. Она была беззащитна, как мышонок. Часть его хотела отведать ее крови, узнать, была ли она такой же сладкой, как пахла. Та же часть его души ненавидела ее за то, что она смела вот так стоять рядом с ним, за невинное доверие, как будто говорящее, что она знала, что он не причинит ей вреда.

Как будто она заставляла его проявить безжалостность. Он поклялся, что всегда будет таким, что никогда больше ничего не почувствует, останется глух к миру и его боли.

Она была его врагом, тем, кого пытался защитить его отец. Малфас поклялся с помощью своего меча и армии уничтожить каждого члена ее жалкой расы, увидеть, как исчезнет зараза, которой они и были.

Человечество... Слово отдавало горечью на его языке.

Но когда он посмотрел на нее и почувствовал жар ее ладони на своей коже...

Внутри не было ненависти. Он хотел успокоить ее и прогнать страх из ее глаз. И ему

даже хотелось узнать, как выглядит улыбка на этом невинном личике.

— Я не причиню тебе вреда, малышка, — он не знал, кого больше удивили его слова — его или ее.

Впервые ужас исчез с ее лица и взгляд стал мягче и теплее. Обняв его за талию, она мягко направила его к пещере.

— Все демоны такие огромные?

Он фыркнул от ее вопроса.

— Зависит от особи, — он резко втянул воздух, когда споткнулся о куст ежевики и боль вернулась снова. Она не сморщилась, когда он навалился на нее сильнее, чем хотел.

Удивляясь ей, он ослабил хватку на ее плече, не желая причинять ей боль.

— А все женщины такие же храбрые?

Наконец-то на ее губах появилась улыбка, и она ошеломила сильнее, чем он думал.

— Зависит от особи.

Он приподнял бровь в ответ на ее поддразнивания.

— А ты нахалка.

— Так и мой отец говорит. Моя вина в том, что я не знаю своего места. Но кто может знать его лучше, чем я? И кто может лучше определить его? Так что я не буду ни под кого подстраиваться. Это моя жизнь, такая, какая есть. И я буду жить по своим правилам столько, сколько захочу, — она завела его в темную пещеру, где он применил ночное виденье.

Для него тут было как дома.

К его удивлению, она не боялась тьмы, что он звал домом. Он сел на пол, а она пошла в угол и достала маленькую труповую коробочку. Если бы он не знал наверняка, то решил бы, что в ней кровь демонов, так ловко она двигалась почти в крошечной тьме.

Но это лишь потому, что она была знакома с местом и знала тут все. Лилиан достала спичку, подожгла ее и поднесла к маленькой сальной свечке. Держа ее в воздухе, она подошла к нему и поставила ее в маленький подсвечник, который сама же и соорудила.

Как только она смогла видеть, то повернулась к нему и опустилась на колени. Когда она потянулась к его кирасе, он схватил ее своей когтистой лапой.

— Что ты делаешь?

Она спокойно посмотрела на него.

— Хочу осмотреть твою рану. Ты же не думаешь, что я причиню тебе вред?

Нет, но довериться было не легко для него. В прошлом не было никого, кто бы не пытался причинить ему вред. Включая его собственных родителей.

Он нехотя ослабил хватку и сдался ее заботе. Она, как и обещала, не причинила ему вреда, лишь осторожно осмотрела рану, затем оторвала часть нижней юбки, чтобы перевязать ее.

Этот бескорыстный поступок поразил его вдвойне. Во-первых, ради него она испортила свое платье. Во-вторых, ее прикосновение было легче перышка, и тронуло до глубины его прогнившей души.

Закончив, она села и улыбнулась ему.

— Тебе нужно лежать и отдыхать. Я принесу тебе что-нибудь попить и поесть.

— Спасибо.

— Не за что.

По тому, как она это сказала, он понял, что она что-то хочет от него, но не понимал, что.

Через секунду она рассмеялась.

— Как тебя зовут?

— Малфас.

— Малфас, — повторила она с отвращением. — Это имя тебе совсем не подходит.

— И как ты это поняла?

— Ты слишком красив, чтобы быть Малфасом.

Она чокнутая? Он был полностью демоном в ее присутствии. Он уже выяснил, что больше всего люди ненавидят их, когда они носят шкуру демонов. Все в них противело человеческим особям.

Но, казалось, это ее не беспокоит: ни черная кровь, ни длинные когти, предназначенные для того, чтобы разрывать человеческую плоть. Она вела себя так, как будто он был нормальным, как дневной свет.

И это смягчило его сердце воина, как никогда раньше.

— И какое имя тогда предложишь, малышка?

Она мило прикусила губку, задумавшись. Затем, к его полному изумлению, она протянула руку, нежно откинула оранжевые волосы с его лица, чтобы держась за него, изучить его черты.

— Калев, — его ошеломило то, что она инстинктивно выбрала имя, близкое к его имени-призыва... как будто почувствовав его. И более того...

— Калев? — он содрогнулся. — Почему такое ужасное?

Она уронила руку ему на грудь.

— Потому что я чувствую твое сердце. Верное сердце. И по твоим ранам и шрамам, могу сказать, что ты бесстрашен. Так что я буду звать тебя Калевом — верным и бесстрашным воином, защищающим то, что у него есть не жалея сил. Вот что я вижу, глядя на тебя. Не демона. благородного и смелого воина. Думаю, однажды ты согласишься в зеркало и увидишь такого же благородного человека.

И этими словами Лилиана разрушила ледяной барьер, который сковывал его сердце с тех пор, как его бросили в жестоком мире без друзей и семьи.

— Поверь мне, я никогда не увижу в зеркале человека. Если так, то я заору и убью его.

Она засмеялась.

— Ты знаешь, о чем я. Теперь позволь мне найти твой меч, пока его не обнаружили и не начали искать тебя. Потом я обеспечу тебя достаточным количеством еды, пока ты не поправишься и не сможешь присоединиться к своей армии.

Малфас задохнулся, осознав, что бросил свое оружие. Какого черта? Он никогда в своей жизни не бросал меч. Никогда не позволял себя разоружить.

До этого момента.

Малфас оставил его, не думая ни о чем. Какую магию применила эта человечиска, если смогла лишить рассудка самого опасного демона-командующего во всей армии Мавронимо? Его преследовали уже несколько недель. Но даже будучи раненым, он без малейших усилий смог бы положить лучших солдат противника.

А она лишь улыбнулась, и он отложил меч.

«Я идиот».

И теперь следует ожидать, что она вернется с врагами и его убьют его же мечом. В конце концов, им нужно проклятое богами оружие, чтобы ранить его плоть, ведь оружие смертных безвредно для него.

Но она так не поступила. Вместо этого она вернулась, как и обещала, с его мечом и корзинкой еды. Не говоря лишнего, она протянула ему меч, затем дала еду и питье и перевязала его рану.

Позже она ушла и унесла с собой его сердце. Сердце, о существовании которого он и не подозревал. Всего лишь парой воодушевляющих слов и добротой, которой он не знал, она поработила самого опасного демона, порожденного самыми злобными и черствыми созданиями Источника. Калев все еще любил ее, даже спустя века. Он горевал и хранил память о ней. И он продолжал жить с этим именем, чтобы напоминать себе, что его жена видела в нем не только монстра. Лилиана научила его сражаться против отца не только потому, что он просто ненавидел его, но и ради своих убеждений, ведь так поступают благородные люди. Потому что так правильно.

«Я молюсь, чтобы ты никогда больше не потянулся к мечу, Лорд Муж. Но если придет день, когда тебе придется вернуться на войну, то он должен защищать то, что ты любишь. А не сражаться из ненависти и страха, или ради мести».

Ник почувствовал эмоции Калеба, когда тот повесил свой демонический меч на стену спальни своего коттеджа. Он завернул его в зачарованную ткань и наложил защитное заклинание, чтобы враги не смогли найти его, пообещав жене, что покончил с битвами навсегда.

Он никогда больше не будет сражаться. Теперь он хотел лишь быть с ней дома на ее ферме под личиной скромного человека.

Но боги не дали ему мир. Они вытащили его на войну против его воли. Но верный своему слову, он не встал на сторону Мавронимо.

Он перешел к Калосуму — светлой стороне. Его любовь к жене была гораздо сильнее ненависти к отцу. Он изо всех своих демонических сил дрался против своих врагов, чтобы порадовать Лилиану и спасти ее народ.

И все еще продолжает это.

Ник нахмурился, глядя на друга, и видел оба лица Калеба: лорда демонов Малфаса и его преданного, часто угрюмого охранника, который не колебался, защищая его ценой своей жизни.

Калев поднял голову и замер, заметив, что Ник пялится на него. Он сузил темные глаза.

«И что значит этот взгляд? Клянусь, Готье, если ты запал на меня, я прошибу тобой стену».

Ник засмеялся и послал ему воздушный поцелуй.

— Какие-то проблемы, мистер Готье? — спросила мисс Пенталл.

— Нет, мэм. Просто Калев снова строит глазки и пялится на мою грудь с какими-то дьявольскими намерениями. Скажите, чтобы он прекратил сексуальные преследования, а то мне некомфортно, — Ник прикрыл горло воротничком и отодвинулся от Калеба.

Калев поперхнулся, а несколько студентов рассмеялись.

Мисс Пенталл закатила глаза.

— В этом случае я напомню вам о школьном правиле «Никакого публичного проявления чувств». Ведите себя прилично, и вернемся к домашней работе.

— Да, мэм, — сказал Ник и вытащил ее.

Он только успокоился, как открылась дверь, являя нового студента. Такое в маленькой частной школе происходило крайне редко, и вовсе не потому, что в Св. Ричардс было так трудно попасть из-за высоких требований. Скорее уж из-за того, что в школе

сверхъестественные существа учились выживать с людьми и не позволять себе перекинуться в животных.

Хотя в школе и была горстка «олухов» или обычных учеников, которые не подозревали, что учатся с перевертышами, большинство студентов были или ими, или детьми Оруженосцев, которые многие поколения служили Темным охотникам вроде Кириана и Ашерона.

Обычно Оруженосцы отправляли своих детей в частные школы, чтобы за ними присмотрели старшие Оруженосцы и их никто не обидел. Особенно учитывая, что их враги могут решить взять их детей в заложники или убить, чтобы добраться до родителей и Темных охотников, чтобы отплатить им за то, что многие годы те защищали человечество от сверхъестественных хищников.

Это давало Вер-Охотникам попрактиковаться жизни в нормальном мире, чтобы они могли к этому привыкнуть.

Ник был одним из «олухов» Св. Ричардса, пока два с половиной года назад его лучший друг не напал на него, и Кириан не спас ему жизнь. Ник все еще недопонимал, чем он понравился древнему греку и почему тот решил протянуть ему руку и привести в этот чудесный мир.

Теперь он стал неслыханно молодым Оруженосцем, потому что обычно они приносили клятвы в восемнадцать лет. Но Кириан потянул за ниточки, и он стал самым юным Оруженосцем за всю историю Совета.

Представленный им новичок не был похож на Оруженосца или других ребят.

Ник посмотрел на Калеба:

«Что думаешь?»

Калек безразлично пожал плечами.

Мисс Пенталл кашлянула, читая его карточку.

— Ребята? Это Нейтан Сэнт Кайр. Нейтан только что переехал в Новый Орлеан из Нью-Йорка. Я знаю, что все будут вести себя хорошо и поприветствуют мистера Сэнт Кайра. Можете занять свободное место, и мы начнем.

Ника посетило странно ощущение, когда Нейтан приблизился к нему. Как будто к его позвоночнику прикоснулись проводом и послали заряд в нервную систему. Не то, чтобы с ним так поступали, но он мог себе это представить.

Нейтан кивнул ему, приблизившись к его столу и сел рядом с Коди.

Да, это не помогло ему внушить к себе любовь. «Лучше бы тебе не пялиться на мою девочку, урод...»

Ник мог вырвать голубые глаза парня и поиграть ими, как камешками. В нем проснулся Малачай и посылал огонь по его шее. Было тяжело подавить чудовище, когда оно появлялось вот так. Каждая частичка Ника жаждала разорвать Нейтана на кусочки за то, что тот влез в личное пространство Коди.

Особенно, когда он через секунду с очаровательной улыбкой прижался к руке Коди.

— У тебя не найдется карандаша? Мой, похоже, выпал из рюкзака.

— Конечно, — Коди протянула ему свой.

Его улыбка стала еще милее, когда он провел им около носа, вдыхая его запах, как будто мог почувствовать легкий аромат духов на дереве.

— Ммм, я буду его беречь. Спасибо за доброту, милая леди.

Калек поймал Ника за руку, когда тот попытался встать.

«Сядь, парень. Не заставляй шлепать тебя по носу свернутой газетой».

Ник бросил взгляд на лучшего друга, говоря Калебу, что тот может стать прекрасной заменой мальчика для битья, если не отпустит его.

Коди повернулась к Нику.

«Мне показалось, или это было гадко?»

Это и спасло Нейтану жизнь. Пусть его девочка игнорирует его.

Он почувствовал облегчение, пока Нейтан не повернулся к ней.

Неожиданно парта Коди скользнула на четыре дюйма ближе к Нику и подальше от Нейтана. Она ответила на дерзость Ника негодующим взглядом.

Резкий звук заставил народ поморщиться, все в комнате резко повернулись, чтобы отыскать его источник. Ник заставил себя не сжаться от того, что невольно воспользовался способностями Малачая.

Кашлянув, он посмотрел на учительницу.

— Извините, моя нога зацепилась за парту Коди.

— А что твоя нога делала под ее партой?

Ник пожал плечами.

— Я слишком высокий для этой парты, и мои ноги живут собственной жизнью. Вы же видели, как я иду по холлу, мисс Пенталл. Я понятия не имею, что делают мои руки и ноги, отсюда и куча синяков.

Она снова закатила глаза.

— Держите ноги под своей партой, Ник. Прекратите срывать урок, или я отправлю вас в офис.

Что-то больно ударило его по ноге. Ник резко выругался, и хотя не на английском, но мисс Пенталл достаточно хорошо знала каджунский, чтобы понять значение слова.

— Хватит! В офис немедленно!

— Но...

— Никаких но! Вперед!

Низко зарывав, Ник встал, чтобы получить из ее рук предписание. Он оглянулся и увидел грустное личико Коди, а затем перевел взгляд на Нейтана...

Он мог поклясться, что на мгновение его глаза полыхнули красным. Но это невозможно. Если бы Нейтан был демоном, Ник бы это увидел и почувствовал.

Он даже видел демоническую форму Ашерона, а уж у того было достаточно сил, чтобы скрывать ее ото всех.

Но не от Малачая. Ничто не могло скрыться от Ника. Он был счетчиком Гейгера сверхъестественных существ. Это было его даром и проклятием.

И это напоминало о странном ощущении в позвоночнике. И ему нужна была консультация с его приятелем — Могучим Рейнджером. Но этого не будет, пока он не узнает во сколько часов ему обойдется это убогое утро.

«Может, мне повезет и когда я пойду за Завидом, меня кто-нибудь сожрет, и мне не придется отрабатывать наказание».

Может же мальчик помечтать.

Забрав писульку из рук мисс Пенталл, он направился к двери и последний раз взглянул на Коди. Вместо того, чтобы смотреть на него, она что-то говорила Нейтану.

Перед глазами у Ника потемнело, и ему пришлось сдерживать себя, чтобы они не стали демоническими и не перепугали половину класса. Его дыхание стало прерывистым, он

собрал все силы, чтобы не снести дверь с петель.

«Все, хватит!»

Аэрон первым бы предупредил его о гневе. Он был вратами в место, куда ему не хотелось попасть. Именно он заставил отца оставить «свободную» жизнь и перебраться в максимально защищенную тюрьму. Только там Адариан мог жить со своими постоянными всплесками ярости и раскидывать внутренности тех, кто мешал ему отбывать заключение.

Каждый раз, когда Ник прибегал к этим силам, он обнаруживал себя перед врагами, рассказывал им, где его найти и кто был рядом с ним.

Единственный способ жить нормально — удерживать его вспышки и оставаться спокойным.

Да, но он хотел вырвать глотку этому мальчишке.

Когда он дошел до офиса директора, то был на приделе. Его ладони вспотели, сердце громко стучало. Он даже чувствовал, как стучит в висках. Слишком взбешенный, чтобы сесть, он встал перед стулом у офиса мистера Хэда, опасаясь, что может поиграть в Кэрри Уайт ^[2] с любым. Не хватало только свиной крови.

Неожиданно перед ним появился крошечный сгусток света. Большинство людей его бы не заметило. Он был не больше пылинки в солнечном луче. Но Ник знал источник неземного голубого света.

Это был блуждающий огонек, он же Расчудесный Леголас.

Он прекратил расхаживать и прошептал:

— Леголас? Что ты тут делаешь?

— Я почувствовал, как ты сжигаешь силы и подумал, что ты в беде. Пытаешься призвать Нойра? Если да, то предупреди сразу. Мне нужно собрать сумки, бросить тебя и спрятаться, спасая свой зад.

Ник тихонько хохотнул. Если бы. Аэрон скорее перережет себе глотку, чем спасется бегством. Кельтский бог войны никогда не бежит от битвы.

Аэрон перешел в свое прозрачное тело. Оно было скорее тенью, и его никто не мог заметить, кроме Ника или другого сверхъестественного существа высшего уровня.

— Ну вот ты и успокоился.

Ник кивнул, вздохнув.

— Спасибо.

— Так что тебя вывело из себя?

Ник почувствовал, что снова выходит из себя.

— Уродец в классе строил глазки Коди. Убей его.

Аэрон начал смеяться.

Пока не понял, что Ник не шутит.

— Ты что, серьезно?

— А похоже, что я шучу?

— Неа. Похоже, что нужно отвинтить крышку на твоей голове, пока она не взорвалась.

Аэрон цыкнул, а потом замахнулся, как будто собирался ударить Ника в плечо. Но так как он был в бестелесной форме, его рука прошла сквозь Ника и оставила покалывающее ощущение.

— Прости, парнишка. Не могу убить мужчину лишь за то, что он пялится на твою девчонку.

— Тогда вырви ему глаза. Принеси его мужское достоинство. Или хотя бы оторви ему

палец!

Глаза Аэрона расширились, когда голос Ника перешел на демонический нотки.

— Да тут проблемы, сынок?

— Немножко!

— Что, немножко, Готье?

Ник замер от голоса мистера Хэда. Отлично, то что нужно — директор, который считает, что ему не помешало бы навестить психиатра.

— Извините, мистер Хэд. Я тут думал о следующем уроке. Мне нужно еще немножко времени, чтобы закончить читать материал по нему.

— Заходи, обсудим последние события, которые привели тебя на мой порог. Не могу дождаться версии случившегося.

Ник встретился взглядом с Аэроном, затем передал ему мысли:

«Если ты не убьешь его ради меня, то хотя бы присмотри за троллем. И если он к ней прикоснется, оставь от него кровавое пятно».

Аэрон покачал головой.

«Держи себя в руках, Малачай. От этого могут быть проблемы».

Уже были. Вздохнув, он направился в офис.

* * *

Аэрон старался не удивляться, наблюдая за тем, как уходит Ник. Не смешно, хотя он все равно развлекался. Он никогда раньше не видел, как ревнует этот мальчик. По крайней мере так.

И ему стало любопытно, что за Нейтан разбудил такие сильные эмоции. Бедный мальчик не знал, за кем ухаживает.

С этой мыслью он обратился в пука и пошел по старому вонючему запаху Калеба. Плохо, что Даева не могли скрыть свое зловоние. Хотя, когда он сделал древнему демону замечание и протянул кусок мыла, Калев слегка вспылал.

Но когда Аэрон приблизился к кабинету, то почувствовал нечто специфическое. От этого в его жилах застыла кровь. Прежде чем он успел среагировать, его засосало в воронку.

— Итак... мне дать Стоуну в морду или просто рыгнуть в классе Ричардсон?

Ник нахмурился из-за странного вопроса Калеба и забрал у него свой рюкзак около следующего кабинета.

— Что?

— Пытаюсь угадать, что нужно натворить, чтобы мое наказание соответствовало твоему. Поэтому спрашиваю о его тяжести и на кого я должен ради него напасть.

Ник фыркнул.

— Не знаю. Зависит от настроения Ричардсон. Проклятая ведьма может наказать сильнее за то, что рыгнешь у нее, чем если вырубешь Стоуна и стерилизуешь его. Кстати, неплохая идея. Будущие поколения поблагодарят за это.

— Вот уж точно, — Калеб откинул назад свои темные волосы. — Итак...?

— Ты будешь мной гордиться. Я наконец-то освоил способность управлять более слабым разумом, не превращая никого в козу и не взрывая временной пространственный континуум... Наказания не будет.

Вместо того, чтобы обрадоваться, что способности Ника наконец-то сработали и ничего не взорвалось, не оплавилось и на зов не прибыло никакое жуткое высшее божество или чудовище из другого измерения, Калеб скривился.

— Хотя я более чем рад тому, что удастся избежать очередного тура подросткового школьного ужаса и драмы с тобой, но должен предупредить, что опасно использовать подобные силы для столь банальных вещей. Помни, за магию есть своя цена. Даже для Малачая. Друг мой, в этом мире нет ничего бесплатного. Рано или поздно приходит час расплаты. И когда он приходит, то обычно гадит на твою голову и уродливую безразмерную рубашку.

— Заметано, — Ник стал подходить к Коди бочком. — Милая, ты злишься на меня?

Она замерла и подозрительно посмотрела на него.

— А я должна? Что ты опять успел натворить без моего ведома?

— Отправил Аэрона шпионить за тобой.

Дружелюбный взгляд немедленно покинул ее глаза. Он даже чувствовал ледяной холод, от которого сжалась некая часть его тела, пока она разглядывала его.

— И когда же?

— Пока я плавил Хэду мозги.

Она разозлилась еще больше.

— Аэрон в кабинет не заходил.

— Заходил. Я его отправил прямиком туда.

— Нет, не заходил, — сказали они в унисон.

Его желудок сжался, Ник сурово смотрел на них, пока они шли на следующий урок.

— Заходил. Потому что знает, что я буду очень недоволен. И недовольный Малачай может надрать ему зад.

— Ну, — сухо произнес Калеб, — можем стоять здесь и спорить, как дети, пока кто-нибудь не покажет язык или можешь позвать его и убедиться. Но скажу тебе, что нога Кельта в кабинет не ступала. Я бы знал. Я даже не чувствовал его запаха в здании.

Коди застонала.

— Вот бы вы уже поскорее покончили с этими запахами. Вы оба не воняете. И слава богу.

Ник достал телефон, не обращая внимания на ее ворчание:

— Приготовься к разочарованию, Калечик. Оно уже не за горами, — он набрал своего любимого угрюмого бога войны. И стал ждать.

И ждать. И ждать еще.

Включилось голосовое сообщение.

А вот это не хорошо. Нахмурившись, он увидел самодовольное лицо Калеба.

— Почему он ушел, когда говорил иначе?

— Это же Аэрон.

— Точно. Он не ты, — Ник убрал телефон в карман. — У него здесь не много знакомых. Обычно он не убегает на встречу с кем-то. И не гоняется за дамочками легкого поведения на улице Бурбон... в отличие от некоторых Даэва.

Он многозначительно кашлянул.

— Ты просто завидуешь, что не можешь попасть в эти клубы, детская мордашка.

К счастью, Коди не восприняла эту насмешку всерьез.

— Он дело говорит, Калеч.

Калеч вздохнул.

— Ну да. И меня это бесит. Если Аэрон пропал, то это не сулит ничего хорошего, а я уже устал от дрянских знаков.

Ник сморщил нос.

— Дрянские знаки? Так вообще говорят?

— Конечно, я сам это только что придумал.

Ник фыркнул.

— Ладно. Плевать. Надо его найти. Хотя бы потому, что нам не нужно, чтобы он как-то разоблачил себя на публике.

— Ага, — сказал Калеч язвительно. — Есть закон против публичного раздевания.

Коди грустно вздохнула.

— Думаю, знаю почему боги сделали вас такими красавчиками. Иначе вы были бы невыносимы.

Засмеявшись над ее подколкой, которая означала, что она проводит с ними слишком много времени, Ник замер в коридоре, заметив, как мимо них прошел Нейтан.

В нескольких шагах от них он медленно повернулся, как будто пытался расшифровать странные номера кабинетов и свое расписание.

Ему стало почти жалко паренька, когда он вспомнил, каким потерянным чувствовал себя в первые дни. Номера кабинетов на первом этаже раздавал какой-то полубезумный демон. Они были бессмысленны для любого, кроме пьяного чокнутого, который повесил их на двери, чтобы помучить других.

Пусть Ник и ненавидел себя за порыв, но обнаружил, что заинтересовался этим бородавочником.

— Тебе помочь?

— 114 кабинет? — Нейтан почесал макушку. — Он же должен быть между 112 и 115?

Он указал на шкафчики на месте двери.

— Но и 113 я тоже найти не могу.

— Это потому что 113 — спортзал.

Нейтан нахмурился.

— А?

— Вот именно. Обычно не спрашивают почему. Нужно просто пойти в кабинет и постараться не расплакаться, — Ник рассмеялся над озадаченным выражением лица парнишки. — Добро пожаловать в Св. Ричардс — обитель неспособных научиться чтению и просто буйно помешанных. 114 кабинет — лаборатория биологии. Вниз по коридору, потом направо, рядом с туалетом, напротив 130 кабинета. Потому что зачем кому-то что-то понимать.

Он приподнял бровь.

— Ага... не задавай вопросов. Логика и разум давным-давно помахали этому месту ручкой. Как думаешь, почему это место называют «заведением»?

Нейтан рассмеялся.

— Ясно. Спасибо.

— Да без проблем.

Он протянул руку Нику.

— Кстати, я Нейтан.

— Ник, — немного поколебавшись, он пожал ему руку. Сейчас, рядом с этим парнем он не понимал, почему раньше чувствовал себя так странно. Нейтан вроде ничего, если не считать, что тот был одного роста с Ником, который предпочитал возвышаться над людьми.

У него было такое маленькое эго, что это была единственная вещь, которой он мог нормально гордиться и которую не мог отнять никто, кроме Ашерона, Ксева и папы-медведя Пельтье. И по сравнению с Ашероном и Папой-медведем, он был коротышкой-каджуном. Эти двое были гигантами современного мира со своими семью футами роста.

Ник покосился на Нейтана и не заметил рогов в густых темно-русых волосах. Когда их кожа соприкоснулась, он не почувствовал никаких предупреждающих сигналов. У него были обычные ясные голубые глаза. Умные, но не демонические, без зрачков в форме бриллиантов.

Блин, да у него даже прыщей не было.

И конечно же, зараза был одет лучше. Хотя, это относилось ко всем. Чирайз Готье считала, что эти гадкие бесформенные гавайские рубашки престарелых туристов могли уберечь ее сына от неприятностей. И они были лучшим средством контроля рождаемости, потому что не одна особа женского пола не смотрела на него с мыслью — так и съела бы. Так что Ник носил их со всей гордостью, на которую был способен.

Кстати, гордости там было на волосок.

Опустив руку, Нейтан заметил за плечом у Ника ожидавших его Коди и Калеба.

— Коди сказала мне, что ты ее парень. Прости, что разозлил тебя. Я не знал и надо было понять, что такая хорошенькая девушка уж точно занята. Но надежда умирает последней.

Нику стало чуть полегче от того, что Нейтан не прошелся многозначительным взглядом по его сверкающей в полумраке ярко-оранжевой рубашке. Но он был настоящим мужчиной, чтобы пережить и такое. Если в школе выключат электричество, рубашка может здорово помочь.

И кто тогда будет дураком?

— Прости, что так остро отреагировал.

Нейтан фыркнул.

— Да ничего, понимаю. Я новый в городе и переступил черту. Обещаю, что такого больше не повторится.

Уж точно.

Прозвенел звонок.

Нейтан нервно перекинул рюкзак.

— Вниз по коридору? Справа перед 130 кабинетом?

— Верно.

— Еще раз спасибо.

Когда Нейтан ушел, Нику показалась, что этот момент уже был раньше. Как будто призрак воспоминаний на краю его разума дразнил и надоедал. Он видел его очертания, но когда пытался разглядеть его, тот исчезал.

Что пытался подсказать ему разум? Почему ему кажется, что этот момент повторяется?

Странное ощущение дежа вю.

Он вернулся к Коди и Калебу.

— Мне одному кажется, что этот день странно знаком?

Коди кивнула.

— Я об этом тоже подумала. И мне кажется, что я уже где-то видела Нейтана.

Калев почесал подбородок и пожал плечами.

— Без комментариев. Для меня все люди одинаковы в любой день, особенно когда мы деремся с демонами.

Ник знал, что он не серьезно насчет людей. Просто пытался поспорить. Однако...

— Так Нейтан точно человек?

Коди притормозила.

— Да, а что?

— Не знаю. Когда он впервые появился, у меня возникло странное ощущение. Как будто ни с того ни с сего активировались мои супер-силы. Поэтому я и хожу, как кошка среди собак. Не могу стряхнуть это непонятное чувство. В такие моменты жалеешь, что в кармане больше нет Наширы, хотя она бы не дала прямого ответа. Но все равно мне было лучше после ее загадочного дерьма, чем тыкаться по углам с неприятными предчувствиями.

Калев застонал.

— У меня от твоих предчувствий язва.

— Мне об этом не говори, — он засмеялся, вошел в класс и проверил сообщения на телефоне.

От Аэрона ничего.

Что-то точно происходило. Леголас обычно так не поступал. Он не испарялся просто так.

«Калев?»

Тот кивнул.

«Заметано. Я уже услышал мысли о твоём исчезнувшем раздражителе».

Он встал и отпросился в туалет.

Ник тоже хотел пойти, но знал, что лучше не спрашивать. Учительница этого не одобрит. Ничего, если вышел один ученик. Если же двое — значит они что-то задумали. Чертовы помехи, когда на кону безопасность всего мира.

«Может, изобразить сердечный приступ?»

Неа, он знал, что бесполезно. Карма — ты еще сучка, и он говорил не о Карме Деверо,

которая тоже была не сахар, когда злилась. Настоящая карма несла неприятную расплату, и когда он лгал даже по-мелкому, она смотрела на него с интересом. Если он изобразит сердечный приступ, то с его-то удачей восстанет какое-то бессмертное адское создание, чтобы вырвать его сердце и съесть или что еще хуже, скормит ему его за обедом. Вот так работала удача Ника. Он был из тех парней, которые покупают лотерейный билетик, соскребают защитную пленку и под ней обнаруживают счет, который надо оплатить.

Ник начал конспектировать урок, и тут его посетила другая мысль.

А где Нашира? Давненько от нее ничего не слышно. Как и от Дэгона.

Его Могучие Рейнджеры покинули его. Обычно они так не поступали... И уж точно так не должно было быть.

Они были его генералами и подчинялись непосредственно ему, так что должны были быть рядом все время. Не только потому что в любой момент на него мог напасть Грим со своей армией, но и потому что не привыкли к современному миру. Всех их многие века держали в плену в параллельных измерениях, и они не знали как жить в нынешнем обществе.

В отличие от Коди и Калеба, который был правой рукой отца Ника и провел в мире даже больше времени, чем сам Адариан и Ник. А Коди никогда не изолировали от людей. И она, в отличие от других, их любила и не хотела, чтобы те погибли, крича от боли под огнем адских демонов.

Нашира могла кое-как прожить, потому что слышала и видела кое-что со страниц своей книги заклинаний.

Но Ксев, Дэгон и Аэрон...

Они вообще никак не контактировали с обычным народом без строгого надзора. Никогда. Подчеркиваем... Никогда.

Но его язва полыхала, как радиоактивная ящерица в фильме про Годзиллу. И если он вскоре ничего о них не узнает, то родит ежика размером с Эмпайр-Стейт-Билдинг.

«Когда уже закончится этот день?»

Ник поморщился от этой мысли и быстренько посмотрел на потолок.

«Эй, там наверху? Я сказал — закончится день. ДЕНЬ. День, а не мир. Пожалуйста не перепутайте мою просьбу, потому что знаю, как вы все воспринимаете... когда хотите меня проучить. Сегодня мне урок не нужен. Спасибо за внимание. Миру мир».

Ну, если ему удалось сдержать фею неудач, то все будет хорошо.

Калев вернулся в кабинет с таким лицом, что его язва разрослась еще на шесть футов.

Ник приподнял бровь.

«Его нигде не видно».

Ник горько застонал, отчего другие ученики повернулись и уставились на него. Он сверкнул улыбкой.

— Половое созревание так унижительно.

— Прости, что? — спросила учительница.

— На меня так уставились, будто я отрастил вторую голову, так что я попытался разрядить обстановку.

— А как насчет того, чтобы заниматься этим вне урока, мистер Готье?

— Да, мэм, — Ник опустил взгляд на тетрадь и притворился, что занимается, чтобы избежать дальнейших неприятностей. Ему только не хватало еще одного путешествия в офис. Тогда его точно накажут. Даже если ему удалось провернуть трюк с разумом, он не

мог стереть запись о том, что был там меньше часа назад. Так что если ему не хотелось признаваться в преступлении, то стоит успокоить свой организм.

Глубоко вздохнув, он стал мысленно общаться с Калебом:

«Узнал что-то еще?»

Не получив ответа, он посмотрел на телохранителя.

«Калерб?»

Тот вел себя так, будто не слышал его.

Так... Он что, его взбесил? Ник повернулся к Коди.

«Вы сейчас разговариваете?»

Она, как и Калерб, не ответила на его вопрос. А вот это странно. Даже если они ругались, она хотя бы посылала ему гневные взгляды.

«Коди, я вижу лямку твоего лифчика».

Она точно не слышала его, потому что даже будучи злой на него, она бы все равно проверила, ведь это была ее любимая мозоль.

Вместо этого она трудилась над заданием, игнорируя его комментарий.

Какого черта?

Взволнованный Ник протянул руку к карандашу и попытался управлять им с помощью телекинеза. Обычно он прилетел бы в его руку без видимых усилий.

Но не в этот раз.

«Нет, нет, нет!»

Сердце сжалось от страха при мысли, что его силы иссякли. Но как? Он ведь Малачай. Никто не был способен на такое. Никто, кроме его сына, но в этом плане он пока не преуспел. Точно.

Хотя грязные мыслишки присутствовали. В конце концов он был здоровым подростком, который ничего не мог с ними поделать, учитывая, что у него была такая хорошенькая девушка и пахла она тоже хорошо. Но, к сожалению, они лишь целовались и ничего больше.

Мама родила его подростком и всю свою жизнь ему приходилось воспитывать ее, так что ему не очень-то хотелось становится отцом в ближайшем будущем. Ему итак хватало сверхъестественных детишек, за которых нужно было нести ответственность. Гоняться за ними, убираться и стараться их хоть чем-то занять.

А Кириан вообще отдельная история.

Так что нет... некому было высосать его силы.

Волоски на его затылке встали дыбов от ощущения, что за ним наблюдают. Оглядев скудно освещенную комнату, он поймал на себе взгляд Стоуна Блейкмора, который уставился на него, будто он был парнем в купальных плавках с разворота Спортс Иллюстрейтед.

Ну и взгляд. Хотя нельзя сказать, что он ничего не сделал Стоуну. Он как-то бросил перекидывающегося оборотня. Но Стоун ненавидел его с того дня, как он вошел в школьные двери. Как будто Стоун учуял в его генах Малачая и реагировал на примитивном уровне.

— Ник?

Через мгновение он понял, что с ним заговорила Коди.

— Да?

— Ты в порядке?

Он медленно моргнул. Если честно? У него немного кружилась голова.

— Вроде, а что?

— Звонок?

Ник огляделся и понял, что кабинет опустел. Рядом с ним стояли Коди и Калев и хмурились.

Какого черта? Он только что смотрел на Стоуна...

Точно?

— Что-то не так, я пытался поговорить с вами телепатически. Вы меня слышали?

— Нет, — Коди опустила рядом с ним и откинула его волосы со лба, чтобы проверить, нет ли у него температуры. — Ты липкий и у тебя жар.

Мило прикусив губку, она посмотрела на Калеба.

— Малачай может заболеть?

Калев покачал головой.

— Нет, когда он входит в силу.

Благодарный за беспокойство Ник, поцеловал ее руку.

— А может это из-за Глаза?

Она скорчила ему рожицу.

— Пожалуйста, скажи, что оставил его дома.

— Он в моем кармане. Я хотел с его помощью поиграть в лотерею после школы.

Она что-то пробормотала, и он был уверен, что она выругалась на языке родителей.

— Зачем? — таким тоном раздраженные родители разговаривали с ребенком, когда он вытворил нечто умное, например, засунул пинцет в розетку.

— А для чего он еще. Я решил, что он мне должен после того, что я из-за него пережил.

Она растопырила пальцы с выражением лица, говорившим, что будь у нее силы Малачая, она бы придушила его немедленно.

Калев положил руку на ее плечо, успокаивая.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Помни, ты лююююбишь его, Коди.

— И я тут думаю, почему.

— Я тоже задаюсь этим вопросом каждый раз, когда ты произносишь это вслух.

— Приятель, ты потешил мое эго, — Ник потер лоб и сощурился, пытаясь настроить зрение. — Думаешь, это действует Глаз?

— Нет, — Калев прихватил рюкзак Ника. — Но ты выглядишь плохо... как выглядел твой отец, когда ты навещал его в тюрьме.

У Коди отпала челюсть.

— Что ты сказал?

— То, что сказал, — Калев протянул руку Нику. — Давай кулак.

— Зачем?

— Делай и прекрати ныть!

Нику не понравился его тон. Такое не предвещало ничего хорошего. И когда он подчинился, и Калев с помощью когтя вскрыл открытую часть его руки, он понял почему. Блин!

— Больно, урод!

Калев проигнорировал его слова и выругался, отпуская кровоточащую руку Ника.

— Думаешь, это больно? О, ты себе не представляешь, как это на самом деле. И у нас крупные неприятности.

Тяжело дыша, он убрал когти и посмотрел сузившимися глазами на Коди.

— Ты знаешь космические законы. Он мой хозяин. Я не могу причинить ему вред. Есть только один способ... — он дернул головой в сторону кровоточащей руки Ника. — Что-то высасывает из него Малачая.

— Как такое возможно? — выдохнула Коди.

— Не знаю, не слышал о таком раньше.

Краска отлила от лица Коди.

— Калерб, если кто-то об этом узнает...

— Поверь мне, Найрия, я знаю... Он труп.

Аэрон прижал руки к глазу, пытаясь не дать черепу треснуть. Хотя он бы не возражал, если бы это прекратило боль. Пожалуйста, что угодно, но пусть перестанет болеть...

Он с трудом приоткрыл второй глаз, чтобы понять, куда его черти занесли, потому что его посетило дрянное ощущение, что это не дом Калеба.

По заплесневелому и потрепанному состоянию места стало ясно, что это не Св. Ричард, если только он не очутился в куче грязного мальчишечьего белья.

И в этом случае стиркой не озадачивались несколько дюжин декад. Или даже больше.

«Фу, больше не буду жаловаться на вонь Даева», — если честно, то он уж лучше зароется носом в волосатые подмышки Калеба после тренировки в августе, чем будет дышать этой невообразимой вонью. Пахло даже хуже ботинок Дагды, который долго преследовал Морригана. По сравнению с ней даже Кун Аннун был прекрасным лебедем^[3].

Он сел и замер. В двух дюймах от его носа была самая уродливая собака, которую он когда-либо видел. Не хватало только красных ушей и завывания, чтобы понять, что смерть близка.

— Привет, щеночек. Уверен, я могу дать тебе пожевать отличный тапок.

«Если ты сунешь мне свой ботинок, я зашвырну тебя туда, где солнце не светит, ирландец».

Уронив руку, Аэрон улыбнулся от неестественного тона.

— Не ирландец, если уж говорить точно. А ты кто, Скуби?

«Не Скуби».

— Адская гончая?

«Почти, если быть точным».

— Языкастый ты засранец.

«Побудешь здесь столько же и тоже станешь».

— А это где? — Аэрон старался говорить безразличным тоном.

«В Асмодее».

Ну конечно же. Аэрон громко застонал.

— Я так понимаю, ты на плохой стороне изгороди?

«А есть хорошая?»

— Торна.

«Я ничего не знаю о Торне».

— Ну вот и ответ, — Аэрон посмотрел на сырые иссиня-черные стены его импровизированной тюрьмы. По ним сочилось нечто вроде густого масла. По крайней мере его не связали. Но это бы им не помогло. Тяжело связать пуку, и хотя он все еще немного злился на свою семью за их проклятие, но за это даже можно было бы поблагодарить.

Он сидел и смотрел на зловещие голубые огоньки, которые летали над их головами. Они пульсировали, как живые создания. Он поморщился от вида того, что по его мнению было остатками бедного чудовища, у которого выдался денек похуже этого. Слава богам его останки не светились после смерти. Ему бы не понравилось, если бы его внутренности так использовали.

— А ты случайно не увидел, что принесло меня сюда, парнишка?

«Демоны Таахики».

Это объясняет вонь. Они были хорьками демонического мира. Он неделями будет смывать этот запах с кожи.

— А теперь я задам до нелепого риторический вопрос.

«Нет, выхода отсюда нет».

— Хоть бы дал задать его. Но раз ты все испортил, то задам другой. Мой повелитель потерял свою гончую хэл. Может ты знаком с ним? Его зовут Завид.

«Ты служишь Малачаю?»

Аэрон колебался с ответом. За многие аэоны лет он выучил одно — ты не выдаешь ничего, пока не узнаешь на чьей стороне оппонент, а он ничего не знал о новом «друге».

— Я не служу никому.

— И все же ты сказал, что это гончая твоего господина, — вокруг них эхом разнёсся низкий злобный рев из неизвестного источника.

Черный волк съезжился и начал отползать к стене слева от Аэрона.

— Что это?

«Слуги Нойра. Если ты слуга или друг Малачая, то они придут и заставят пожалеть об этом».

«Я не друг ни Нойру, ни Азуре. Но если ты покажешь мне этого Торна, то я стану твоим самым лучшим другом».

Вскочив на ноги, Аэрон шарахнулся в сторону, почувствовав тревогу. Все было слишком легко.

— И с чего мне хотеть отвести тебя куда-либо, если это ты у нас знаешь дорогу? Ключей-то от царства у меня нет. Ты можешь уйти в любое время. И почему ты ждал меня, если не знал, что я появлюсь? Или знал?

Его ослепила неожиданная вспышка света и волк стал высоким, худым демоном.

— А ты умник, да? Жаль...

* * *

— Ты же знаешь, что они его не сломят?

Нойр посмотрел своими светящимися глазами на Грима, от чего любое другое существо реальности поторопилось бы найти нору, чтобы спрятаться в ней. Древний бог был почти семь футов ростом и обладал порочной красотой, которая бывает только у злобных существ.

Его черные глаза и волосы были бездушными, как и его действия. И в глубине этих холодных глаз мерцал злой огонек, в тон его темно-красных доспехов. Он перебросил свой кроваво-красный плащ через плечо.

— Пытаешься разозлить меня?

— Нет, но это было бы неплохим бонусом.

Нойр рассмеялся. Это заставило всех демонов вокруг разбежаться, как грызунов во время взрыва — за что они в принципе и приняли этот неестественный звук. Древний бог протянул руку и схватил Грима за светлые волосы.

Его губы скривились в подобии жестокой улыбки, прежде чем он рывком притянул Грима к своей груди и крепко обнял его.

— Я скучал по тебе, мальчик, — он поцеловал Грима в макушку, затем отпустил его.

И прежде чем Грим успел моргнуть, он дал ему такую пощечину, что тот мог видеть звездочки.

— Но если еще раз так заговоришь со мной, я вырву твои кишки и брошу и дам их сожрать демонам-слизнякам.

Вытерев кровь с носа и губ, Грим старался не показать, как ошеломил его этот удар. И факт, что он все еще не мог видеть нормально, и лицо пульсировало от боли и отвлекало внимание. Твою ж мать, не смотря на упадок сил, старый пердун мог кого угодно отколошматить.

Он бросил злой взгляд на Лагерр, в чьих холодных темных глазах не было абсолютно никакой жалости. Но она была дочерью Нойра.

Он поморщился от вида крови на ладони. Он и забыл, как ненавидел находиться рядом с Нойром и Азурой. Теперь он привязан и зависит от них...

Если он когда-либо доберется до хлюпика-Малачая, Готье узнает, что такое невообразимая боль.

Когда люди жалуются на родителей жены, они себе не представляют, какие они могут быть. Им бы следовало провести выходной с его.

Два древних существа были одной из главных причин, почему он оставил Лагерр века назад. Как бы он ни любил ее, как бы весело им ни было воевать, это не стоило того, чтобы мириться с ее чокнутыми родителями и их неожиданными вспышками гнева.

Даже во время семейных ужинов...

И он забыл, как Лагерр поддерживала своего отца. Но теперь, когда они стояли рядом, сходство было жутким. Одинаковые угольно-черные глаза, в которых не было никаких чувств. Одинаковые аристократические черты, самодовольное выражение лица, темные волосы. Только у Нойра они были короткими, а кудри Лагерр спускались до талии. Как и ее отец, она вышла из утробы матери с мечом в руках, готовая убивать любого, кто встанет у нее на пути. Не удивительно, что древние люди считали ее Огненной сучкой Богов. Херит-Анат, Анат Ужасная, и тому подобное. Тогда у нее было больше имен и еще больше эпитафий.

Древние люди оставляли ей бессчётные подношения в храмах, надеясь купить ее расположение и отвадить ее от себя.

Будто это возможно...

Вместо этого они несли бесконечное число войн на земли людские. Где бы они ни проходили, начиналась резня. Многие века они были непобедимой командой. Лагерр — богиня войны и он, бог смерти. Их армия демонов разрывала землю.

Как Грим скучал по тем свободным дням, полным кровавого веселья.

А теперь...

Грим прижал большой палец к зубу, который расшатался от удара Нойра. Он в ловушке. Беспольный и скучающий. Что еще хуже, он был никем. Он кто когда-то пугал человечество так, что люди не могли вспоминать его имя без содрогания, умирая от ужаса, в современном мире превратился в мультяшного персонажа, который появляется в видео-играх и на поздравительных открытках. Его сделали пустяком!

Бесконечное презрение.

Лагерр вздохнула.

— У Малачая по-прежнему пять сарра. То, что мы убрали одного, ничего не меняет.

Нойр посмотрел на дочь с раздражением.

— Терпение, Анат. Ты ничему не научилась в человеческом мире?

— Только тому, что ненавижу смертных вредителей и желаю вновь растоптать их.

Неожиданно Нойр откинул голову и глубоко вдохнул, как будто получал невообразимое удовольствие.

Спустя несколько неловких минут, он открыл глаза и улыбнулся им.

— Видите? Вот поэтому мне и нужны были сарра. У них есть часть силы Малачая. Так я могу кормиться от них и вернуть свою силу. Именно поэтому вас забрали у меня и запретили сюда приходить, пока вы служили у него. А теперь приведите остальных его дружков. Как только мы ослабим его и напитаем меня силой, то сможем его уничтожить. И я смогу жить здесь не в призрачном теле, которым удалось завладеть, а в своем собственном. Тогда мы обрушимся на мир и покажем ему то, чего так не хватало.

* * *

— Привет, ма, — сказал Ник, как только услышал тягучий каджунский акцент матери, ответившей на звонок. — Извини, что беспокою тебя на работе, но я заболел. Мне нужно домой. Ничего?

— Страшилка! У тебя ужасный и грустный голос! Милый, тут ланч в самом разгаре. Я не могу уйти. Давай, я позвоню Майклу и попрошу забрать тебя?

— Ладно. Я дам тебе школьную медсестру, чтобы ты объяснила ей. Люблю, ма.

— Я тоже, малыш. Поправляйся. Отдыхай, и я как можно быстрее вернусь домой проверить тебя. Позвони, если я понадобится, и я прибегу. Даже уволюсь, если придется.

Ник фыркнул на предложение матери. Она обожала работу официантки в «Убежище». Хотя если она узнает, что ее босс оборотень вер-медведь, то это может измениться.

— Не надо, выживу, — хотя если честно, в этот момент ему казалось иначе.

Мама посылала поцелуйчики в трубку. Сморщившись, он ответил ей тем же, но гораздо тише, и покраснев, протянул трубку медсестре. Затем как можно быстрее ретировался из ее кабинета, чтобы избежать взгляда «ах, какой ты милый», которым его обычно одаривали, когда он был мил с мамой.

Когда он пошел присесть снаружи подождать, то встретил Мадуга, который вошел в кабинет с посылкой для секретаря. Тот был шестифутовым сыном двух Оруженосцев — нейрохирургов, что позволило ему создать меняющую разум игру, которую заколдовали демоны, чтобы завладеть их одноклассниками.

Хорошие были времена...

Если бы. Ника все еще мучали воспоминания о его опыте охоты на зомби. Он был таким плохим, что он по сей день не мог смотреть фильмы о них. А бедный Мадуг после этого не мог даже поиграть в пасьянс на своем компьютере.

Но он все равно был одним из лучших друзей Ника. И иногда было неплохо провести время с кем-то ужасно нормальным, вроде Мадуга, даже вопреки его высокому IQ. По сравнению с Мадугом у большинства был интеллект кочана капусты.

— Привет, Ник! Ты что тут делаешь?

— Собираюсь блевануть.

Мадуг отпрыгнул.

— Прости, приятель. Ты заразный? Если да, то я тоже хочу! На следующем уроке у меня тест, а я не готов.

Ну точно. Мадуг всегда готовился к тестам. Даже к тем, которые будут только в конце года. В этом плане парень был больным.

— Поверь мне, тебе это не нужно.

— Да, ты выглядишь зеленым и потерянным. Я так понимаю, ты пропустишь репетицию группы после школы?

Ник кивнул.

— Спасибо, что напомнил. Скажешь остальным?

— Конечно, но Марлон тебя убьет. Он так этого ждал. Он запал на Дафф.

— И что с ним не так?

— С кем, с Дафф? Не знаю. Чумка, может, парво.

Ник нахмурился.

— Это же собачья болезнь.

— Но думаю, она есть у нашего вер-пантеры. По крайней мере он чаще всего так себя и ведет.

Это да. Он был задумчивым подростком нового уровня. За все три года в школе Ник не слышал от него ни единого слова.

— Он и правда молчун или продал свой голос волшебнику?

Мадуг рассмеялся.

— Ни то, ни другое. Правильный термин — избирательная немота. Он яркий представитель. Скорее всего вызвана его... опять ты так на меня смотришь.

Ник поднял руки вверх.

— Приятель, это благоговение.

— Ну конечно. Уйду, пока моя боязнь общества не дала о себе знать. Надеюсь, ты поправишься. Хочешь, чтобы я принес в жертву козу или что еще?

Ник притворно рассмеялся над тем, что оба не находили смешным — Ник своими силами превратил Мадуга в козу, когда спасал его от демонов, связанных с охотой на зомби.

— Нет, никаких коз. И никакого программирования, партнер.

— Да, урок усвоен, — он по-братски обнял его и направился в кабинет.

Ник покачал головой. Когда-нибудь этот парень станет главврачом.

Или же гениальным злодеем, который будет вести орды сторонников.

Слава богу, что сейчас он на их стороне.

Неожиданно на Ника упала большая тень. Он рефлекторно попытался отклониться, пока не посмотрел вверх и не понял, что она принадлежала огромному мускулистому телу по имени Большой Бабба Бердетт.

— Блин, Бабба. Ты меня до чертиков напугал.

— Парень, надо употреблять меньше кофеина. У тебя рефлексы, как у перепуганного чихуахуа.

Ну, не удивительно, ведь из теней выпрыгивали все возможные опасные существа, пытаюсь съесть или пленить его. Но этого он сказать Баббе не мог.

— Как ты себя чувствуешь? — Бабба положил руку Нику на лоб.

— Гаденько.

— Ты бледный, — Бабба схватил его рюкзак. — Пошли, я уже расписался за тебя.

— Кстати, спасибо. Я это ценю, — Ник нахмурился, учуяв запах лосьона после бритья и заметив, что косматая борода Баббы не такая уж и косматая. Он подстриг ее до щетины, над которой Коди и Брайнна посмеивались, когда обсуждали актеров. — Ты побрился?

— Заткнись.

Ник посмотрел внимательнее, отметив, что на Баббе не было его обычной формы —

жуткой футболки и расстегнутой фланелевой рубашки. Вместо этого на нем была новая рубашка и джинсы. Единственное, что осталось от старого Баббы — тяжелые ботинки с металлическими носами.

— Фу, Бабба! Ну это же моя мама!

Он приподнял бровь, когда Ник посмотрел на него так, будто пытался испепелить взглядом. Пусть Ник и был Малачаем, но Бабба был профессиональным полузащитником, размером с кирпичный дом с мышечной массой, как у мирового чемпиона в поднятии тяжести, который легко мог пробить им стену. Кроме того, он был крутым спецом по выживанию и развлечения ради ходил охотиться на зомби на болота полные крокодилов и демонов.

— Даже не начинай, парень. Я спросил разрешения перед тем, как начать с ней встречаться, и ты сказал, что все нормально.

— Знаю, что сказал, но... — Ника передернуло. — Разве меня не может тошнить?

Бабба фыркнул.

— Подрасти, сопляк.

Ник пытался, но было тяжело. Пусть он и желал матери счастья, но не мог представить, что она с кем-то встречается, особенно с его другом и наставником. И то, что Бабба разрешал его маме называть его Майклом, не укладывалось у Ника в голове.

Это позволялось лишь его матери. И Чирайз Готье.

Когда они покинули здание школы и Ник направился домой, Бабба остановил его:

— Я сказал Чирайз, что возьму тебя с собой в магазин, чтобы присмотреть, пока она работает.

— Господи, Бабба, мне скоро исполнится семнадцать! Серьезно?

Голубые глаза Баббы потемнели от горя.

Ник мысленно пнул себя, вспомнив, что жена и сын Баббы были убиты, потому что она вернулась домой, приболев, и была там одна, когда туда кто-то вломился.

— Не стоит оставаться одному, когда болеешь. Нужно, чтобы кто-то присмотрел за тобой, чтобы ты мог поспать.

В глазах Баббы были эмоции, в отличие от его голоса. В них была вся тяжесть горя и самоуничтожения, но которые Бабба сам себя обрек. Он считал себя ответственным за то, что не вернулся домой пораньше, чтобы побыть с женой. Именно поэтому он так отчаянно охотился на зомби.

Именно поэтому чрезмерно всех опекал. И именно поэтому Ник позволил ему встречаться с его мамой. Пока с ней был Бабба, он знал, что с ее головы не упадет ни волоска. Бабба разорвет любого.

— Ладно, извини. Ты прав, — он не стал говорить Баббе, что в квартире он бы был не один. Там был Ксев. Или должен был быть. Но только он и его команда знали, что Ксев был Мистером Пушистые ботиночки.

Когда они подошли к магазину компьютерной техники и оружия Баббы, который располагался в квартале от школы, Бабба открыл перед ним дверь.

— Отправить Марка за супом или еще за чем?

— Да нет, пока не надо. Но не откажусь от пиццы через часок.

— От пиццы? Господи, Майки, не удивительно, что тебе так нравится этот мальчик. Он прямо как ты!

Ник застыл посреди магазина, услышав незнакомый голос с густым тexasским

акцентом.

Обычно он замыкался при незнакомцах. Он повернулся, чтобы обнаружить высокого мощного мужчину за прилавком, которому было около шестидесяти. Хотя они не встречались раньше, Ник немедленно его узнал.

— Эй! Да это же Бабба из рекламы! — единственная разница — вместо фланелевой рубашки и футболки с зомби на нем была красная рубашка поло и джинсы, в его темных волосах и бороде мелькала седина.

Ник обошел его, чтобы положить его рюкзак за прилавок.

— Ник, познакомься с моим отцом — Доктором Бердеттом. Папа — это Ник.

Ник подошел, чтобы пожать ему руку.

— Приятно познакомиться, Доктор Бердетт.

— И мне, хотя из рассказов моей жены и сына, я ожидал увидеть эдакого спиногрыза. А не почти взрослого мужчину, который может смотреть в глаза моему чудовищу-сыну, — он посмотрел на Баббу и, вздохнув, покачал головой. — Богом клянусь, мать подкармливала этого паренька удобрениями, когда я отворачивался. Ни в моей, ни в ее семье не было таких высоких. Не будь он так похож на меня, я бы призадумался и начал подозревать почтальона.

— Папа! — рявкнул Бабба ворчливым голосом.

— Что? — спросил тот, невинно моргая. — Чистая правда, и ты это знаешь.

Из-за черных штор, разделяющих магазин и подсобку, появился смеющийся Марк. Старше Ника всего на пару лет, он был закадычным другом Баббы и помощником в охоте на зомби. Оба начинали заниматься ерундой, как только Ник отворачивался от них.

Инь янь Баббы Марк был светлым, а Бабба темным. У него были взъерошенные светло-каштановые волосы, ярко-зеленые глаза, в которых редко не было смешинки. Как и Бабба, он попал в колледж по стипендии футбольной команды, и они росли вместе в Теннесси, прежде чем переехать в Новый Орлеан.

— Не позволяйте росту Ника обмануть вас, Доктор Бердетт. Он все еще спиногрыз, — Марк ухмыльнулся, глядя на Ника. — Как ты себя чувствуешь, малой?

— Больным.

— Ну, не зарази меня, а то я заставлю тебя стирать нижнее белье Баббы весь следующий месяц.

— Неа. Ты притворяешься, что платишь мне, а я притворяюсь, что работаю.

Отец Баббы, игнорируя их, обошел прилавок, чтобы осмотреть Ника.

— Какие симптомы? Боль в горле?

Ник посмотрел на Баббу огромными глазами.

— Он ВЗ... всеобщий защитник. Еще хуже, чем моя мама, а воскресенья даже в два раза. Сдавайся, парень. Так проще. Он тебя все равно не оставит в покое.

Отлично. Если доктор начнет его изучать... Он все еще был Малачаем с необычными чертами, и если обнаружится, что он не человек, все будет очень плохо.

Ник прокашлялся и начал думать, как избежать катастрофы.

— Да ничего плохого. В основном головная боль, слабость и усталость.

— Наверное, обычная простуда. Пойдем в подсобку, я тебе дам витаминов. Осмотрю тебя... Это же у тебя сердце барахлило?

— У него.

— Бабба, — рявкнул Ник.

— Не Баббкой мне, мальчик. Твоя и моя матери освежают меня живьем, если с тобой

что-то случиться под моим присмотром. И если честно, я думаю, что ты нравишься моей маме больше меня.

Его отец рассмеялся.

— Это вовсе не так. Как-то я мыл пол на кухне, когда Майки влетел в дом, как будто кто-то пытался его убить, и упал. Нормальная женщина разозлилась бы на ребенка за то, что тот пачкает свежeweымытый пол. Повторюсь — нормальная женщина. Но я женился не на нормальной. Я женился на Бобби Джин Клинтон-Бердетт. На этом семейном древе нет нормальных. Так что я глазом моргнуть не успел, как его мама приложила меня ручкой швабры, потому что этот мальчик содрал коленку на моем свежeweымытом полу. Скажу вам, она так яростно вцепилась в меня, что я решил, будто на меня налетела одна из греческих фурий с горы Олимп. Можно было подумать, что мальчик лишился ноги. Но он посадил лишь небольшой синяк. Даже крови не было, в отличие от меня.

— И у тебя не было, — фыркнул Бабба. — И мне было четыре, когда это произошло.

— Ну да, четыре. Это случилось в прошлом году!

Баба засмеялся и покачал головой.

— Неа, — вздохнув, он встретился взглядом с Ником. — Вот что следует знать о моем папочке — он не всегда говорит правду.

— Вот и нет. Я всегда говорю правду. Просто делаю это креативно. Так народу интереснее, — он положил руку на плечо Ника, и повел его в подсобку, где Бабба с Марком работали на компьютерах, а Бабба позвонил матери Ника, чтобы сказать, что забрал его и теперь «опекает».

Доктор Бердетт заставил его сесть на стул рядом с подсоединенными друг к другу мониторами Баббы с очень интересными картинками еды на них. Он улыбнулся, когда Ник хмуро посмотрел на них.

— Извини за эту порнографию с едой. Бобби Джин держит меня на стольких диетах, что тут я грешу. Как только я выбираюсь из ее поля зрения, то начинаю смотреть на десерты и истекать слюной, как собака Павлова. Ты же не сдашь, что я ел бенье, да?

— Не смей, Ник! — крикнул Бабба из-за штор. — Он диабетик, и не получит их, пока он здесь.

Его отец зарычал.

— Ты и твоя мама! Какой прок от конференции в Новом Орлеане, если я не могу здесь поесть их? Пристрели меня и покончи с моими страданиями!

Бабба принес в подсобку коробку деталей, чтобы расставить их по полкам.

— Я не хочу стрелять в тебя, папочка. Но я бы хотел, чтобы ты пожил немного дольше. Как и мама. Не разбивай ей сердце. Ты обещал ей, что будешь вести себя хорошо и придерживаться диеты.

Ник похлопал его по плечу.

— Понимаю вашу боль, Доктор Бердетт. Вам бы встретиться с моей мамой. Она заставляет меня есть овощи, — его передернуло. — И другую девчачью еду. Это ужасно.

Бабба рассмеялся.

— Тут он прав, но Чирайз отлично готовит. Клянусь, эта женщина может сделать деликатес из пакетика с кетчупом.

На лице его отца появилось странное выражение.

— Думаю, у него жар. Не возражаешь, если я отведу его наверх и принесу свою аптечку?

— Конечно. Я все равно собирался отправить его отдохнуть в мою кровать, пока его

мама не вернется с работы, — Бабба сузил глаза и посмотрел на Ника. — Я серьезно. Надеюсь, я не застаю тебя за тем, что ты ищешь порно на моем компьютере или играешь в игры. Можешь посмотреть телик, но ты должен отдохнуть.

— Да, сэр. Да сэр Бабба, — Ник соскочил со стула и пошел к лестнице, которая вела на второй этаж квартиры Баббы над магазином.

Пока он поднимался, его посетила мысль, что он очень сблизился с Баббой за последние несколько лет. Он стал чем-то вроде его отца.

Если честно, он был единственным отцом, которого знал Ник. Не смотря на то, что его настоящий отец какое-то время жил с ними, Адариан себя отцом никогда не чувствовал. Как и не чувствовал себя частью их семьи. До дня его смерти он был обычным чужаком.

Но Бабба был другим с того самого момента, как Ник пришел в магазин, чтобы взять на прокат компьютер для школьного проекта.

Как Кириан и Ашерон.

Нику казалось, будто он всегда их знал. Как будто они всегда были семьей и провели вместе кучу времени. Ашерон бы сказал, что жизнь — это сложный гобелен, в котором веками переплетались нити. Душа рождалась и возрождалась, всегда встречаясь, когда приходило время, и что Ник встречал их раньше.

Мадуг назвал бы это наследственной памятью. Для одного урока он написал целое сочинение на эту тему. По его мнению — ДНК хранят постоянные отпечатки того, кем был каждый рожденный человек, и если два человека, чьи ДНК взаимодействовали в прошлом встречались, то какая-то примитивная часть их анатомии посылала дремлющие нейроны в мозг, чтобы пробудить его. Мадуг считал, что поэтому у людей появлялось чувство, что они уже кого-то встречали, или что знали их вечность.

Ник не был точно уверен насчет этого. Он был лишь уверен в своих чувствах. Его отец их не затронул. Самое грустное то, что он не горевал из-за смерти Адариана. И из-за этого он чувствовал себя дефектным. Сломанным. Безучастным.

И все же он знал, что если потеряет Баббу или Кириана, все будет иначе. Потеря опустошит его. Как и в случае с Марком или одним из его друзей.

Даже Завидом, хотя он едва его знал. Мысль о том, что его друга удерживают в плену и пытаются...

Ему нужно вернуть силы и найти его. Он все еще помнил, в каком состоянии был Завид, когда он его встретил. Его держали в некомфортных условиях и не уважали. Относились скорее, как к животному, чем к существу с чувствами. Именно так его отец обращался с людьми.

А это Ник не выносил.

Доктор Бердетт привел его в квартиру Баббы и пошел в комнату для гостей за своей сумкой. Ник вошел в комнату Баббы, взял подушку с кровати и одеяло, которое висело на стуле, затем направился к дивану.

Доктор Бердетт вернулся и хмуро посмотрел на Ника, который лежал на потрёпанном кожаном диване Баббы.

— Не хочешь отдохнуть в постели?

Ник сморщил нос.

— Такое чувство, что я вторгаюсь в его личное пространство. Мужчине нужно собственное место, понимаете?

Доктор Бердетт рассмеялся.

— Ты хороший парень, для демона.

— И-и-извините?

Тот отступил к двери, как будто хотел убедиться, что они одни.

— У тебя есть одна попытка объясниться со мной, мальчик, и лучше говори правду.

Потому что я распознаю ложь, и ты умрешь. Какого ты вида?

И пока он говорил, вытаскивал из сумки вовсе не стетоскоп.

Доктор Брюс Бердетт вытаскивал блестящий золотой клинок, который звенел от древней силы.

Двигаясь быстрее, чем успел заметить Ник, Доктор Бердетт прижал его к дивану.

— У тебя три секунды до того, как я отрублю тебе голову.

Ник пытался взобраться по стене, как обезьяна-паук, чтобы сбежать от отца Баббы. Но материал, из которого был сделан меч, удерживал его на месте, как будто какая-то невидимая рука смахивала его вниз. Черт бы побрал это оружие! Обычная сталь уже не в моде?

Он смотрел на мужчину, который был очень крут для старой перчатки.

— Кто ты такой?

— Тут вопросы задаю я, демон! У тебя осталось две секунды...

Как только Ник собрался ответить, доктора Бердетта снесло размытое пятно и впечатало его в пол. Тот перекатился, вскочил на ноги и замахнулся на нападающего.

Им оказался злой Калев, который пригнулся и снова сбил с ног доктора Бердетта, затем разоружил его таким сильным ударом, что даже Ник как будто ощутил его. Когда Калев собрался перейти к действиям, похожим на запланированное обезглавливание, Ник вскочил с дивана.

— Эй, приятель! Эй!

Калев посмотрел на него, будто он сошел с ума.

— Эй? Да ты издеваешься? Он собирался отрубить твою тупую башку.

— Да, но это отец Баббы. Ну... вроде бы. Он же не одержим? Мне не понятно. Сейчас мои способности — полное дерьмо.

Калев направил конфискованный меч на доктора Бердетта.

— Да, он человек. Хотя я бы не назвал его чистым человеком. Он охотник на демонов. И это делает его твоим врагом, Ник. Позволь его убить. Сделай нам обоим одолжение.

— Нет! Повторяю, он папа Баббы. Я не могу так поступить с ним или с его мамой, — он хмуро посмотрел на Калеба. — Как ты вообще здесь оказался? И как узнал, что я в беде?

Тот посмотрел на него, как на дурачка.

— Серьезно? Я не могу выпустить тебя из виду без того, чтобы тебя не похитили, не пытались съесть или пленить. Так что я привык приглядывать за тобой и отслеживал с той секунды, как ты покинул школу, потому что знал, что ты нарвешься на неприятности. И смотри, — его голос был насквозь пропитан сарказмом, когда он указал на отца Баббы, — ты в своем репертуаре.

Доктор Бердетт уставился на Калеба.

— Ты даева. Очень сильный эсме даева. Иначе я бы с тобой справился.

Калев фыркнул.

— Вряд ли. Не льсти себе и не оскорбляй меня, — он обнажил клыки. — А теперь говори. И дай мне причину не запачкать мои ноги твоей кровью.

Он закатал рукав рубашки, чтобы продемонстрировать светлый шрам, на месте которого, похоже, раньше находилось клеймо.

— Я был Адским охотником.

— Был?

— Заработал свободу, — он скользнул взглядом по Нику. — Но ты прав, во мне есть кровь некродемиан. Именно на нее ты и отреагировал.

— Что? — спросил Ник, пытаясь вникнуть в эту непонятную беседу.

Калев бросил на него взгляд через плечо.

— Бабба не такой уж безумный, каким мы его считали, Ник. Но в общем-то да, учитывая всю эту охоту на зомби... В чем причина того, что он этим занимается, и почему его преследуют те же существа, что и тебя? Он рожден Адским охотником. Но, как и у тебя, в отличии от его отца, его кровь дремлет. Именно поэтому я не перерезал ему глотку, что уверяю тебя, сделал бы, если бы узнал, что он один из них.

Ну, это ничего не прояснило. Кей уклонялся от ответа, и Ник чувствовал себя как трехлетка, который заблудился в снежную бурю.

Калев опустил меч и протянул руку, чтобы помочь доктору Бердетту встать.

— Из какого ты рода?

— Майклсонов.

Калев усмехнулся.

— Следовало бы догадаться. Это столько объясняет о Баббе.

Ник почесал ухо.

— Здорово, что хоть кто-то понимает, что происходит, потому что я вроде как не в теме.

Игнорируя его, Калев протянул меч доктору Бердетту рукояткой вперед.

— Держи его при себе. Мы на одной стороне. Девушка Ника — арель.

У того отпала челюсть.

— Как такое возможно?

— Я спрашиваю себя это каждое утро, когда просыпаюсь, и оказывается, что она его не убила. Хотя он уж скорее идиот, чем демон, но это уже другой разговор.

Ник раздраженно зашипел.

— Спасибо, Кей. Потешил мое подростковое эго.

— Ну точно. У человека, который не боится носить такую рубашку на публике и умереть от унижения, все в порядке с эго. Или же у него плохо со вкусом, — потерев лицо рукой, Калев устало вздохнул и повернулся к доктору. — Значит, это ты реальная причина убийства жены и сына Баббы?

Доктор Бердетт поморщился, поправляя вещи, которые они сбили.

— Да, это был мой старинный враг. Я только что покинул город и думал, что замел свои следы, что никто за мной не последует. Каким-то образом демон почуял мой запах у Майкла, и обнаружил ее дома одну с мальшюк Хэнком.

В его глазах плескались слезы отчаяния и бесконечной вины, от которых на душе навсегда остается отпечаток.

— Она была совершенно не готова к тому, что я сам того не желая привел к ее двери. И вы себе не представляете, насколько я себя ненавижу за то, что сделал со своим сыном и внуком. За то, что сделал с Мелиссой. Мне нужно было рассказать о нас Майклу давным-давно. Но я никогда не думал, что кровь повлияет на него.

— Он не знает? — спросил Калев.

— Нет. Как я могу рассказать после этого? Он будет всю жизнь ненавидеть меня за то, что не предупредил, и мне не в чем будет его винить. Я ненавижу себя за нас обоих.

Ник видел ту же боль, что и в темных глазах Калеба. Без сомнения, он думал о собственной жене и о том, как оставил ее ради войны, в которой не хотел участвовать. Бесконечной войны, которую ему все еще приходится вести, которая стоила ему всего и оставила ни с чем, кроме физических шрамов и воспоминаний. Настолько болезненных, что он не мог думать о них.

Не то, чтобы Ник этого не понимал. Та же судьба грозит его любимой матери, которая

окажется в руках его врагов, если он не придумает, как изменить будущее, которое заставляет его кричать во сне, как и Калеба его кошмары прошлого.

Калеб остановился рядом с Ником, как будто пытаясь защитить его.

— Сколько ты был Адским охотником?

— Десять лет.

Ник нахмурился.

— Погоди, что?

— Ага, согласен с Ником. Никто не получает такой короткий срок.

— Да, если ты продаешь душу ради кого-то, а не ради себя.

Ник многозначительно кашлянул.

— Так, запускайте паровоз, кондукторы. Мне нужны объяснения. Я знаю, что когда мы освободили Завида, его преследовал Адский охотник, который хотел утащить его назад в реальность-тюрьму... Но это все, что я знаю по данному вопросу. У меня снова такое ощущение, как будто я на уроке Химии и передо мной стоят странные штуковины. Я так понимаю, бывают разные Адские охотники?

— В какой-то мере, — наконец-то объяснил Калеб. — Адские охотники — проклятые души, которые, как почему-то считает Торн, могут искупить свою вину. Он заключил договор с Мавронимо, чтобы по возможности спасти эти души. И если все соглашается на условия, то им можно отработать свой долг у Торна. Если они высмаркиваются и ведут себя хорошо, то по окончании срока живут нормальными счастливыми жизнями.

— Звучит неплохо.

Доктор Бердетт горько усмехнулся.

— Ты себе не представляешь, что за нами присылает другая сторона. Они знают каждую мысль, каждый страх, каждое желание. И они используют их против тебя. Худший ад на свете. Они неугомонны и обладают отличным воображением.

Калеб кивнул.

— Да, они плохие. Я не лажу с большинством из них, — он потер висок. — Так как ты оказался у Торна?

— Я обменял душу на жизнь сына.

Челюсть Ника отпала, когда он понял последнюю часть.

— Когда Бабба попал в жуткую аварию с Хэнком в колледже?

Хэнк был старшим братом Марка, в честь которого он назвал сына. Он был лучшим другом Баббы, погибшим в аварии. Об этом никто не говорил, но это преследовало Баббу с Марком, именно поэтому тот защищал своего напарника, и они были близки, как братья.

Пусть они и ругались, как престарелая парочка, но стоит кому-нибудь косо посмотреть в сторону Марка, Бабба его тут же прикопает.

Его отец кивнул.

— Майкл чуть тоже не умер в ту ночь. Все произошло не совсем так, как он помнит. Это тоже часть моей сделки. Я не хотел, чтобы у моего мальчика было еще большее чувство вины.

Доктор Бердетт замолчал от захлестнувших его эмоций. Когда он снова заговорил, его голос дрожал.

— Они сказали нам выбрать погребальные одежды для Майкла. Сказали, что ночь он не переживет, — из уголка его глаза скользнула слеза. — Вы себе не представляете, каково услышать такие слова о ком-то, кого любишь...

Калев горько рассмеялся.

— Знаю, уж поверь.

Доктор вытер лицо и шмыгнул носом.

— Когда Майкл родился, и я увидел эти неземные, мудрые не по годам глаза, я понял, что в нем наша кровь, и что однажды его могут призвать бороться с невероятными ужасами, которые ходят среди нас при свете дня. Я изо всех сил старался уберечь его от этого. Отдалил от моей семьи, защищал и скрывал от него вещи, с которыми нам приходится разбираться ежедневно. Но все равно, зло, как вы, находит его, не важно где он.

— Извините, — сказал Ник, — у меня вообще-то есть чувства!

Калев закатил глаза и покачал головой.

— Да, не Ника тебе нужно бояться... но все равно продолжай.

Тот тяжело вздохнул.

— Часть меня всегда верила, что из-за этого Майкл попал в аварию. Это зло следовало за ним той ночью, чтобы добраться до меня или него, прежде чем он узнает о своих силах.

— Возможно, — Калев сочувственно покачал головой. — Кого ты призвал для своей сделки?

— Каифаса.

Тот издал звук, указывающий на плохой выбор доктора Бердетта. Или же демон мутировал в курицу и собирался отложить яйцо.

С Калевом возможно все.

Калев застонал, прикрыл лицо руками и уставился на доктора Бердетта сквозь расставленные пальцы.

— Во имя чего ты призвал этого придурка?

— Он ответил, когда остальные промолчали, — просто ответил тот. — Моя кровь еще не успела засохнуть, как появился Торн и начал орать, что сделка не действительна и что она противит какому-то коду. По какой-то причине он взялся за мой случай и смог отложить приговор, потому что я поступал из благородных побуждений.

— Тебе повезло. Торн не часто так поступает.

— Знаю. Именно поэтому я все еще время от времени охочусь для него. Мне кажется, что я ему очень обязан.

— Если бы ты знал, что ему пришлось дать взамен, то понял бы, что должен ему гораздо больше.

— Ты о чем?

— Ни о чем, — Калев развернулся к Нику. — Ну как, тебе лучше?

— Неа, я еще больше сбит с толку. Кто такие Адские охотники?

Калев протяжно застонал.

— Ты как пес со старой костью. Никогда не знаешь, когда нужно ее зарыть.

— Почему он знает так мало?

— Он частично Сефирот.

Доктор Бердетт замер на несколько секунд, затем покачал головой.

— Невозможно.

— И все же, вот он. Полная противоположность тому, кем должен быть Малачай, потому что в нем кровь матери, которая наполовину Сефирот.

Усмехнувшись, доктор Бердетт скрестил руки на груди.

— Ну, все это не безумнее, чем мое существование, так что я заткнусь.

Обернувшись, Калев наконец-то сжалился над Ником.

— Отвечу на твой вопрос — ты уже встречался с Адскими охотниками, просто не знал этого, и к счастью, они не узнали тебя, Мистер Смертельный враг, проклятие их существования.

— Ладно... и откуда они появились?

— Они были необходимым злом после Беллум Магнус. Твой великий предок выпустил и совратил с пути истинного столько демонов во время первой войны, что мы не могли разогнать их по их дырам. Как и Артемида со своими Темными Охотниками, Калосум создал воинов, которые должны были охотиться на них и либо возвращать их в их тюрьмы, либо убивать. Первую группу набирали среди добровольцев. Среди них были лучшие воины и герои Беллума. И так как они осознавали, насколько опасны создания, которых они преследуют, то и понимали, насколько коротка их жизнь. Долго на крутых ребят не поохотишься, либо проиграешь битву, либо умрешь. Калосум понимал, что невозможно постоянно набирать воинов с такой силой и навыками. Вряд ли их успеют подготовить вовремя.

— Как и в случае с Майклом, — сказал доктор Бердетт, продолжая объяснение. — Так что они решили привязать свои оуиса и души к мечам и медальонам Сефиротов. После их смерти медальоны призывают других членов семьи, достойных, по их мнению, принять меч и продолжить битву. Против этого соблазна не устоять, и как только ты дотрагиваешься до медальона, то пропал.

Калев горько рассмеялся.

— От этого не избавишься. Только если Габриэль запретит тебе сражаться. Он единственный, кто может забрать у тебя Сераф и вернуть его в медальон до твоей смерти.

Господи. Не очень-то весело.

— После того, как это овладевает тобой, что становишься с человеком, которым ты был?

— Это не одержимость, — быстро сказал Калев. — Это как с Малачаем. Они получают память предков, чтобы воззвать к их знаниям и силе в бою с демонами, которых им нужно искать. Знаешь, Ник — это как чит-код, чтобы получить большого монстра в конце игры, не зарабатывая очков опыта.

— Чем больше демонов мы убиваем, тем сильнее становимся.

— Ага, — Калев хохотнул. — И если одному из них удастся убить Малачая, то он станет Большим папочкой их всех. Именно поэтому, парень, нам нужно держать тебя от них подальше.

— Заметано. Избегать Адских охотников, острых предметов и все адские реальности, адские пасти и крошек, орудующих мечом... кроме той, с которой я встречаюсь.

— Ты правда встречаешься с Арелем? — переспросил доктор Бердетт.

— Ага.

— Мир сошел с ума, — он бросил взгляд на Калеба. — Это конец света?

— Этого мы и пытаемся избежать.

Ник понял, что его смерть откладывается и присел на диван.

— Ты же не будешь пытаться изгнать меня, пока я отдыхаю?

— Польешь его святой водой и будешь жутко разочарован. Более чем уверен, в детстве мама поила его ею с бутылочки.

— Нет, Малфас. Это был ладан. Выучи уже разницу.

— Ох, извини. Не хотел перепутать, — Калев закатил глаза.

Доктор Бердетт одарил их взглядом, говорящим, что не представляет, что они могут занимать такое почетное положение.

— Почему Малачай так мало знает о демонах?

— Он визжит, как девчонка, во время просмотра фильмов ужасов.

— Эй!

— Ну, это так. Я пытался посмотреть «Детские игры», а ты убежал и спрятался в самом начале. А потом спал с мамой в постели три дня, потому что тебе было страшно.

— Чувак! Ты обещал, что никому не расскажешь!

Доктор Бердетт разинул рот.

— Ты серьезно?

— Конечно, да. Мне приходится менять его джинсы каждый раз, когда он писается.

— Кей! Хватит! Больше ты за мной не присматриваешь. Кто там еще может меня охранять? Где Ксев? По крайней мере он ни с кем не болтает. И не рассказывает жуткие подробности обо мне. И что касается мокрых штанишек... я с этим завязал.

— Ага, в прошлом году.

— Калев!

Доктор Бердетт рассмеялся.

— Таких как вы мне еще не доводилось встречать на этой работе.

Калев презрительно фыркнул.

— Это потому что ты тусуешься со всякими демонами-неудачниками. Тебе нужно иногда проводить время со мной и моими друзьями. Хотя оружие лучше оставь дома. Тронешь одного из нас, и мы вернем тебе его в самое неприятное отверстие.

Ник склонил голову, когда в ней появилось странное видение. Забавно, но он никогда не думал, чем Калев занимался, когда они не были вместе. С кем он проводит время. Так как Калев не говорил об этом, то он считал, что тот впадает в демоническое забвение или что-то подобное.

Хотя Калев был знаком со всеми созданиями по другую сторону Завесы, когда они пошли в Теневые земли спасти мать Ника в ночь смерти его отца.

В его голове он видел Калеба в необычном баре, он смеялся и перешучивался с группой демонов, одетых не как люди. Они были в полной демонической форме. Даже Калев выпустил своего странного демона.

— А я и не знал, что у тебя уши острые, как у эльфа. Надо было тебя называть Леголасом вместо Аэрона.

Хмурый Калев повернулся к нему.

— Что это было?

Ник заморгал.

— Я видел картину тебя с твоими друзьями в мире Завесы. К слову, ты был в своем нормальном виде. Каждый раз, когда я видел тебя в демонической форме, мы были в шаге от смерти, так что я не обращал внимания на уши.

— К твоему сведению, у тебя они тоже острые.

— Серьезно?

Калев кивнул.

— И зубы. Ты такой урод, когда становишься Малачаем.

— Отлично, буду знать. Не стоит это делать на глазах у девушки, которую я не хочу потерять.

Хмурый Калев присел на корточки перед Ником.

— Это так странно.

— Что?

— Это как... но невозможно.

— Как что? Ты меня пугаешь.

— Говорю же, — пробормотал тот, — пугается, как тринадцатилетняя девчонка.

Затем заговорил с Ником громче:

— У тебя все симптомы, которые проявлял Адариан, когда ты приближался к нему.

Клянусь, это как будто тут другой Малачай. Но это невозможно, — он посмотрел на доктора Бердетта. — Какие у тебя с собой инструменты?

— Они бы не высасывали силы из Малачая. У меня с собой меч, немного святой воды. Ничего мощного. Я не планировал здесь никого выслеживать. Майкл может быть вооружен лучше меня.

Калев задрал голову, чтобы посмотреть на символы, которые Бабба начертил на стенах и окнах для защиты.

— Да, но это не так. Кроме соли, которая не причинит вреда этому пареньку, ему нечего использовать. Мы здесь все время. И никаких побочных эффектов. Бабба пригласил нас сюда, так что мы в безопасности. Чуть какая-то...

— Почему Майкл не знает, кто вы такие?

— Мы не очень-то болтаем. И мать Ника тоже не в курсе. И нас это устраивает.

— Она частично Сефирот?

— И об этом тоже не знает. Долгая история.

— Похоже на то, — сказал доктор Бердетт со смешком. — Но если серьезно, то раз уж он теряет силы, то здесь скрывается нечто темное. Нечто, что смогло подключиться к его силам, чтобы использовать их для себя.

— И я думаю о том же.

— Знаете, если оно способно на это...

— То пришло сюда не для того, чтобы заводить друзей.

Ник не нравилось, к чему шел их разговор.

— И о чем вы оба думаете?

Калев бросил на него тяжелый, задумчивый взгляд.

— То, что добралось до тебя, знает где ты. Знает, что ты не приспособился к своим силам и планирует тебя убить. А заодно и всех нас.

— Это нормально. Мы как обычно, сможем это остановить.

— Вот только есть проблема.

Ник и представить не мог какая.

— И какая же?

— Мы не знаем, кто это или что это. И мы не знаем, как это происходит.

— Это уже не одна, а три проблемы.

— Нет, кретин. Это одно большое крутое существо, которое может размазать нас по полу.

— Но ты сказал, что сейчас я не могу умереть.

— Да, как Малачай. Но если у тебя отнять Малачая...

— Я могу и умереть.

Калев кивнул.

— Да. В прошлом лишь сын Малачая мог ослабить его. Но если кто-то или что-то нашло иной способ...

— Мне конец.

— Нам всем.

— Думаешь, поэтому пропал Аэрон?

Калевб пожал плечами.

— Не знаю. Я не смог его выследить. Как будто он исчез с лица земли. Не знаю, что с ним случилось.

Ника посетило неприятное чувство, но он от него отмахнулся. Аэрон бы за этим не стоял.

Нет. Просто голос Малачая внутри хотел ненавидеть всех вокруг. Никому не верить. Но откуда-то же это пришло. Как обычно, его нацелились уничтожить. Проблема в том, что он не знал, где искать врага. Если это был Грим, то он неплохо скрывался.

Если же кто-то другой...

То он попал, потому что они его не заметят, пока он не начнет действовать. И за последние несколько лет они выучили одно — такое не происходит без последствий.

В этот раз Ник молился, чтобы не лишиться головы. Или что еще хуже, чтобы не лишился головы кто-то из его близких.

Глава 6

— Видишь, милая, с ним все хорошо. Говорил же, что не позволю, чтобы с твоим мелким что-то случилось.

Ник смотрел, как в дверь входят Бабба и его мама. Чирайз Готье была такой крошечной по сравнению с Баббой, и у нее были светлые волосы и голубые глаза, освещавшие ее ангельское личико. На ней была черная футболка «Убежища» — места ее работы, она пролетела мимо Баббы к дивану, где сидели Коди и Ник.

Быстрее, чем он успел пошевелиться, она вцепилась в него мама-ниндзя осьминожьим захватом. Черт, для такой крохи она была очень сильна. Его мама могла бы справиться с Гераклом, не говоря уж о ребенке.

— Ма... дышать... не могу! Ты мне воздух перекрыла. Смерти моей хочешь. Ослабь хватку на своем бедном отпрыске, иначе ты его убьешь.

Рассмеявшись, она потрепала его по волосам, а затем поцеловала в лоб, проверяя температуру. Его мама никогда не использовала руку или стерильный термометр, как это делали нормальные матери.

Нет, Чирайз Готье всегда проверяла его поцелуями и щекоткой, заставляя подпрыгивать и повизгивать, как девчонку на глазах у его девушки или лучшего друга. Такое он не поощрял. Хотя Калек обычно просто корчил рожицу, а Коди смеялась.

Но его матери было плевать на чувство достоинства и эго сына, отсюда его жуткий гардероб. А еще эта ее привычка трепать его за щеку, как будто ему все еще три, пока от его улыбки не появлялись ямочки.

— Ты немножко тепленький, Страшилка, но ничего страшного. Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, пока ты меня не задавила. Коди принесла мне домашку, — он показал ей книгу по Английскому. — Я почти все закончил.

Его мама пошлепала Коди по коленке.

— Спасибо, мисс Коди.

— Не за что, мисс Готье. Наш мальчик не может отставать. Иначе меня посадят рядом со Стоуном. Тогда придется застрелиться.

Она засмеялась и встала.

— Хочешь пиццу? — Ник указал на коробку на кофейном столике.

Его мама сморщила нос.

— Нет, и ты должен прекратить есть ее в таком количестве. Тебя разнесет, если не будешь следить за этим, — она отошла назад, чтобы забрать у Баббы сумку. — Я принесла тебе суп с куриной лапшой Хосе из «Убежища». Он сварил его для тебя. И Мама Ло передала тебе гумбо, думаю, Папа Медведь закинул туда медвежий коготь, хотя я сказала ему этого не делать.

Поблагодарив ее, Ник забрал сумку из «Убежища», открыл ее и рассмеялся.

— Они подкинули не только это, — он достал контейнер. — Мама Ло передала мне хлебный пудинг!

Широко улыбнувшись, он прикрыл его руками, чтобы не конфисковала мама.

— И я им не делюсь. Голодным хватит и другой еды.

Издав раздраженный звук, его мама встретила с удивленным взглядом Баббы.

— Не знаю, что делать с этим мальчишкой.

— Что обычно... терпеть и любить. Ну, как видишь, он в порядке. Так мы идем ужинать?

Она прикусила губу и повернулась к Нику, приподняв бровь.

— Все нормально, ма. Коди и Калев со мной понянутся. Ты знаешь, они ответственные взрослые, и я не останусь один. Нас могут проверить Тетя Менни или Марк.

— Ты не работаешь вечером, Страшилка?

— Я уже позвонил Кириану и сказал, что заразился от Розы. Он не обрадовался, но убивать меня не станет.

Слава Богу Роза заболела, и у него появилось хорошее оправдание.

Она посмотрела на Калеба и Коди.

— Ваши родители не против, что вы немножко задержитесь вечером? Не хочу, чтобы у вас были неприятности. Мне нужно им позвонить?

Его бедная мама понятия не имела, что Калебу тысячи лет, и что его родители в буквальном смысле вышвырнули его в канаву спустя три минуты после его рождения.

Что же касается Коди...

Сейчас ее отец был в плену на Исчезающем острове в греческом Подземном мире, а мама спала вечным сном, как статуя в райской реальности Атлантов. Ее отец Стикс освободится лишь спустя несколько лет и гораздо позже сможет вернуть ее мать.

И так как единственный способ, освободиться для отца Коди — убийство Эша и открытие адских врат, благодаря чему в мир вырвется группа демонов, пытающихся возродить богиню разрушения...

То лучше им не спрашивать у него разрешение вообще ни на что. Сейчас Стикс был немного не в своем уме. Ему понадобятся несколько декад, чтобы успокоится, простить Ашерона с человечеством и понять, что не нужно нести жуткий конец миру.

— Все нормально, мисс Готье, — произнес Калев особым тоном, который использовал только для нее, и Ник ценил это больше, чем знал Калев. Для него много значило, что друзья заботились о его маме так же, как и он. Пусть они не всегда жили мирно и соглашались во всем, его мать все, что у него есть. И Ник живьем сдерет кожу с того, кто причинит ей боль или ранит ее чувства.

— Ладно, если вы уверены. Как я уже сказала, я не хочу, чтобы у вас возникли проблемы с родителями. И уж точно не хочу, чтобы родители переживали за вас. Нет ничего ужаснее, чем не знать, где твой ребенок.

— Не волнуйтесь, мисс Готье, — Коди улыбнулась. — Мы приглядим за Ником дома. А вам отличного ужина. Ни о чем не переживайте.

— Народ, я не щенок. Я умею ходить, завязывать шнурки и все такое.

— Я в этом не уверен, — тихонько пробормотал Калев. — У тебя шнурки развязаны весь день.

— Это называется модой.

— Это называется сломанной ногой, но кто я, чтобы исправлять твое халатное поведение. Я с радостью посмеюсь, когда ты упадешь и отобьешь... — Калев посмотрел на Чирайз, как будто едва успел остановиться и не выругаться, — Зад.

Бабба рассмеялся.

Его мама лишь покачала головой и заговорила с Баббой.

— Дашь мне часок собраться, прежде чем заедешь?

— Если хочешь, можем пойти сейчас.

Она мило улыбнулась.

— Майкл, я бы с удовольствием приняла душ, smells запах прогорклого масла с волос и сменила рабочую одежду.

— Зачем? Я считаю, что ты пахнешь очень хорошо, а выглядишь еще лучше.

Ник застонал.

— Эй? Полегче, а? Тут вообще-то сын, и он захлебывается своей желчью! Фу! Старики, вы такие гадкие!

Его мать посмотрела на него.

— Ешь свой пудинг молча... Не такая уж я старая! Мне чуть за тридцать. И тебе исполнится, не успеешь заметить! — она повернулась к Баббе. — Увидимся через час, — когда она потянулась, чтобы поцеловать его, Бабба увернулся.

Она пораженно уставилась на него.

Тот мотнул головой в сторону Ника.

— Пытаюсь не злить самого важного мужчину в твоей жизни.

— Я не смотрю, — проворчал Ник. — Меня уже итак стошнило. И ма, не хочу никакой трагедии, когда ты в следующий раз войдешь в комнату, а я невинно прижимаюсь к Коди. Потому что мы ничем не занимаемся, и я не хочу знать занимаетесь ли вы, так что не начинай ничего. Это все, что я прошу.

Она покачала головой и вздохнула.

— Я вырастила испорченного ребенка.

Бабба широко улыбнулся.

— Неа, он хороший. Именно поэтому я позволил ему прожить так долго. Хотя если будет слишком умничать, всегда можно утопить. Я знаю, как спрятать тело в болотах и его никто не найдет... нужно же аллигаторам питаться.

Она остановилась у двери, смеясь.

— Пойдешь со мной домой, Страшилка?

— А можно мне доесть?

— Ты же вроде приболел?

— Приболел. Но говорят же: голод — жара, сытость — холод. Так что я подкармливаю его пудингом, пока он еще теплый.

Она прижала руку к его лбу.

— Слава Богу я работаю в ресторане, где добрый босс разрешает брать еду домой, иначе я бы не смогла прокормить этого мальчику. Клянусь, у него бездонный желудок.

— Моя мама так же говорит обо мне. А еще, что в другой жизни я был солитером. Но это все из-за футбольных тренировок, Чирайз. Нужно подпитывать этот метаболизм.

— Напоминай мне приносить ему обеды на ужин.

Ник застонал.

— Мама, да я не щенок. Мне не нужен собачий корм.

— Сказал мальчик, который снова проголодается, когда мы вернемся вечером, — она потрепала Баббу по щеке. — Скоро увидимся... Ник, веди себя хорошо!

— Ты тоже.

Как только она ушла, Бабба замялся и почесал челюсть.

— Уверен, что не против?

Ник колебался. Если честно, он сам был не уверен насчет этого. Его мать была святой

для него, и он не любил делиться ею с другими. Никогда. Да и не приходилось. Даже в детстве ему было неприятно, когда она держала другого ребенка, даже в церкви.

Но он уже достаточно повзрослел, чтобы оценить то, что его мать никогда ни с кем не встречалась, и что он эгоистично занял всю ее жизнь с момента своего рождения. Как она сказала, она не была старой. Но он отнял каждый день ее юности.

Она заслужила счастье, найти достойного парня, который будет относиться к ней, как к королеве, коей она и была.

И раз уж все решено, то он не мог придумать никого лучше Баббы. Ну, может только Кириан. Но от Амброуза Ник узнал, что Кириана ожидает иная судьба.

Он предназначен другой женщине.

И Бабба заслужил еще один шанс найти женщину, которая его полюбит. Он тоже ни с кем не встречался с того дня, как потерял жену и сына. Он погрузился в свой бизнес и охоту на зомби с Марком. Одинокая, потерянная душа. Но когда Бабба был рядом с его мамой, в его глазах зажигался свет. Его самоуверенный друг терял свое самообладание. Хрупкому эго Ника доставляло удовольствие видеть, что он не единственный огромный мужик, которого пугала и сбивала с толку его крошечная мама. Кроме того, он обожал Баббу.

— Ага. Живи уже, Втройне Опасный.

Бабба широко улыбнулся, услышав его футбольное прозвище, которое сейчас использовал только Ник.

— Ладно. Я говорил серьезно, Ник. Вы оба для меня важны. И ты точно важнее всего для Чирайз. Мне совсем не хочется нагнетать между вами обстановку. Скажешь хоть слово, и мы вернемся к прошлым отношениям.

— Все нормально, правда. Иди уже одевайся. Не заставляй ее ждать, она это терпеть не может. Уж поверь мне, на моей заднице все еще отпечатаны ее ладони в доказательство.

Тот фыркнул.

— Твоя мама никогда и пальцем тебя не трогала, и мы оба это знаем.

— Не правда, — захныкал он наигранно. — Ее жестокие слова ранят мою душу.

— Ладно, — проговорил Бабба со смешком, — Хорошо. Сегодня за магазином смотрит Марк. Если что-то понадобится, он тебе это принесет. Мой отец ушел с друзьями, но он скоро вернется. И если тебе что-то понадобится, всегда можешь позвонить мне или маме.

— Да, сэр. Но проблем вроде не ожидается, если только Калев не решит порезвиться с духовкой.

— Порезвиться с духовкой? — Калев нахмурился. — Это еще что за ерунда?

— Я видел кухню в твоём доме. Выглядит так, будто там Марк прошелся со своим огнеметом.

— Так Марк и прошелся там со своим огнеметом, преследуя демонов! — раздраженно ответил Калев. — Да он чуть ее не сжег дотла. Помнишь?

— О да. Забыли, — Ник улыбнулся Баббе. — Думаю, нам будет лучше без Марка.

— Учитывая то, что парень чуть себя к чертям не зажарил из-за телефонного кабеля и полностью сжег свой джип, то, наверное, ты прав. Не зови Марка, хорошенько не подумав. — Он мотнул головой в сторону спальни. — Пойду, переоденусь. Если понадобится, то мы с твоей мамой в «Бренанне».

Ник застонал, осознав, что они идут туда без него. У него даже слюнки потекли.

— Принесите мне десерт.

— Ладно, сделаем.

Как только он ушел, Ник перевел взгляд на Коди.

— К Меньяре?

— Ага, позову Ксева.

Калев издал звук отвращения.

— Зачем?

— Это его касается, — затем Ник замер, поняв кое-что. — Твою ж, Калев! Ты мой дядя.

Калев скривил губы в свойственной только ему манере.

— Нет!

Коди рассмеялась.

— Даже хуже. Он сводный брат твоего прапрадедушки.

Калев уставился на нее.

— Ты только делаешь все хуже.

— Да, но я наслаждаюсь твоей восхитительной реакцией.

Ник хохотнул.

— Да, но вы оба забываете важный факт. По меркам каджунов — он мой дядя.

— Здорово. Всю жизнь мечтал стать обезьяньим дядюшкой. Наконец-то получилось.

— И зачем теперь ранить мои чувства?

— В основном потому, что я не могу сломать тебе кости и пролить твою кровь, — он встал. — Вперед, спортсмены. Посмотрим, что думает об этом Меньяра.

— Конечно, дядя Кей.

— Фу, — простонал тот. — Не называй меня так. Может произойти непроизвольная реакция.

— Например?

— Заколю пару раз.

— И как все докатилось до насилия?

Калев приподнял бровь.

— Помнишь стычку с отцом Баббы? Он назвал меня Эсме даевой?

— Да, и что это?

— Они яростные даева, Ник, — Коди встала. — Как и Малачаи, они постоянно испытывают гнев и ищут драки, или сами же ее устраивают.

Калев кивнул.

— Это многое в тебе объясняет.

— Ага, я такой же, как ты. Раздражаю от начала и до конца, — Калев шлепнул его по спине так сильно, что Ник пошатнулся. — Хорошо быть живым.

— Мне нужно это записать. Мне не хватает моей девочки-гримуара.

Коди нахмурилась.

— Где Нашира?

— Не знаю. Они с Аэроном бросили меня. Я обоих уже вечность не видел.

Калев скорчил Коди раздраженную рожицу.

— Что для тебя вечность? Три часа или три дня?

Этот тон разозлил его.

— Ширу — два дня. А про Аэрона ты знаешь.

Калев выругался.

— Я не знал, что он второй пропавший.

— Третий, если считать Дэгона.

Калев в буквальном смысле застыл. Он вообще не двигался, и Ник решил, что его заколдовали.

Но спустя несколько секунд он моргнул и повернулся к ним.

— Спрошу прямо — Дэгон, Аэрон и Нашира ушли в самовол? Одновременно?

— Да.

— И ты только сейчас сказал об этом?

— Не думал, что это важно. Я считал, что они вернутся.

Но Коди его нездоровая реакция не смутила.

— Что такое, Калев?

— Аэрон не ушел бы просто так, только если бы у него было задание. То же самое с Наширой. У нее здесь нет семьи или друзей. Не может быть, чтобы они ушли одни. Я бы что-то заметил, если бы ушел с Аэроном, но я не решился оставить Ника в том состоянии, потому что мы все знаем, что происходит, когда бросаешь его одного. С Дэгном все сложнее. Возможно, он навещает семью на Олимпе, но мне все равно не нравится, что от него нет вестей.

Коди прикусила губу и повернулась к Нику.

— Тебя все еще посещают видения?

— Да, но они странные. Не такие, как обычно.

Калев сжал зубы.

— Позови Ксева, — сказал он Коди. — Встретимся в магазине Меньяры.

Она кивнула и исчезла.

Ник собирался спросить о том, что думает Калев, но тот схватил его за руку и перенес к ювелирному магазину Меньяры на улице Св. Филиппа.

Впервые с тех пор, как его покинули силы, от переноса его затошнило. Сильно.

Как только они появились на заднем дворе, Ник метнулся к ближайшим кустам, чтобы удобрить их.

Калев в ответ издал похожие звуки. У Калеба, в отличие от Коди и мамы Ника, был ответный рвотный рефлекс. Странно, учитывая то, что Калев был закаленным в боях лордом демонов, который вел свою армию по костям врагов. Внутренности, кровь и мозги не беспокоили Калеба.

Но стоит тебе немного поблевать и все.

Ник стоял на коленях, хватал ртом воздух и был не способен себя контролировать.

Калев кривил лицо глядя на Ника, и, казалось, был готов присоединиться к нему с минуты на минуту.

— Ты в порядке?

— Да. Я хочу вернуться в нормальное состояние. Это отстой.

— Постарайся себя сдерживать.

Ник закатил глаза.

— Ты как ребенок.

— Не заставляй меня застрелить тебя, пока тебя тошнит, Готье. Ты же знаешь, что я могу.

Он бы пригрозил сделать то же самое, но сейчас он не был уверен, что способен выполнить угрозу. Так что он закрыл рот и поковылял к двери.

Не надо раздражать дьявола, когда только и можешь, что загадить его ботинки.

И кстати говоря... Он все еще злился на Меньяру, за то, что в детстве она связала его

силы Малачая и врала ему всю его жизнь. Кроме того, она заставила его невинную мать выносить еще одного Малачая без ее согласия. Из-за этого жизнь его матери всегда будет под угрозой.

И не важно, что Меньяра была древней богиней, которая заявляла, что только и делает, что защищает других. Никому нельзя так играть с чужими жизнями. Никто не имеет права принимать такие решения, не посоветовавшись.

Люди не пешки и не созданы для того, чтобы умирать. Они существа с чувствами, которые заслуживают выбор, и должны сами давать согласия на участие в чем-либо. Нельзя использовать их, как племенных кобыл.

Но, как уже было сказано, Меньяра почти как семья для Ника и его мамы. Она была с ними, когда остальные отвернулись, и всегда старалась дать то, что им нужно.

Именно поэтому он все еще с ней разговаривал.

В конце концов, семья есть семья. Не обязательно соглашаться во всем, чтобы заботиться о другом человеке.

Кроме того, Меньяра приютила его мать и помогла принять роды на собственном диване. Так что было тяжело все время злиться на нее. Как бы то ни было, она всегда будет его тетей Менни. Даже когда они ругаются.

Через несколько минут невысокая женщина подошла к двери черного входа и открыла ее.

Она нахмурилась, глядя на Ника, и тот тоже нахмурился.

— Чем могу помочь?

— Наверное, вы новенькая. Я Ник. Пришел повидать тетю Менни.

На ее губах появилась легкая улыбка.

— Ах, Ник. Я тебя ждала, — ее лицо помрачнело, стало зловещим. Глаза полностью почернели.

— Малачай.

Прежде чем он успел пошевелиться, она атаковала.

Ник выставил руки вперед и начал бороться с демоном-моргентом, который надвигался на него, щелкая гадкой мокрой челюстью. Ну могли бы хотя бы не трогать его телекинез?

Конечно нет.

Ну или дали бы хотя бы салфетку, чтобы создание вытерлось и прекратило заливать его слюной. Так гадко! Из-за этого у него отпало все желание заводить ребенка, у которого полезут зубы. Он провел достаточно времени в комнате для детишек в церкви.

Ник пихнул демона, отчего слизь полетела во все стороны.

Фу, его маму бы удар хватил, случись это в ее доме. Пришлось бы все дезинфицировать. Использовать хлорку и все что угодно, чтобы сделать его снова пригодным для жилья. Ну хоть раз бы послали за ним привлекательного суккуба.

Нет. Он слишком многого просит у вселенной.

Ник ударил демона кулаком, отчего тот покрылся слизью и заныл.

ОТВРАТИТЕЛЬНО.

Его желудок протестующе сжался, и он почувствовал желание снова навестить кусты. Не совсем то, что нужно в разгар драки с демоном. Скорее всего не обернется ничем хорошим для него. Для них всех. Если только он не хотел, чтобы демон умер от смеха. Но для этого у него была уродливая рубашка. Такое уже случалось раньше. Не очень-то приятно быть посмешищем у демонов.

Он пригнулся от удара в голову и уклонился.

— Кaleb, хватит спать! — Ник ударил демона головой. — Мне тут помощь не помешает. От кого-то, кто не покрыт соплями демона.

Слева от него скользнуло цветное пятно, схватило демона перед ним и отбросило в сторону. Он узнал это пятно, и никогда не был так рад видеть клубок спутанных волос и почти семь футов бессмертной ярости.

Пока Ксев сражался вместо него, Ник повернулся и увидел Калеба на земле, заливающего асфальт своей кровью. Его бледный и трясущийся друг едва мог дышать.

Какого черта? Испугавшись, он побежал к Калебу.

Коди уже задрала его футболку, обнажив уродливую рваную рану на боку Калеба, слева от пупка. Она пыталась с ней что-то сделать. Коди прижимала к ней футболку Калеба, чтобы остановить кровотечение.

— Что произошло?

Кaleb поморщился.

— Когда я отвлекся, сзади подкрался демон. Порезал меня перед тем, как я убил его.

Ник нахмурился.

— Ты не отвлекаешься.

Кaleb резко вдохнул и указал на свой бок.

— Ты явно ошибаешься.

К ним подбежал Ксев.

Коди посмотрела на него снизу-вверх.

— Ты убил демона?

Он кивнул ей и поморщился от вида раны Калеба.

— Плохо.

Да. Она не заживала, с каждой секундой Калев становился бледнее. Его дыхание ослабевало и воздух клокотал в груди. Даже его тело начало принимать демоническую форму, что означало, что он теряет силы и слишком слаб, чтобы удерживать человеческий облик.

Ник замер от зловещего подтекста в голосе Ксева.

— Что с ним происходит?

— Клинок был отравлен, я чувствую запах яда. Этих убийц прислали за Калевом.

— Его нельзя убить, он бессмертен.

Ксев нахмурился.

— Мы не бессмертны. Нас трудно убить, и мы имунны к человеческим болезням и оружию. Но это было сделано не человеком. Оно создано специально для Даева, — его глаза наполнили слезы, когда он стирал кровь с щеки Калеба. — Я не потеряю тебя, брат. Не таким образом!

Калев вцепился в рубашку Ксева.

— Не смей! — рявкнул он. — Даже не думай об этом. Если поможешь мне так, и я выживу, то я убью тебя.

— Ты не в том положении, чтобы останавливать меня.

— Что здесь происходит? — Меньяра вылетела из задней двери магазинчика. Эта крошечная женщина, не выше его мамы, едва доходила до середины груди Ника.

Она была одета в ярко-желтое, ее косички были собраны в свободный пучок.

— Что произошло?

Ник указал на тела, но так как демоны после смерти быстро разлагались, то Калев был единственным подтверждением их присутствия.

— На меня напали демоны.

— На моем заднем дворе?

Ник кивнул.

— Один из них вышел из твоего магазина.

— Это невозможно. Демоны не могут проникнуть в магазин через мои барьеры.

— А этот проник.

Ник никогда не видел ужаса в ее карих глазах, но вот сегодня повезло. И это никак не уменьшило уровень его стресса. Скорее уж подняло его до небес. А еще он знал, что означает это выражение ее лица, и это было вовсе не: «Здравствуй, Ник, как сам?»

— О чем ты не договариваешь, Менни?

Но прежде чем она успела ответить, он понял, что ее страх был вызван не его словами, а тем, что делала Коди за его спиной.

Он глазом не успел моргнуть, как Коди выстрелила из лука Менни промеж глаз, в ту же секунду Ксев пригнул его к земле, уводя с линии огня. Они упали в нескольких футах от тела Меньяры.

Злой, расстроенный и сбитый с толку Ник отпихнул превосходящее его по размеру создание.

— Какого черта?

— Смотри, это была не Меньяра, — он указал на тело, которое пинала Коди, натягивая очередную стрелу.

Через мгновение тело рассыпалось прахом, что означало, что к ним снова пришел демон, а вовсе не Меньяра. Резкий порыв ветра унес тлеющие угольки. Пораженный

иллюзией Ник встретился с ним взглядом.

— Моих способностей нет, — проницательность была первым, что он развил и никогда его не подводила. До этого момента.

Его полностью ввели в заблуждение. Он вообще не почувствовал, что это была не Менни. На его шее не встал ни один волосок, предупреждая об опасности.

Нехорошо.

«Я беззащитен», — эта мысль налетела на него, как грузовой поезд и выбила почву из-под ног. И с ней пришел новый, всепоглощающий страх.

Меньяра!

Если демоны смогли проникнуть в ее магазин, то что стало с ней и ее персоналом? Вряд ли она открыла дверь и сказала: «Заходите, демоны. Чувствуйте себя как дома. Присаживайтесь, выпейте чаю».

Его сердце подскочило к горлу, и он рванул к магазину. Он рывком распахнул дверь, чтобы обнаружить поле боя со сломанными полками и испорченным инвентарём. Здесь разразился мини-Армагеддон.

— Нет, — выдохнул он. Как они добрались до Менни? Это ведь невозможно. Она — богиня. У нее абсолютные силы.

Но вокруг царил бардак, который подчеркивал это. На потолке и стенах были подпалины, куда попали стрелы богов. Защитные знаки на стенах продолжали светиться, будто пытаясь сдержать кошмар, который здесь произошел.

— Ник?

Неспособный дышать, Ник повернулся на голос Коди.

— Что они с ней сделали?

— Не знаю, милый. Но нам нужно помочь Калебу. Он в плохом состоянии.

— Что хочет сделать Ксев?

— Позвать их отца.

— А я думал, он в плену, как и твой.

Она прикусила губу.

— Не как мой. Хотя их отец и пленен, но он может приходить и уходить, когда угодно.

— Ну так давай сделаем это!

Но она колебалась, как и Калеб раньше.

— Все не так просто, Ник. Ты говоришь о том, чтобы всколыхнуть главные силы. Он не придет по своей воле, и он не любит своих сыновей. Нет никакой гарантии, что он им поможет. Только если ты не подключишься.

— Ты о чем?

— Ты Малачай. Их отец подчиняется тебе. Ты можешь контролировать его, но ему это не понравится, и он будет сражаться на каждом шагу. Но, возможно, я знаю кое-что, что заставит его сотрудничать.

— Как я могу командовать им без своих сил?

— А я не говорила, что это не рискованно.

Но если они ничего не сделают, то потеряют Калеба. И он не был готов к такой потере.

Ник оглядел магазин и разрушения в нем. Что-то прорвалось сквозь защитные руны Меньяры и обрушилось на нее, чтобы забрать ее невероятные способности. В прошлом они знали своих врагов. Знали, с кем сражаются и как с ними сражаться.

«Неправда».

«Заткнись, голос разума. Я пытаюсь себя подбодрить. Мне еще не хватало, чтобы ты влезал и подкидывал логические заключения».

Потому что, если честно, он был напуган, и становилось только хуже. Логика и правда только пугает его до чертиков. Чем меньше смысла в происходящем, тем храбрее он будет.

Прерывисто дыша, он встретился взглядом с хмурой Коди.

— Что будем делать?

— Нужно подготовить почву, но я знаю одну вещь, которую хочет их отец, с помощью которой ты сможешь с ним поторговаться. То, чему он никогда не скажет «нет».

— Моя душа?

Она рассмеялась.

— К сожалению, все не так просто. Твою душу мы можем отдать ему без проблем. Но он захочет чудо, и твоё лучшее каджунское очарование.

Фу, что ей было надо?

— Мою свободу?

— Возможно, я не знаю цену. Но что бы то ни было...

Ник заплатит это за спасение жизни Калеба. Он слишком многим ему обязан.

Он собрался и кивнул ей.

— Давай сделаем это.

Они пошли к двери, когда в нее вошли Ксев и Калев. Калев опирался на Ксева. Ксев очень быстро и осторожно положил его на пол, затем с помощью своих сил захлопнул и запечатал дверь.

Это тоже настораживало.

— Что происходит?

— У нас компания, — Ксев пробирался по мусору мимо Ника. — Коди, помоги мне найти гематит, малахит, кровавик, уголь или обсидиан. Как можно быстрее.

— Сейчас.

Калев обругал его, но Ксев проигнорировал это и продолжал поиски, пока не нашел бутылочку черной и морской соли. Он протянул их Нику.

— Запечатай двери и окна.

Ник ринулся исполнять.

— Мне нужно что-то сказать?

— Нет, защита вернется, как только мы запечатаем порог.

— Так они сюда и попали?

Ксев покачал головой.

— Кто-то пригласил зло внутрь. Наверное, один из работников, который был не в курсе, — затем он пробормотал: — Сколько раз людям говорить не трогать зло, и никогда, никогда не приглашать его в свой круг?

— Ну, это не совсем наша вина. Оно милое и блестит. Если бы оно выглядело, как Носферату, то мы бы сбегали.

Ник закончил высыпать соль, затем вернулся к Ксеву.

Тот выкладывал кристаллы.

Коди нахмурилась.

— Ты призовешь его сюда?

— Мы не можем уйти. Не хочу вас пугать, но попробуйте отодвинуть жалюзи.

Ник так и поступил, и пожалел, что посмотрел спектакль с участием демонов на улице.

— Их видят все люди, или прокляты только мы?

— Думаю, прокляты мы, — сказала Коди и отошла от окна, к которому подошел огромный демон и завопил.

Ник отпрыгнул и опустил жалюзи.

— Так, адские обезьяны вернулись и устраивают вечеринку в нашем квартале. Они хотят повеселиться и готовы к сезону Марди Гра. Я уже говорил сегодня, как их ненавижу?

— Думаю, чувства взаимны, — Никогда поморщилась, когда они налетели на стекло, пытаясь прорваться внутрь. Ник скривился.

— Не похоже, что они швыряют в нас бусы. Как думаешь, если я сниму рубашку, они ослепнут и уйдут?

Никто не прокомментировал эту глупость.

Вместо этого Коди повернулась к Ксеву.

— Не думала, что его можно призвать без дуба и полнолуния.

Ксев бросил на нее раздраженный взгляд.

— Я не демон. На меня не действуют эти правила.

Правда. Он был древним богом. Нику стало любопытно:

— А каким ты был богом?

За него ответил Калев:

— Ник, он был богом хаоса. Богом кровавых болезней, огня, чумы, голода, жестоких смертей, страха и разрушений.

— Да, — сухо подтвердил Ксев. — Я отвечал за веселье.

Ник широко открыл глаза и взволнованно посмотрел на Коди, как бы говоря, что был дураком, выпустив Ксева в мир. Это вполне могло оказаться ошибкой.

— И не надо так смотреть, — Ксев нагло ухмыльнулся. — Порядок рождается от хаоса. Я был балансом богине, чьи силы равны моим. И прежде чем ты осудишь меня, Малачай, напомню, какую роль тебе уготовила вселенная.

— Весомо. Ты прав. Но пусть я и был рожден для разрушений, но я стараюсь не уничтожить мир в жуткой войне, которой я буду руководить. Это меня весьма беспокоит. Я читал книги и смотрел фильмы. Парень, исполняющий мою роль, обычно Избранный. Хороший парень в белой шляпе. Ребенок с суперспособностями, спасающий мир. А не тот, кто пожирает его. С кем мне нужно поговорить, чтобы улучшить мою роль?

Ксев покачал головой.

— Мы все жертвы своего рождения, Ник. И если нам повезло пережить детство, то остается наблюдать, удастся ли нам побороть те роли, что нам назначили те, кого мы называем родителями, с того момента, как мы сделали первый вздох, и изменить ярлыки, которые на нас вешают остальные. Ярлыки, которые мы должны определять сами и связывать с ними свои судьбы. Самое печальное проклятие человечества — когда кто-то учит тебя ненавидеть. И дает тебе причину для этого. Ты приходишь в мир чистой, неиспорченной душой. И твой первый жизненный опыт — тебя шлепает по заду мозолистая рука, для твоего же блага, чтобы ты задышал.

Он поморщился, будто в голову ему пришло ужасное воспоминание, и посмотрел вниз на Калеба.

— Грустно, что люди стараются сосредоточиться на том, что отличает их от остальных, а не на том, что делает их похожими — на сострадании, — он переводил взгляд с Коди на Ника. — На любви. Не смотря на все различия, мы похожи гораздо больше, чем готовы

признать.

И с этими словами он начал читать заклинание.

Калев попытался прервать его, но он был слишком слаб. Ксев проигнорировал его и продолжил.

Ник молча наблюдал за двумя братьями, чьи жизни разрушила трагедия.

Навсегда.

Ему захотелось найти его брата. Эта мысль часто посещала его, особенно в последнее время, но его останавливало то, что его брат бог. Неизвестно, что он еще от этого получит.

Или что его брат может почувствовать, узнав о существовании Ника. Ник не был уверен, знал ли его брат о том, что его отцом был Адариан.

Пусть его брат и был богом, но и они знали не все. Именно поэтому и пропала Меньяра. Этого бы не случилось, знай она, что у ее порога демоны.

Богов, как и всех, можно было обмануть. И если его брат не знал, что частично был демоном разрушения, то Ник уж точно не хотел стать тем, кто обрушит на него эту бомбу. Он усвоил, что не стоит приносить злему богу дурные известия. Неблагодарное дело. Обычно таким посланникам они отрывали крылья и съедали их.

Когда Ксев начал заклинание, раздался громкий треск. Сверкнула яркая молния.

Спустя мгновение перед Ником и Коди возникло нечто, еще более уродливое, чем адские обезьяны. Ник инстинктивно выставил руки, атакуя его, но лишь для того, чтобы вспомнить о своем бессилии. Коди уклонилась, а Ксев схватил и забросил его в то измерение, из которого оно вышло.

— Что это было?

— Когда Меньяра создала защиту для магазина, она запечатала несколько сущностей в поле вокруг. Это одна из тех, которых она разозлила, — вздохнула Коди. — Что здесь происходит?

— Есть еще один Малачай, — прорычал Калев.

— Амброуз? — Коди приподняла бровь, глядя на Ника.

— Не лишено смысла, но когда я в последний раз его видел, он сказал найти Глаз и все изменить. Он сказал, что исчерпал себя и что больше не может путешествовать во времени. Он был на грани того, чтобы сорваться и все уничтожить. Не думаю, что это он. Ощущение иное. Это совсем иная сила.

Калев застонал.

— Согласен. Совсем другая сущность и ощущение. Это более могущественное.

— Более могущественное? — ахнула Коди. — Невозможно. Не было Малачая могущественней, чем Амброуз.

И кстати говоря о...

Карман Ника начал обжигать его. Он зашипел и понял, что это из-за амулета.

— Почему Глаз причиняет мне боль?

Когда он полез за ним, Коди схватила его руку.

— Твоя сила уменьшается. Мы не знаем, что происходит. Если ты дотронешься до него сейчас...

Это может убить его.

— Она права. Тебе нужно избавиться от него, не прикасаясь.

— Как?

— Снимай штаны! — крикнули все трое одновременно.

— Зашибись! — рявкнул он в ответ. — Наконец-то женщина снимает с меня штаны, и это унижительно. Только мне так везет!

Расстегнув ширинку, он быстро скинул ботинки, потянул джинсы вниз и отбросил их. Слава богу, этим утром он надел боксеры.

Что еще хуже? Его мама была права. Важно всегда носить чистое белье.

Кто знает, что может произойти.

Этот урок навсегда впечатался в его психику. Особенно когда Коди посмотрела вниз, потом вверх и начала хихикать.

— Коди! — рявкнул он. — Не могла бы ты...

— Извини, просто ты такой милый.

— Милый? Серьезно? Не такое хочет услышать парень, когда его девушка впервые видит его без штанов. Блин, женщина, не могла бы ты улучшить ситуацию? У меня итак нет это.

— Прости, прости, — и она продолжила смеяться. Мило поджав губки, она захлопала ресницами. — Какой же ты каджун, если даже твое нижнее белье с Новоорлеанскими Святыми? Серьезно? Я должна быть благодарна, что оно не желтое с фиолетовым, с масками и бисером.

Калевб фыркнул.

— Ты должна быть благодарна, что оно чистое, и на нем нет дырок.

Ник уставился на него.

— Заткнись и умри уже! Я думал, что ты на последнем издыхании еще час назад! Ты разве не должен был истечь кровью?

Только Калевб открыл рот, чтобы отгрызнуться, как еще одна яркая молния чуть не ослепила Ника. Он ожидал новую адскую обезьяну, но этот вредитель был еще хуже и гораздо более зловещим.

Высокий, темный, пугающий, казалось, что его породил сам ад. Забудьте о Малачае. По сравнению с этим, отец Ника выглядел как Микки Маус перед Годзиллой.

О силе первоначальных богов много болтали, но до этого момента Ник не понимал, что это.

Да... если уж это был хороший парень, то он точно не хотел бы встретиться с плохим.

Никогда.

Когда он увидел Ника, то склонил голову, как опасный хищник, который почувал свежее мясо. Один его глаз был ярко-зеленым, а другой — темно-коричневым, как земля. Этот резкий контраст пугал. И к еще большему шоку, его лицо было лицом Калеба в человеческой ипостаси. Та же волевая челюсть. Тот же орлиный нос, приподнятые брови, смуглая кожа и темные как ночь волосы. Они даже были одинакового роста и телосложения.

Единственное различие было в длине волос. У Калеба они были короткими, а у отца — до плеч. А еще у отца была более холодная и угрожающая манера поведения.

Более зловещая.

Ник и не думал, что такое возможно.

И когда он повернулся к Ксеву, его глаза полыхнули красным. Затем зеленый амулет на его шее засветился неземным светом и выстрелил в Ксева так сильно, что поднял его в воздух и впечатал в стену за ним.

— Я тебя предупреждал! — рявкнул он на Ксева, сократив расстояние между ними. — В этот раз я вырву твое бесполезное сердце и скормлю его тебе!

Ник пытался добраться до Ксева, чтобы помочь ему, но какая-то невидимая сила удерживала его на месте. Он не мог ни двигаться, ни говорить.

«Коди?»

Она могла лишь вращать глазами.

«Я тоже заморожена. Джейден задержал меня».

Он мог лишь в ужасе наблюдать, как древний бог схватил Ксева за горло и прижал его к стене. Раненый и истекающий кровью Ксев был так же беспомощен против отца, как и они.

Его дыхание стало затрудненным, но он бесстрашно посмотрел отцу в глаза.

— Убей, если нужно, но помоги Малфасу. Он нес твоё знамя и заплатил за это высочайшую цену. Меньшее, что ты можешь сделать — спасти ему жизнь. Он нужен Кэм в этой битве. Без него погибнет Джаред. Если у тебя есть чувства к кому-то, кто не спрятался с тобой, то спаси их.

Чистый гнев и ненависть исказили прекрасные черты Джейдена, и он зарычал на сына.

— Что ты сделал с ним в этот раз?

Ксев горько рассмеялся.

— Зачем спрашиваешь, если не согласишься ни единому моему слову?

В этот момент Ник увидел у себя в голове странную картинку. Но так как он больше не держал амулет, то не знал, откуда она появилась. Он увидел Ксева с Майон. Высокая и гибкая, она была великолепна.

Верх женского совершенства. Неудивительно, что Ксев потерял от нее голову.

У изящной и элегантной Майон были темные волосы, которые мягкими волнами спадали до ее талии. Именно в такие волосы парень хочет зарыться руками и лицом.

У нее было круглое лицо ангела, большие глаза, миленький носик и крупные губы. Ее кожа была золотистого оттенка, как будто была сделана из золота или им покрыта. Даже крылья казались отлитыми из него. Босоногая, она была одета в тонкое красное платье, которое оставляло открытым поцелованное золотом плечико.

На Ксеве была древняя бронзовая кольчуга, которая двигалась, как чешуя дракона, его красные сапоги с золотыми пряжками сочетались с его плащом. В центре его бронзового нагрудника была изображена отвратительная, ужасная химера. Его угольно-темные волосы гармонировали с переливчатыми крыльями, и у него были нормальные голубые глаза. Ксев выглядел, как совершенно другой человек. Ник едва узнал его.

Бледные глаза Ксева сверкали озорством, когда он прошмыгнул с ней в маленькую комнату древнего храма — нечто вроде комнаты оракула, освященную настенными канделябрами, которые отбрасывали тени.

— Тебя не должно здесь быть, — выговаривала она ему. — Что, если кто-то видел тебя?

Абсолютно нераскаивающийся Ксев одарил ее таким горячим поцелуем, что Нику было неловко наблюдать за ним. Он отстранился с тихим стоном.

— Я должен был прийти. У меня есть информация о планах битвы моей матери, которую тебе нужно знать.

Она прикусила губу и взяла его лицо в ладони.

— Дэри, ты должен прекратить шпионить на нас. Тебя убьют, если узнают.

Он безразлично пожал плечами.

— Ну что они мне сделают?

— Вырежут твое сердце и скормят его тебе.

Он взял ее за руку и прижал к ее груди.

— Мое сердце здесь, под этой рукой.

Она открыла рот, чтобы запротестовать, но он заглушил ее еще одним нежным поцелуем.

Через минуту он отстранился, чтобы улыбнуться ей.

— На закате они планируют атаковать северные ворота, вашу слабую сторону. Я задержу их насколько смогу, чтобы вы укрепили позиции.

Она уставилась на него со страхом и беспокойством.

— Будь осторожен.

— Ты тоже, — он приподнял прядь ее волос, чтобы прижать к губам и насладиться их мягкостью.

— Когда-нибудь, Майон, я надеюсь получить нечто большее, чем просто твой поцелуй.

— Ты же знаешь, что пока никак. Мы оба это знаем. Это и так больше того, что мы можем себе позволить. А теперь иди, пока тебя не заметили. И не приходи сюда снова!

В глазах Ксева отразилась его боль, то как сильно он ее любил, и как ранили его эти слова.

— Прости, что потревожил тебя, анья, — сказал он, используя слово, которым демоны называли владельца. Боль ее отказа была осязаема. Он уронил ее волосы и отступил. — Больше я тебя не побеспокою.

Когда он отвернулся, из ее глаз полились тихие слезы. Она прикрыла рот и зарыдала так, чтобы он не увидел и не услышал. И когда он прикрыл дверь, не оглянувшись, она дернулась, будто от удара.

— Я люблю тебя, Даразурсис, — тихонько прошептала она. — И мне так жаль.

Она развернулась, чтобы удалиться в противоположном направлении.

— Остановите его! Не дайте ему сбежать!

Она ахнула от резкого голоса, за которым последовал лязг мечей и звуки жаркой битвы из главного зала храма. Вытерев глаза, она подлетела к двери, распахнула ее и увидела Джейдена с Ксевом в окружении стражи.

Раненый, истекающий кровью Ксев со связанными крыльями стоял на коленях, окруженный двадцатью стражниками. Двое из них держали мечи у его горла.

— Что это? — потребовала она ответа.

— Мы пленили шпиона Мавронимо, — Джейден указал на своих стражников. — Уведите и закройте его.

От холодных слов Джейдена она побледнела. Они грубо потащили Ксева прочь, стараясь причинить ему как можно больше боли.

Дрожа, она медленно приблизилась к Джейдену.

— Что ты обираешься с ним делать?

— Его допросят об их армии и намерениях.

— То есть будут пытаться?

Джейден не ответил.

— Мы на войне, Майон. Нельзя недооценивать врагов.

— Он твой сын.

— Который по своей воле пришел сюда, чтобы собирать информацию на меня для своей

матери. Думаешь, он заслуживает пощады?

— А если нет? Если он пришел сюда с информацией для нас?

Джейден рассмеялся.

— Знаешь, как он был зачат? С помощью лжи и обмана. Он с самого начала должен был стать оружием против нас. Им он и является. Не позволяй ему себя одурачить. Он был рожден от лживого чудовища и вскормлен молоком демонов. Поверь мне. Когда-то я совершил ошибку и доверился ему, когда он еще был мальчиком, и это едва не стоило мне жизни. Эту ошибку я больше не повторю. Ожесточи свое сердце во всем, что касается его, или ты дорого заплатишь за свое милосердие.

Ник поморщился от пропавшего воспоминания и наблюдал, как Джейден за волосы тащит Ксева к Калебу.

— Это ты сделал с ним? — рявкнул Джейден в ухо Ксева.

Ксев отказывался говорить. Он лишь медленно прикрыл глаза и ничего не произнес.

Бледный и трясущийся Калев посмотрел на отца.

— Говорил же позволить мне умереть. Брат, возможно, когда я в следующий раз скажу не звать кого-то, ты послушаешься.

Эти горькие слова погасили огонь в глазах Джейдена.

— Ты на стороне своего врага?

— Против тебя? — Калев усмехнулся. — Да я с Люцифером объединюсь.

Для Джейдена эти слова были как пощечина. Очевидно, они так ошеломили его, что он отпустил его.

Коди медленно пошла к нему, а Ник отступил, не будучи уверенным, что у этого нового существа была устойчивая психика.

Его психованный отец научил его, что нужно пригнуться под огнем ярости, пока он не успокоится или не уйдет прочь. И что нужно быть готовым к атаке.

— Калеба отравили, — сказала Коди.

Как только Джейден увидел ее, то склонил голову и нахмурился.

— Бэт?

— Я ее дочь.

— Ты не можешь его излечить? — спросил он ее.

— У меня нет таких способностей. Мой отец был Хтонианцем.

Тот кивнул.

— Мне нужен лазурит с красной яшмой.

Коди пошла мешать для него раскрошенные камни.

— И ты не попросишь за это плату? — Калев вытер кровь с губ.

Сначала Ник думал, что Джейден не ответит или, что он не услышал.

Но он заговорил через несколько секунд.

— Неважно, как вы были зачаты, но вы мои сыновья, — он посмотрел на Ника. — Вот тебе урок, мальчик... опасайся женщин, которые приходят к тебе с лестью на губах. И дважды опасайся тех напитков, что они протягивят тебе.

Он нахмурился.

— Где твои штаны?

— Уф... там, — он указал на них.

— Почему?

Ксев едва ли не расплылся в широкой улыбке.

— Наш последний Малачай не настолько компетентен, как его предшественники.

Джейден замер.

— Он Малачай?

Ник кивнул.

— У меня была примерно такая же реакция, только я еще и кричал, — он остановился, вспомнив тот день, когда Амброуз рассказал ему о его судьбе. — И было еще больше проклятий и отказов.

Ошарашенный Джейден переводил взгляд с Калеба на Ксева.

— Этот идиот убил Адариана?

Калев рассмеялся, а затем закашлялся от боли в ранах.

— Да, убил. Не надо его недооценивать. А еще он надрал зад Гриму.

— И Нойру, — добавил Ксев.

— Он?

Ник надулся от оскорбительного тона.

— Ух ты. Мое эго сегодня серьезно выпороли. Кто-нибудь, кроме адских обезьян снаружи, хочет вставить что-нибудь еще?

Коди вернулась с камнями, которые попросил Джейден, покрошенными в гранитной ступке.

— И прежде чем ты еще что-то скажешь про нашего Малачая, ты должен знать, что его дед — Джаред.

Джейден уронил бы ступку из ослабевших рук, не успей Коди выхватить ее.

Время замерло. Правда, казалось, будто что-то высосало воздух из комнаты, пока Джейден пялился на него своими странными разноцветными глазами.

— Как такое возможно?

Ксев вздохнул.

— Кэм организовала. Он тот самый Малачай из пророчества. Рожденный от света и тьмы. Самый могущественный из всех.

— Стоит тут без штанов, — Ник улыбнулся и подмигнул ему, затем прищелкнул языком и наставил два указательных пальца на древнее существо.

Джейдена это не очаровало... и не удивило.

— Ладно, надену свои штаны, — Ник кашлянул и направился к ним.

— Невероятно, — Джейден забрал ступку из рук Коди и продолжил лечить Калеба, а Ник осторожно поднял штаны, стараясь достать амулет из кармана, не касаясь его.

Ну, хорошая новость в том, что недоверие уже ни один раз спасало шею Ника. И хотя реакция Джейдена не потешила его эго, но помогла спасти его жизнь. Он был согласен на это.

Коди подошла, чтобы убрать волосы с его лица.

— Ты в порядке?

— Конечно, милая. Я знаю, кто я такой, и его отрицание этого меня не задело. Мне важно то, что думает обо мне лишь горстка людей. И я не позволяю ему причинять мне боль.

Улыбнувшись, она притянула его к себе.

— Люблю тебя, — прошептала она.

— И я тебя, — Ник сжал руку с ее волосами и зубы, осознав, что она была одной из той горстки людей, кто мог полностью уничтожить его. Ему было плевать, что думают Джейден и его враги, но ему не было плевать на мнение Коди.

И в его голове возник тот день, когда он убьет ее. Это постоянно преследовало его, даже если он не закрывал глаза. Все было как в замедленном видео.

Он поймал взгляд Джейдена, который с любопытством наблюдал за ним с другого конца комнаты. Он работал над Калебом молча.

А Ксев отвернулся, чтобы оставить их наедине.

Как обычно. И Нику не нужны были способности, чтобы знать причину. Ксев все еще бормотал имя Майон во сне. Часто он просыпался, шепча его и ища ее в кровати, чтобы выругаться, поняв, что он больше не в прошлом, и ее нет.

Сердце Ника болело за него, он отошел от Коди, взял ее за руку, чтобы подвести поближе к Джейдену и Калебу. Как только Джейден закрыл рану Калеба, то тут же уставился на него.

— Не могу поверить, что эта рана тебя не убила.

— Ага, особенно потому, что пришлось притащить тебя сюда, чтобы поухаживать за ней.

Джейден закатил глаза.

— Тот же Малфас, но даже еще сварливее, — он отошел от него. — С тех пор, как ты начал принимать человеческую ипостась, я знал, что ты не такой уж и страшный.

Он призвал кусок ткани и вытер руки.

— Мог бы и поблагодарить.

— За что? За то, что ты побыл отцом хотя бы раз за мою невероятно долгую жизнь? Тогда, спасибо, — да, в этих словах не было ни грамма сарказма.

Игнорируя это, Джейден нахмурился из-за разрухи вокруг и звуков демонов, пытающихся прорваться внутрь. — Так что здесь происходит? Где Кэм?

— Пропала, — ответили Коди с Ксевом одновременно.

— Опять?

Калев присел, поморщившись.

— Мы не знаем, что происходит. Вот поэтому этот Радужный пони решил призвать тебя, несмотря на мое предупреждение.

Ксев смотрел на брата, скрестив руки на груди.

— Давай, оскорбляй меня, но нам нужна информация. О другой стороне я знаю одно — они там кучка болтунов, особенно моя мать.

Джейден кивнул.

— В этом он прав. Рассудительность не ее добродетель. Но в этом случае я ничего не знаю. Об этом не говорили.

Ник раздраженно зарычал.

— Ну, что-то не так. Я потерял свои способности. Я не могу использовать Глаз. Мои генералы пропадают. На пороге адские обезьяны, Мортенты одеваются, как тетя Менни, которая тоже пропала.

— Тетя Менни?

— Кэм, — пояснил Ксев. — Его генералы Дэгон и Аэрон.

Джейден выпучил глаза, глядя на Ника.

— Зачем ты выбрал их своими генералами? С ума сошел?

— Все было нормально, пока они не пропали.

Джейден прижал руки к голове, как будто у него начиналась мигрень.

Или опухоль мозга.

Как ни странно, точно так же поступал Кириан, когда ему приходилось иметь дело с логикой Ника. Да и Бабба тоже. Ну, по крайней мере одна из его сверхспособностей все еще работала — своей рассудительной речью он легко мог вывести из себя взрослых.

Подавись.

Ник широко улыбнулся ему.

— Да, и пока не забыл, еще пропал мой демон — Аамон по имени Завид.

— Про этого я знаю.

Все повернулись к Джейдену.

— Прости, что? — начал Ник. — Ты его видел?

— Он у Нойра.

Коди положила руку на плечо Ника, успокаивая.

— Значит, это правда. Он не умер.

— Ну... он умер. Но Нойр захватил его душу. Бедный ублюдок.

Ксев выругался.

— Надо было это выдать, да? Нельзя было оставить так, — он издал звук, выражающий крайнее отвращение.

— Что? — невинно спросил Джейден. — А что я сделал?

Калев присоединился к брату и начал издавать такие же звуки.

— Будто недостаточно того, что меня отравили и едва не убили? Фу! Мне не нужен Глаз, чтобы предугадать следующий акт крайней глупости, который выдаст нам Ник.

Оба брата одарили Ника одинаково презрительными и раздраженными взглядами.

— И не надо на меня так смотреть. Итак ясно, что вы прекрасно знаете, что я скажу и сделаю. Так что сюрпризов для вас не будет.

Калев показал Ксеву большой палец.

— Он не может туда пойти. Его кровь сдерживает их. Если он окажется в Асмодее, это уничтожит печати и выпустит их. И если ты пойдешь, маленький Малачай, они никогда не выпустят тебя. Ты источник их сил. Дорогой папочка-геморрой, скажи ему.

Джейден кивнул.

— Он прав. Ты не захочешь узнать, что они делали с Адарианом. Именно поэтому он чокнулся. Даже мне его жаль, а это мне не свойственно.

Ксев фыркнул.

— Ребенок с постера «Мне нужны серьезные курсы отцовства» не врет.

— Да, Ник. И не трудно догадаться почему, — Калев мотнул головой в сторону отца. — Ты встречался с его родителями во время прошлого веселого диснеевского приключения.

Ник нахмурился.

— Да?

Коди решила больше не ходить вокруг да около.

— Тиамет и Хронус.

При упоминании двух самых страшных существ, с которыми ему пришлось столкнуться, у него отпала челюсть. И если матерью была Тиамет, то это много объясняло насчет Джейдена.

Да вообще все.

Он не знал, кого нужно больше жалеть — Джейдена или его сыновей.

— Это твои родители?

— Она породила всех первых монстров, — пробормотал Ксев и многозначительно

посмотрел на Джейдена.

На этот косвенный намек Джейден приподнял бровь.

— Прости, что?

— Ой, — Ксев невинно захлопал ресницами и сказал с выраженным сарказмом: — я что, сказал это вслух?

Джейден злобно посмотрел на него.

— Да, сказал, и мне нужно напомнить тебе, что не она породила Малачая?

— Извини, этого она не рожала, — Ксев закатил глаза.

— И что это значит? Нужно напомнить тебе, где ты был? Где твои братья из-за тебя? — рывкнул Джейден.

— Я к этому отношения не имею!

— Ну конечно же нет!

— Я не предавал свою армию!

Они продолжали ссориться, Калевб игнорировать их, а мысли Ника вернулись к прерванному разговору.

— Погодите! Давайте пока без семейных разборок, — он почесал голову, обдумывая сказанное.

Да... именно это они и сказали. Он посмотрел в жуткие глаза Джейдена.

— Твой отец Хронус? Ты так сказал. Бог времени?

— И что с того?

— А ты никак не можешь перенести меня в будущее, чтобы я поговорил с Амброузом?

Коди побледнела.

— Ник, это кошмарная идея.

Калевб сел.

— Она права. Никто не должен знать о своем будущем слишком много, а ты итак уже знаешь чересчур. Именно поэтому становиться только хуже.

— Верно, но мне надо узнать у него еще одну вещь. Пожалуйста? — Ник посмотрел на Коди щенячьими глазками. — Ты сказала, что сможешь поторговаться с Джейденом, чтобы получить то, что мне нужно.

— Но я не это имела в виду.

Ксев покачал головой.

— Послушай их, парень. Не делай этого.

— Возможно, но все вы кроме Джейдена знаете, какой я упрямый. Думаете, что сможете меня остановить?

Калевб лег, застонав.

— Вы же знаете, что нельзя остановить Короля глупости от нового акта чрезвычайной глупости. Поверьте, я уже все перепробовал. Он изматывает тебя и побеждает. Я привык смиряться и готовиться биться со всеми кошмарами, которые обрушатся из-за того, что он не прислушался к хорошему совету.

Ник кашлянул.

— Знаешь, Калевб, я вообще-то здесь стою.

— Ага, а я здесь лежу, истекаю кровью после последнего раза, когда ты ко мне не прислушался.

Существенное замечание, но Ник отказывался это признавать, на что собственно и жаловался Калевб. Но он был уже слишком стар, чтобы меняться.

Кроме того, это единственный вариант.

— Послушай, Амброуз нас не предавал. Он был честен с самого начала, — ну, чаще всего. И им не нужно знать о том, что Ник сам приукрасил пару раз.

— Ты сам сказал, что он сорвался, — напомнила ему Коди.

— Верно, но мы можем вернуться до того момента, как Амброуз чокнулся и поубивал всех. Так?

Джейден колебался с ответом.

— Это нестабильная теория.

И все равно им надо было так поступить. Ник посмотрел на них и на разруху, которая не говорила ничего о силе и существовании, с которым им приходится иметь дело.

— Ладно, пойду сам. Рискнем только мной. Остальные могут остаться здесь до моего возвращения.

— Нет! — воскликнули все одновременно.

Джейден бросил на них взгляд.

— Я так понимаю, у вас уже был печальный опыт?

— Лучше тебе не знать, — горько ответил Кaleb. — Он единственный из всех моих знакомых может найти неприятности на дне коробки с хлопьями.

Не будь это правдой, Ник бы обиделся.

Ксев выступил вперед.

— Я пойду с ним. Я не склонен портить все вокруг.

Выражение лица Коди говорило, что она готова поспорить, но через пару минут оно смягчилось. Она раздраженно посмотрела на Ника.

— Так ты серьезно настроен?

Ник кивнул.

— Мне нужно пройти через это.

Она посмотрела на Джейдена.

— Они смогут вернуться?

— Возвращение — не проблема. Но они должны убедиться, что никого с собой не приведут.

Ник поднял руки.

— Не проблема.

— Ну, посмотрим, — с этим предупреждением Джейден тяжело и устало вздохнул. — Мы разберемся с Драмонками снаружи. Надеюсь, вы знаете, как вернуться? — спросил он Ксева.

Ксев кивнул.

— Если только мне не помешает мое проклятие.

Впервые за все время Ник заметил чувство вины, мелькнувшее в глазах Джейдена.

— Покажи руку.

Ксев безразлично закатал рукав, чтобы показать древние слова, обрекшие его на вечное рабство и ограничившие его силу.

Джейден несколько секунд изучал их.

— А теперь бок.

Ксев с сомнением посмотрел на Коди.

— Я не буду смотреть, — она отвернулась, чтобы не смущать его.

Но все равно в его ореховых глазах горел стыд, когда он опустил их и приподнял

рубашку, чтобы Джейден увидел остальную часть проклятия, которую грубо выжгли на его плоти в день, когда вырвали его крылья и обрекли на подобное существование. Каждый мускул на его теле был напряжен.

Ник хотел успокоить его, но как это сделать? Он потерял жену и сына, свои крылья, свободу. Он всего лишь пытался помочь, а они безжалостно отняли у него все за эту попытку.

Но все же Ник понимал, почему Джейден не доверял ему.

Он видел Ксева подростком, примерно шестнадцати-семнадцати лет. Его возраста.

Пока Джейден спал, Ксев прокрался в его комнату и подменил его амулеты. Тот зеленый, что он носил сейчас на другой, высасывающий силы, чтобы оставить его на милость матери Ксева и ее орды демонов. Как только Джейден узнал о предательстве сына, между ними установилась вражда и неприязнь.

— Я принял тебя в своем доме. Как ты мог так поступить?

Ксев встретил его разгневанный взгляд и глазом не моргнув.

— Отец, все эти годы ты был не рад мне. Это за каждую порку и оскорбление, полученные вместо тебя, за годы животного рабства, из-за того, что ты отказывался признать меня сыном. Я сделал это для нее, и я свободен. Ты должен мне это!

— Я не должен тебе ничего, кроме ненависти!

— Тогда мы квиты.

Что хуже? Это была уловка. Азура все равно отказывалась отпустить Ксева, даже когда он передал ей Джейдена. Вместо этого она рассмеялась ему в лицо и ударила по щеке за глупость и доверчивость.

В отместку он освободил отца через два дня. Но вместо того, чтобы отплатить добром, Джейден в наказание бросил его запертым в клетке, хотя Ксев умолял отца смилостивиться и простить. Он даже молил отца о смерти.

— Ты не можешь бросить меня здесь... ты не представляешь, что она со мной сделает за это!

— Какое мне дело? Можешь гнить тут со своей матерью и ее демонами. Я никогда больше не посмотрю на тебя, ты, мерзкий предатель! Ты мне не сын!

И так Ксеву пришлось столкнуться с безграничной яростью матери.

Ник поморщился, почувствовав кошмар, который едва удалось пережить Ксеву.

Джейден понятия не имел, на что обрек свое дитя. Да и Калерб ненамного лучше понимал, каким кошмаром было существование Ксева. Именно поэтому Ксев все еще срывался и никому не доверял, именно поэтому ему было тяжело принимать проявление доброты в любом виде. Пусть Лили спасла Калеба, но это ничто по сравнению с тем, что Майон сделала для Ксева.

Ксев тяжело сглотнул, когда Джейден наконец-то отошел от него.

— Ты сможешь вернуться.

Опустив рубашку, он одарил Джейдена подозрительным взглядом.

— В этот раз я могу довериться твоему слову?

— Он не врет тебе, Ксев, и ты знаешь, что я тебя ни за что не брошу. Тому, кто свяжется с тобой, придется иметь дело со мной.

Его взгляд смягчился, он притянул Ника к своей груди и прижал. Он сильно сжал волосы Ника в кулаке, его рука дрожала. Было странно и неловко, но он напоминал себе, что Ксев не видит в нем секс-игрушку.

Для него он был его ребенком, его прапраправнуком. Он был последней связью с Майон и сыном, от которого ему пришлось отказаться, чтобы ребенку не угрожали, как ему. Чтобы не видеть, как сын растет в знакомой ему обстановке, он вернулся в тень, чтобы наблюдать на расстоянии, как женщина, которую он любил больше жизни берет другого в мужья, и тот считает сына Ксева своим.

Так что пока она жила, и их сын был под защитой, Ксев был сдержан. Но как только она умерла, и их сын попал в рабство... Он стал самым безумным и опасным монстром, которому с этого момента было плевать, что станет с миром и им самим.

Все изменилось, когда он узнал, что сделала Меньяра, и что мама Ника была его внучкой. С тех пор Ксев стал самым худшим Ник-не-разбей-коленки-монстром, еще хуже, чем его мать. Ему еще повезло, что Ксев не обернул ванную в упаковку с пузырьками, чтобы Ник не поранился, когда шел чистить зубы.

Ксев даже отрегулировал напор воды и сделал ее едва теплой, потому что кто его знает...

Ник вздохнул и похлопал его по спине.

— Ты в порядке? Потому что, без обид, но ты меня пугаешь, Деда.

Ксев засмеялся и поцеловал его в макушку, прежде чем отпустить.

Ник пробежался рукой по волосам, чтобы вернуть их на место.

— Нам точно нужно завести тебе питомца или плюшевого мишку, или еще что.

— Нет, нам просто нужно быть уверенными, что ты в порядке.

Ник кивнул и повернулся к Джейдену.

— Итак, что там точно нужно делать? Принесем в жертву Лего? Помоемся под светом полной луны? Съедем начос? Стащим плащ Ашерона и убежим, чтобы он нас не догнал?

У Джейдена на лице появилось то же болезненное выражение, что и у его учителей, когда они видели его в своем кабинете на первом уроке и понимали, что он останется, а не просто занес книги другу. Особенно это выражение было присуще его учителю английского. Как будто у них была язва.

Он посмотрел на Коди.

— Он всегда такой?

— Да.

— Бедняга.

Коди скорчила рожицу.

— Знаешь, мне многие так говорят.

— Ага, начинайте развивать во мне комплекс.

Засмеявшись, она поцеловала Ника в щеку.

— Не слушай. Я считаю, что ты чудесен такой, какой есть.

— Ценю это, Коди. И я обожаю тебя, но тот факт, что ты встречаешься со мной и не собираешься бросать, ставит под вопрос твою разумность.

Она обняла его за талию, смеясь, и прижалась лицом к его плечу. Ник резко вдохнул, наслаждаясь теплом тела, прижатого к нему. Она не представляла, что ее объятия делают с ним и с его способностью мыслить.

Но опять же, она была его якорем. А может, она и знала, и поэтому поступала так, когда ему было нужно больше всего, чтобы удержать его на земле. Все сверхъестественные способности и магия, которыми он обладал, меркли по сравнению с волшебством ее прикосновений. Она единственная, кто мог приручить его Малачая и заставить покориться

ее воле.

Он был абсолютно беспомощен во всем, что касалось ее. И он не мог представить мир, в котором это однажды изменится.

Очнувшись, она бросила быстрый взгляд на Джейдена.

— Не дай ему пострадать. Если Ник не вернется живым и здоровым, ты встретишься с моей стороной Батимаас.

Глаза Джейдена расширились.

— Ты мне угрожаешь?

— Обещаю, — она крепко обняла Ника, затем встала на носочки и прошептала ему на ухо. — Пожалуйста, держись подальше от неприятностей.

— Милая, ты знаешь, что я стараюсь изо всех сил. Но когда дьяволу хочется поиграть, что делать бедному мальчику?

— Держись подальше от неприятностей, — повторила она. — Я серьезно.

— Постараюсь.

Она кивнула и отпустила его, ее глаза были грустными. Она подошла к Ксеву и обняла его.

— Будь осторожен, особенно потому, что таскаешь магнит, притягивающий неприятности.

Ник хлопнул в ладоши.

— Так, что...

Его слова прервал яркий свет.

Только что они были в разрушенном магазине Меньяры, и вот уже он стоит у Собора Св. Луи.

По крайней мере было похоже на него.

Его сердце забилось от ужаса, Ник медленно обернулся, чтобы увидеть, что он оказался на руинах Площади Джексона. Она горела. Горели даже здания Понтальба, Кабильдо и кафе Дю Монд. Это был чистый ад. Тела, как сломанные куклы валялись на улице. Машины были покорежены, вперемешку с военной техникой: останками танков и даже вертолетов. Он закашлялся от желчи. Он почувствовал, как с его лица схлынула краска, и понял, что Джейден забросил его прямо в эпицентр его худшего кошмара.

Это было не до того, как Амброуз сошел с ума. Это был пик, когда он со своей армией уничтожал мир.

Ксев был удивлен не меньше Ника, оба пораженно рассматривали жуткое разрушение вокруг.

— Как такое возможно?

Ник сглотнул, глядя на разруху.

— Это я видел в своих видениях. Об этом меня предупреждал Амброуз.

Неожиданно раздался крик, похожий на крик птеродактиля. Они одновременно развернулись, чтобы обнаружить огромного красного демона, который обрушился на них с неба. Сократив между ними расстояние, Ксев схватил Ника, чтобы прикрыть его своим телом.

Когда чудовище потянулось к Нику своими когтями, оно распалось с оглушительным воплем. Посыпались внутренности и кровь, вместе с огнем, который к счастью остановил Ксев.

Ксев выпрямился и немного ослабил хватку. Испытывающий отвращение Ник, поднял

голову, а дым вокруг них немного рассеялся.

Из темноты выступил последний человек, которого он ожидал увидеть.

Это была его чокнутая демоница-подружка Сими. Только она казалась старше, чем подросток-гот, который любил слоняться по магазинам и есть демонов, которую он знал и обожал. Она была одета в сверкающие доспехи, черные волосы заплетены в косы, и это было лучшее, что он мог увидеть в этом безумии.

Пока ее глаза не стали кроваво-красными, и она не направила стрелу на его горло. Тогда он понял, что между ними уже нет прежних отношений.

— Сими, это не то, что ты думаешь.

— Я не Сими, я ее дочь. А ты бесполезный ублюдок, убивший ее. А теперь я убью тебя!

Этого Ник от стоящей напротив девушки не ожидал. Никак. Слишком шокированный, чтобы двигаться, он стал для нее легкой целью.

К счастью, Ксев не был таким идиотом. Он схватил его, когда она выпустила еще одну стрелу в его голову, и вовремя оттащил в сторону.

Когда она собралась выпустить следующую, Ксев с помощью своих способностей разоружил ее. Он отправил лук в полет на горящую мостовую.

— Он не тот Малачай, что это сделал!

— Ну точно, — она вытащила меч и пошла на них.

Ксев поступил так же. Но он не торопился поднимать его на демоницу. Вместо этого он защищался от ее атак и не отвечал.

— Не хочу причинить тебе вред, ведь ты дочка Сими. Но и ему навредить не позволю. Он должен жить.

Тяжело дыша, она отступила и закружила вокруг них, чтобы задеть Ксева, наплевав на разговоры. А может, просто искала способ напасть на Ника.

Ух ты, да она вылитая мать. Просто копия. Ник не мог переступить через это. Тот же рост, телосложение. Ей бы бутылочку соуса барбекю, одежду готов, ботинки Док Мартенс, сумочки в форме гроба, и она стала бы точной копией демоницы, которая до коллик смешила его своими правдивыми замечаниями и выходками. Ну и еще ее любовь к охоте за всем, что можно съесть, когда она за полчаса опустошала их месячные запасы продуктов.

Как он мог навредить Сими? Он любил ее. Она была не просто его лучшей подругой. Сими была членом семьи. Ерунда какая-то. Он себя знал. Ник Готье не причиняет боли любимым, никогда. Не важно, Малачай он или нет. Он был не таким.

Верно?

Мог ли он не знать о своей вероломности?

Пока он пытался понять, в его голове пронеслись тысячи картинок, отчего он упал на колени. Как его жизнь могла так измениться и превратить его в монстра?

Как?

И в этот момент он вспомнил боль на лице Кириана, в ту ночь, когда спросил его, каково было, когда он древним воином впервые пошел на битву и забрал чью-то жизнь.

Более того, он видел Кириана в тот день и чувствовал то же, что и он. Видел все, что видел его босс. Почему-то он думал, что Кириан был старше, когда пошел на войну.

Но в Битве при Праймарии его храброму боссу было примерно девятнадцать-двадцать лет. Он был скорее худощавым, чем мускулистым. Примерно возраста Ника...

Тогда Кириан не был храбрым, компетентным генералом, которого знал и уважал Ник. Он, как и Ник, был напуганным ребенком, пытающимся понять мир, в котором обычно нет никакой логики. И он был гораздо более жестоким и безжалостным, чем следовало бы. Это и есть самая сложная часть переходного возраста. Эти ежедневные, зачастую грубые пощечины, которые говорили о том, что взрослая жизнь будет вовсе не такой, как представлялось в детстве. Что все будет не так, как должно было.

На ужин десерт не положен, хотя именно ты сейчас отвечаешь за свое пропитание. Ты не потратишь все деньги на видеоигры, которые хотел. Вместо того, чтобы отчитываться перед учителем, ты будешь отчитываться перед боссом, который заставит тебя скучать по

временам, когда твоим худшим страхом был школьный звонок. Тебе все еще нужно ложиться спать в нормальное время, делать домашние дела, которые ты ненавидел, а не слоняться с друзьями. И те, кто измывался над тобой в школе, не получают заслуженное наказание, и не останутся не у дел. Теперь они твое начальство, и если дать им в морду, как они того и заслуживают, то ты не будешь оставлен после уроков, как в школе, а попадешь в тюрьму.

Людей, которые стоят за тебя горой, станет очень мало или их не станет вообще. И чаще всего ты будешь чувствовать себя одиноким и брошенным, ненужным и бесполезным.

Но, как уже было сказано, жизнь находит способ тебя удивить. Когда ты уже готов полностью сдаться и опустить руки, когда решаешь, что люди не достойны тех неприятностей, что доставляют, появляется нечто, что помогает тебе все переосмыслить.

Крошечное чудо в непроглядной тьме может дать надежду и провести тебя сквозь нее, и ты заново разглядишь красоту мира.

Именно в такие моменты понимаешь, что стоит жить. И именно за них все цепляются в темные часы отчаянья.

Закрыв глаза, Ник видел те повороты судьбы, которые все еще оставались с Кирианом...

Измученный жутким маршем к городу, уставший от вида резни, встретившей их, и сегодняшней битвы, Кириан снял доспехи, чтобы помочь засыпать курганы и убрать в них тела.

Забыв приказы, тренировки и протокол, он оставил меч притороченным к седлу коня. Если честно, он испытывал такое отвращение к войне, что не мог вспоминать о них. Ему был неприятен груз поступков, легший на него, напоминание о жизнях мирных граждан, отнятых для того, чтобы спасти его.

Он многие часы переносил детей и их матерей, и изо всех сил старался не вскочить на коня и не умчаться к отцу домой, чтобы признать, что тот был прав.

Он не был солдатом. Война была кошмаром, и об этом его предупреждал отец. Кириан не хотел иметь ничего общего с жизнью солдат. Он больше не хотел резни и жестокости. Сейчас он мечтал лишь о своей старой постели и милом доме.

Лишь гордость не давала ему сбежать. Это и то, что отец никогда этого ему не забудет. Он видел в нем лишь раздражительного, избалованного мальчишку, который настаивал на своем опрометчивом решении, которое принял только из-за славы, которую оно может принести.

«Как ты можешь управлять королевством, если не можешь проанализировать свои решения? Хорошо это или плохо, но раз уж ты решил, то именно тебе жить с последствиями. Так что думай об итогах, сынок. И постарайся понять путь, по которому пойдешь, и то, что ты точно хочешь по нему идти до самого конца». Хорош он или же плох.

Поэтому Кириан сглатывал желчь и продолжал подготавливать тела, хотя и боялся, что больше никогда не сможет есть или пить.

— Парень!

Кириан замер, потянувшись за телом молоденькой девушки.

Димитрий, огромный помощник командующего, несся к нему.

— Где твои доспехи и меч?

Выпрямившись, Кириан пытался придумать достойное оправдание, которое не повлечет за собой порку за нарушение приказов. К сожалению, его не было.

— Ты меня слышишь?

Сглотнув, он указал на их залатанные шатры.

— Сэр, на моей лошади. На краю лагеря.

Разозленный Димитрий схватил его за красный хитон и потащил вперед.

— Мы на войне, мальчик! Нельзя бросать обмундирование там, где не доберешься до него в случае атаки, или там, где его могут украсть воры или враги. Этого ты хочешь? Вооружить врагов, чтобы они перерезали тебе глотку твоим же мечом? Тебя за это выпорят! Будет уроком на будущее!

Когда Димитрий тащил его к шатрам, раздался громкий командный голос:

— Отставить!

Кириан чуть не обмочился, узнав яростный рёв Юлиана Македонского. Он был их командующим, знаменитым сыном богини и легендарным героем Спарты, так что никто не хотел встречаться с его гневом. Хотя отец Кириана отдал его под защиту Юлиана, тот старался не попадаться ему на глаза, держаться подальше от него, потому что он был единственным в армии, кто мог безнаказанно его убить.

И тогда соратники Кириана, наверное, поаплодировали бы Юлиану, потому что терпеть его не могли. Но он не хотел показывать Юлиану, как боится его вблизи.

Заставив себя задрать голову, он не моргая встретился с глазами командующего. В конце концов он принц Фракии. Он примет любое наказание, не опозорив свое положение.

Юлиан преодолел последние метры, даже не посмотрев в его сторону. Его гнев был направлен на Димитрия.

— Отпустить его. Сегодня пролили уже достаточно крови. Оставь мальчика.

— Серьезно, командующий? Принц он или нет, ему нужно знать свое место.

Лицо Юлиана окаменело.

— Оспариваешь мои приказы, солдат?

От этого Димитрий сжался и поспешил оказаться как можно дальше от Юлиана. Горло Кириана сжалось, но он храбро встретил взгляд Кириана.

— Благодарю за прощение, Командующий. Обещаю больше не бросать обмундирование.

Юлиан кивнул ему.

— Если тебе от этого полегчает, Высочество, меня на первой битве стошнило. Я даже описался, хотя был тренированным спартанцем. Не позволяй нападать на тебя. На поле ты проявил недюжую храбрость, когда я видел, как более опытные солдаты падали, или еще чего хуже — убегали.

Кириан, пристыженный, но благодарный за странное сравнение Юлиана и непонятное понимание, отвернулся.

— Да как может стать легче?

Юлиан удивил его еще больше, предложив выпить из его фляги.

— Да, но день, когда ты вступишь в бой и хладнокровно отнимешь жизнь, не чувствуя ничего по поводу этого человека и его будущего, которое ты перечеркнул... именно его ты должен бояться больше всего, а не ожидать. То, что мы делаем — зло, юный принц. И конечно же к этому нельзя относиться с беспечностью и делать с радостью. Скорее уж с трепетом и пониманием цены чужой жизни. Правда битвы в том, что какой бы маленькой она не была, ты все равно навсегда запачкаешь свои руки в крови.

Эти слова эхом звучали в голове Ника, пока он осматривал жуткую разруху вокруг.

Этот урок навсегда остался с Кирианом.

А теперь он понял почему, но не понимал зачем увидел его сейчас, когда нужно сосредоточиться на другом. Он вообще не понимал, почему у него возникают те или иные

видения.

В них было что-то важное, это он знал. Хотя они и не укладывались в голове, его остаточные способности Малачая пытались предупредить его о чем-то.

Но все это раздражало, как старые стишки Наширы, и было еще глупее. Ему их никогда не понять.

Покачав головой, он сосредоточился на дочери Сими и Ксева. Она все еще разглядывала Ксева, будто пыталась понять, стоит ли с ним драться. Это могло быть огромной ошибкой. Пусть она была сильной, и часть способностей Ксева была ограничена, это не влияло на факт, что тот оставался лучшим бойцом из всех, что знал Ник.

Он бы выставил Ксева против любого. Даже против Малачай в полной силе.

Она задрала подбородок и вдохнула воздух.

— Ты из Источника? Зачем ты защищаешь его? — она мотнула головой в сторону Ника и произнесла это таким тоном, будто тот вообще никогда не мылся. И как будто он только что проиграл целому стаду хорьков.

Хотя, скорее всего это относилось к Ксеву, запах которого она учуяла.

Но Ксев проигнорировал очевидное оскорбление.

— Потому что ты гоняешься не за ним, и мы здесь ищем ответы.

Неожиданно раздался очередной вопль демона.

Она посмотрела на небо, и забыв про Ксева, побежала к останкам собора.

Дурной знак.

Должно быть к ним приближается крылатый Годзилла или что похуже. А если это так, то Ник точно не хотел встречаться с этим на открытом пространстве, без какого-либо супероружия.

Сердце Ника подскочило к горлу, он устремился следом за дочерью Сими. Он увидел ее впереди.

— Что здесь произошло? — крикнул он ей, пока они бежали по алее, перепрыгивая через обломки мостовой.

Она бросила на него угрожающий взгляд, обогнула чье-то обгоревшее тело и устремилась вперед.

— Как это ты не знаешь? Это сделала твоя армия.

— НЕ. МОЯ. АРМИЯ, — расстроенный Ник громко застонал, заметив новые разрушения и тела, от которых сжался его желудок, и желчь поднялась к горлу.

Новый Орлеан превратился в полноценную зону боевых действий.

Амброуз не шутил. Это не было похоже на то, что представлял Ник. Не удивительно, что тот так перепугался и вернулся в прошлое, чтобы остановить происходящее.

Его голова кружилась, он посмотрел на Ксева, который прикрывал их тыл.

— Зачем я так поступил?

Ерунда какая-то. В этот период времени его мать уже была мертва много веков. Не важно, какой характер у Малачая, он уже должен был смириться с этим.

— Я катализатор для стада кабанов, вырвавшись в мир?

Произошло нечто действительно плохое, что заставило Амброуза нанести подобный удар. Почему он продолжал считать, что смерть матери спровоцировала его гнев и срыв? Все не может быть так просто.

Или может?

Когда они бежали вниз по Аллее Пьера Антуана к улице Роял, из дыма возник демон со

сверкающими глазами.

Издав яростный боевой клич и выпустив голубую струю адского огня, он полетел на них, шипя в воздухе, наполненном статическим электричеством. Запах серы и дыма проник в горло Ника, затрудняя его дыхание. Из воздуха появились новые демоны, готовые атаковать и сожрать все, что видят.

Из бывшего здания агентства Этель Кидд высыпала группа хорошо вооруженных людей от восемнадцати до тридцати пяти лет. Они были вооружены огнеметами, гранатами от демонов и напоминали выпускников Школы выживания при зомби апокалипсисе Баббы и Марка.

Когда дочь Сими подбежала к людям, чтобы сражаться на их стороне, и часть демонов оказалась зажатой между ними и группой других демонов, Ник понял, что она завела их прямо в ловушку.

Прозвучал подготовленный взрыв, горящий мусор и бетон обрушились на демонов, заставив его и Ксева искать укрытия в разрушенных альковах церкви. Бабба бы точно ими гордился, Ника же впечатлила их изобретательность.

Пока они не начали нападать на них с Ксевом. Тут-то он и потерял уважение к их навыкам.

Ксев поставил его за собой, чтобы защитить.

— Эй, союзники! Мы на вашей стороне.

Они на это не купились.

Но потом самый большой демон из Команды людей, потянулся к горлу Ксева, и одна из девушек перехватила его руку, чтобы тот не оторвал ему голову. Она уверенно держала его.

— Люси, прекрати!

Зашипев, красно-золотой демон уставился на юную женщину, которая была примерно на пару лет старше Ника. В его красных глазах плескалась злость и другая эмоция, похожая на беспокойство, что было очень странно.

Женщина с темными волнистыми волосами чем-то напоминала Калеба.

— Ты с ума сошла? — процедил демон сквозь сжатые клыки.

Она тяжело задышала и указала на Ника своим мечом. Она смотрела на него, как будто он напоминал ей нечто очень болезненное, что она похоронила.

— Это не киприоты. Это мой отец... это... Амброуз.

Так, забудем о шокирующем появлении дочери Сими... слов, сказанных девушкой Ник вообще никак не ожидал.

Никогда.

Он был бы ошеломлен не меньше, если бы она заявила, что беременна от него.

Плюс факт, что она была старше его, и он водил машину всего год. И если честно, не очень-то хорошо. И то, что он переспал с женщиной и стал отцом, вообще невозможно было представить.

Его мама вообще не позволяла ему смотреть фильмы для взрослых. А если и разрешала, то потом выедала ему мозг и заставляла идти на исповедь лишь для того, чтобы Отец Джеффри посмеялся над ним за то, что он признается в чем-то столь незначительном.

Да, его будущий психотерапевт посчитает ее причиной его психологической травмы.

Но все же, позволить ли логике вмешаться в эту странную реальность? Потому что сейчас он был жутко напуган, прямо как гиперактивная белка, которая проснулась в собачьей конуре в самом центре Раккун-Сити^[4] с зараженными бешенством гончими, накаченными Ред Буллом и стероидами.

— Я кто?

На ее губах появилась легкая улыбка.

— Ты мой отец.

Демоны выпустили на них огонь. Они вернулись к битве, ругаясь и уклоняясь.

Его «дочь» послала струю огня в убийц, затем подбежала к Нику, и едва не сбила его с ног, бросившись обниматься.

— Не могу поверить, что это ты! Что ты наконец-то вернулся. Я так по тебе скучала! — Из ее глаз, так похожих на его, потекли слезы.

Но теперь, когда она стояла ближе к нему, он понял, что это были глаза его матери.

— Ты сказал, что сможешь вернуться. Но блин, пап, ты наполовину меньше и мускулистее, чем страшный демон, к которому я привыкла. Где мама? Ты нашел ее?

Губы Ника шевелились, но с них не срывалось ни звука, а она продолжала обнимать его. Она лишила его дара речи, что было очень и очень трудно сделать.

— Как тебя зовут?

Этот вопрос был для нее, как пощечина. Она отпустила его и даже отпрянула.

— Ты меня не знаешь? — по ее щеке побежала слеза, затем она оглянулась на остальных, сражающихся с демонами, чтобы убедиться, что правильно его расслышала.

Ему было очень неприятно оттого, что он причинил ей боль, но все же он и сам все еще прибывал в шоке.

К ним подбежал Ксев.

— Ник, у нас огромная проблема.

— Да уж, очевидно...

С яростным ревом, демон, которого его дочь назвала Люси, приземлился на землю перед Ником и ударил по нему с помощью своих сил. Ник упал бы от этого удара, не придержи его дочь.

Демон, разозленный ее действиями, сложил крылья и принял человеческий облик. Он был высоким, хорошо сложенным, и напоминал свет так же, как дочь Сими напоминала

тму. Что-то знакомое было в его больших зеленых глазах и светлых волнистых волосах. Хотя Ник не мог понять что.

Он устремился к ним, сжав челюсть, как будто хотел омыть аллею кровью Ника и поиграть его глазами.

— Это не твой отец, Чарити, и ты это знаешь. Это очередной трюк Малачая, чтобы ослабить и разделить нас. Наши отцы вместе погибли в бою. Мы были там и видели, как Малачай вонзил в него свой меч. Не знаю, кто этот кретин, но он точно не Амброуз.

Она покачала головой, прикусив губу.

— Не знаю как, но это он. Я чувствую, Люс. Его кровь говорит со мной.

Челюсть задергалась сильнее, и он ядовито посмотрел на Ксева.

— Назови себя.

— Бог, вскормленный Инари.

— Это объясняет запах.

— А ты? — спросил Ксев тоном, который бил либо очень храбрым, либо очень глупым.

Демон фыркнул.

— Чаронте.

— Ты не только Чаронте. В тебе есть что-то более мощное. И это не кровь Каллосума.

— В тебе тоже... Вот почему тебе не нужно ничего знать о нас, — он взглянул на дочь Ника.

— Вишенка, нам нужно идти, пока путь открыт. Иначе в городе мы попадём в ловушку без подкрепления.

— Возьми с собой Амару и других, и уходите. Я буду прямо за тобой.

— Милая...

Она прервала его, нежно проведя своими пальцами по его губам.

— Люсьен, пожалуйста. Мне в любом случае нужно забрать Аннабель. Я не могу её бросить. Ей нужна будет помощь, чтобы нести припасы.

Ник видел любовь и боль в глазах Люсьена, когда они обсуждали, что делать.

— Не затягивай. Ясно?

— Ясно.

Длинноногая красавица, вооружившись кнутом с серебряным наконечником, вышла вперёд и хлопнула Люсьена по плечу. Было в ней что-то, что напомнило Нику блонд-версию Табиты Деверо — сумасшедшей охотницы на вампиров, которая «помогала» им дома время от времени. Единственное, чего не хватало — зоопарка Табби и её парня-гермофродита Зигги Стардаста.

— Я останусь с ней, Люси. Ты же знаешь, я не позволю ничему случиться с твоей девочкой.

— Спасибо, Марисса.

Двое мужчин вышли вперёд.

— Мы с Дристаном останемся сзади и прикроем их.

Люсьен передал связку гранат темноволосому мужчине, который вызвался добровольцем.

— *Rax*, Вэл, и спасибо.

Привязав кобуру к поясу, Вэл склонил свою голову.

— *Rax tecum*^[5].

Люсьен мягко и медленно поцеловал Чарити.

— Не разбивай мне сердце. Я уже потерял слишком многое в этом сражении, чтобы потерять ещё и тебя.

Ник озадаченно посмотрел на Ксева.

— Ничего не понимаю.

— Да уж... Но важно то, что Марисса — дочь Кириана.

Глаза Ника расширились, и у него отпала челюсть.

— Чтоооо?!

Она дерзко приподняла бровь.

— Ты не помнишь, как качал меня на коленях, дядя Ник? Обучал меня отрывывать алфавит с шоколадным молоком, пока мама и Роза занимались фитнесом? Как есть бенье, не вдыхая сахарную пудру носом? Или танцевать джитербаг и тустеп, петь «Айко Айко», и играть на ложках и гармошке? Ничего из этого не кажется знакомым?

Чарити изумилась.

— Погоди, погоди, погоди... Ты шутишь? После того, как он ругал меня за что, что рыгаю за столом? Говорил, что это невоспитанно? И он научил тебя делать это? Так не честно!

Другая тень материализовалась рядом с Ником и принюхалась к нему. Подняв голову, он превратился из вервольфа в светловолосого мужчину.

— Он ничего не знает о нас. Он даже не признал своих братьев, Рисса.

Дристан поморщился.

— Это просто оскорбительно. А я-то думал, меня сложно забыть. Ты же не каждый день встречаешь адданка.

— *Ca c'est fou, mon nonc!*

Ник ахнул, когда Вэл сказал: «С ума сойти, дядя!» на каджунском. Очевидно, до того, как Амброуз слетел с катушек, он был важной частью их жизни.

Они не лгали.

Это была его дочь.

Это были взрослые дети его друзей.

— Ксев? — Ник обернулся к нему, пытаюсь все это осмыслить. — Что происходит?

— Джейден отправил нас слишком далеко в будущее. И ещё, — он помолчал и горько рассмеялся, — я думаю, мы должны были оказаться здесь. Встретить их.

— Я не понимаю...

Ксев потёр руку, где под рукавом было спрятано его проклятие.

— Да, я знаю. У меня тоже не очень-то выходит.

Ник прижал свою руку ко лбу, пытаюсь понять, зачем они здесь.

— Я не тот, кто уничтожит мир?

Чарити нахмурилась, глядя на него.

— Нет... Как ты можешь ничего не помнить о нас?

— Он всё ещё в старшей школе, — тихо сказал Ксев. — Никто из вас ещё не родился.

Марисса обеспокоенно посмотрела на Вэла.

— Это означает, что наши родители ещё не встретились.

Он побледнел.

— Тогда почему он все ещё здесь?

Оборотень выругался.

— Ты не видишь? Это ловушка! За этим стоит Мавронимо. То, что он здесь, может

поставить под угрозу наши жизни. Не дать встретиться нашим родителям... чтобы мы никогда не родились! Он здесь, чтобы все испортить. Это может все изменить. Изменить историю, какой мы её знаем!

Ник поднял руки.

— Нет. Я здесь не по этой причине. То есть по этой, но не для того, чтобы изменить вашу историю. А для того, чтобы защитить ваши жизни и мою. Я пришёл сюда, чтобы остановить это, — он указал на развалины, — то, что происходит. Мне сказали, что это я устроил конец света.

— Кто тебе это сказал? — нахмурилась Марисса.

— Амброуз.

Чарити приподняла бровь.

— Но ты и есть Амброуз.

— Я знаю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И они уставились друг на друга, ничего не понимая. И тут до Ника дошло:

— Погодите секунду... Все вы знаете меня. Но похоже, не знаете моего Сарру-Дара. Мне только кажется, или это странно?

Вэл нахмурился.

— Что ты разнюхиваешь? — Он дёрнул подбородком на Ксева. — Это не Сарру-Дара.

Ник с Ксевом издевательски хохотнули.

— Ага, как же, — уверенно сказал Ксев. — Я был Сарру-Дара с самого начала. Других не было.

Марисса покачала головой.

— Ты не прав. Демон Ливия — Сарру-Дара.

Ник немедленно очнулся, поняв значение слов.

— О, нет, не она. Я выпихнул её гнилой зад вон из нашего клуба в ту минуту, как взял верх.

Ксев поднял свою руку вверх, чтобы удержать их от комментариев.

— Подождите. Кто правит усумгаллу сейчас, в этот период времени?

Чарити посчитала их на пальцах:

— Бейн, Ливия, Грим, Лагерр, Ирре и Кессар.

Он буравил Ника взглядом.

— Ты не понял, парень? Если она занимает моё место, я должно быть мёртв или заперт, и если они смогли меня устранить, то открыли Киазазу — ворота в Асмодею. Нойр и Азура на свободе. Это конец.

— Дааа, — произнес Ник, растягивая слово, — но мы остановили их. Я выбрал других генералов. Ты был там. Ты это знаешь.

— Да, но, наверное, позже что-то произошло, — Ксев указал на Чарити. — Ты говоришь, что Амброуз не твой Малачай?

— Точно. Кип... — её слова оборвал сильный порыв ветра, который ударил её в грудь и отбросил подальше от Ника.

— Нет! — закричал Ник, когда она сильно ударилась о землю и перевернулась на бок.

Остальные ответили огнем, еще большему числу демонов, которые прилетели, чтобы вызвать их на бой.

Игнорируя их, Ник побежал к своей дочери. Он осторожно перевернул её и обнаружил,

что она была вся в крови из-за ран, которые покрывали большую часть её бока.

Её дыхание обрывалось, она смотрела вверх на него со слезами, что блестели в её бледных глазах, а губы дрожали от боли из-за зияющей раны, которую оставил демон.

— Это Киприан Малачай, — прошептала она.

Ник обнял ее.

— Останься со мной, Чарити. Я найду помощь.

Не успел он сказать эти слова, как почувствовал этот ужас, знакомое тянущее ощущение. Он был атакован другой сущностью. Невидимой силой.

Ник встал, чтобы встретить ее лицом к лицу.

Но когда он это сделал, то получил удар. Воздух вылетел из его легких, и всё погрузилось во тьму.

Глава 11

Ника трянуло, когда он грохнулся лицом вниз на пол магазина Меньяры. Какого хрена? Как он мог вернуться домой? Они ещё не были готовы. У него все ещё оставались вопросы, которые нуждались в ответах.

— Нет! — он поднялся и огляделся в поисках остальных, надеясь, что они могли прийти с ним.

Коди бросилась к нему.

— Ник, что такое?

Ксев упал на пол в паре шагов от него.

— Почему ты перенёс нас обратно? — спросил он его.

Ксев тряс головой, пытаясь сесть, и выглядел так же растерянно, как чувствовал себя Ник.

— Я не делал этого. Я был в центре сражения и пытался помочь им.

Разочарованный и разъярённый, Ник провел рукой по волосам, пытаясь использовать силу, которой у него не было, чтобы вернуться туда.

— Что с Чарити? С ней все будет хорошо?

— Не знаю, — Ксев поднялся и направился к Джейдену.

— Какого черта происходит? — зарычал он на него. — Это ты вернул нас обратно?

— Что?

— Не смей мне «чтокать», как будто ты не знаешь.

Если Джейден и изображал неведение, то мужчине или демону, или кем бы он там ни был, следовало дать «Оскар» за это представление. Он выглядел совершенно непричастным к этому и рассеянным.

— Что вы там видели? Вы нашли Амброуза?

— Нет, — Ксев указал на Ника. — Там другой Малачай, который господствует после Амброуза. Он не последний!

В комнате воцарилась абсолютная тишина.

Калёб медленно сел.

— Прощу прощения, ты на мете [\[6\]](#)?

Ксев медленно повернулся к брату.

— Вы все правильно расслышали. Все именно так. Я видел это собственными глазами. Ник видел это. Амброуз пал от рук другого Малачай. И тот Малачай откроет врата в Асмодею. Не Амброуз, — Он посмотрел на Коди. — Но это не сходится с твоими воспоминаниями. Никоим образом.

У Ника раскалывалась голова. Было ли это из-за попытки разобраться во всём или из-за путешествия во времени, или же из-за того, что он несколько раз ударился о бетонный пол, он не знал.

— Могла ли Коди прибыть из альтернативного будущего? Это сможет объяснить, почему она не знает о другом Малачае?

Джейден сузил глаза.

— Есть только один способ узнать наверняка.

Ксев направил руку на отца, чтобы поставить невидимую стену между Джейденом и Коди.

— Даже не думай! Сделаешь шаг в её сторону, и я вырву твоё сердце.

Джейден бросил на него угрожающий взгляд. Тот говорил Ксеву, что он скормит ему его собственное сердце, если тот попытается.

— Ты не хочешь узнать ответ? — с горечью спросил он.

— Не такой ценой.

Коди прикусила губу.

— Какая цена?

Ксев взглянул на неё через плечо.

— Кровавая жертва, которая свяжет тебя с моим отцом. Навсегда.

— Это звучит не так уж плохо.

— Нойр и Азура смогут использовать это, чтобы следить за вами с Ником через него.

— Ох.

— Вот именно. Мы не можем позволить им приблизиться к любому из вас, пока не узнаем, кто мать его сына. Это можешь быть ты или кто-то другой — нас выдернули до того, как мы спросили об этом и о том, откуда появился новый Малачай, — Ксев пошел в сторону Ника. — Что тебе сказала Чарити?

— Только имя Малачая. Киприан.

— Её брат?

Ник пожал плечами.

— Наверное. То есть, как иначе? Он также должен быть кровью от крови моей.

Коди ахнула от новостей, которые они обрушили на нее.

— Погодите... Что? А ну как отмотайте назад. Чарити была твоей дочерью?

Ник беспомощно поднял руки, не зная, как объяснить ей это и не разозлить. Да и не за что ее винить, он и сам не знал, когда стал отцом и кто мать его детей.

— Поверь мне, никто не шокирован этим больше меня, особенно учитывая, как Малачай должен быть зачат. Я не могу представить обстоятельств, когда я бы кого-то обидел, особенно женщину.

— Разве что и не пришлось.

Они хмуро посмотрели на Джейдена.

— Ты о чем? — Ксев медленно подошёл к отцу.

Джейден прижал кулак к губам.

— Брось, ты тоже помнишь как Грим и Лагерр были прокляты на то, чтобы стать саррунамус и сарратум иппиру.

— Пусть и так, но это было несколько сотен тысяч лет до нашего с Ником рождения. Так что не мог бы ты нам объяснить? — попросила Коди.

Джейден горько усмехнулся.

— Какая ирония. Думаю, потому ты и не можешь убить Ника, маленькая Коди. Несмотря на приказ. Несмотря на то, что в итоге это будет стоить тебе всего, что ты когда-либо имела и любила. Ты просто не сможешь. Потому что снова и снова, не важно как боги будут стараться встать между вами, вы двое найдёте друг друга несмотря на все препятствия.

Коди с Ником нахмурились.

— Прости, что?

Калёб тяжело вздохнул.

— Он прав. Вспомни, как я отреагировал в первый раз, когда увидел твой лук и понял, что ты была дочерью Батимаас?

— Ну?

— Коди? — Ник вздохнул, когда у него закружилась голова. Он отшатнулся от нее и упал.

— Ник? Что происходит?

Что-то в словах Калеба вызвало реакцию его мозга. Что еще хуже? Это включило ярость Малачая и обрушило на него его способности.

Они захватили его так, как никогда с тех пор, как они впервые вырвались на свободу. И он не мог ничего поделать. Больше никакого контроля. Он чувствовал, как его дыхание участилось, как в нём разгорелось знакомое тепло, и сзади раскрылись его черные крылья. В глазах потемнело, сердцебиение отдавалось в ушах барабанным боем. Быстро. Бешено. Громко. У него кружилась голова, он встал на ноги, опустив голову и глядя на своих друзей, как бешённая собака, пытающаяся решить, чьё горло она вырвет первым.

Во рту появились клыки, а жажда крови разжигала аппетит...

Коди тяжело сглотнула, увидев, что глаза Ника поменяли цвет. Они стали не голубыми, а демонически черными. Его кожа стала кроваво-красного цвета с древними черными символами, которые образовывали элегантный, закручивающийся узор по всему его телу. Удивительно красивый и в тоже время ужасающий. Черные линии пересекали оба его глаза и резко опускались к щекам. В черных волосах, которые были одинакового цвета со светящимися в тусклом свете глазами, мелькали кроваво-красные пряди.

Малачай был смертельно-опасным существом.

И когда те кровавые глаза встретились с её, она задрожала, но не от страха. Почему-то она знала, что он ее не обидит. Хотя Ник, которого она знала, уступил монстру, стоящему перед ней, но что-то в нём говорило, что она в безопасности.

— Амброуз?

Его черные крылья шевелились, поднимая пыль и бетонную крошку вместе с потоками воздуха.

Джейден сделал шаг к ней.

Шипя, Ник крепко обнял ее, защищая. Он буквально обернулся всем телом вокруг неё и поднял её с пола. Он с такой легкостью прижимал ее к груди, что это было по-настоящему страшно. Он ритмично замахал крыльями, и они зависли в дальнем углу магазина.

Ник закрыл глаза и прижался щекой к её макушке. Он держал её так, будто она была чем-то очень дорогим. Будто бы он потерял её и обрел снова. Ей казалось, что он никому не позволит подойти к ней близко или вырвать её из его рук.

И пока он держал её так, она увидела почему...

Они больше не были в Новом Орлеане. Вместо этого она была в древнем Хурритском ^[7] городе на вершине холма, возвышающемся над столицей, где люди восстанавливали сооружения, которые были повреждены во время жестокой войны. Даже храм, в котором она стояла, не пощадили. В стенах вокруг неё все ещё торчали обугленные куски от божественных стрел, и один из столбов, что рухнул под яростным штурмом, все ещё предстояло заменить.

Не обращая на это внимания, она стояла на балконе с демоном Чаронте, которая напоминала ей более высокую Сими, если не считать её кожи, которая была красного и белого оттенков.

Одетая в чёрную броню, она носила на своих эбонитовых волосах красные перышки и золотые бусины. Кончики ее острых, как у пикси ушек, были покрыты золотом.

— У меня плохое предчувствие, Рубати. Тебе следует поступить, как хочет Монакрибос, и бежать вместе с ним.

— Я не боюсь, Кси. Его мать защитит нас. Брайт не позволит причинить вред её ребёнку. Такое обещание дали ей и его отцу другие боги, когда Киссар отдал свою жизнь, чтобы Монакрибос смог появиться на свет. Они поклялись, что никогда не попросят её пожертвовать больше своей крови, — Она обхватила свой живот, который только начал округляться, указывая на ее беременность. — Мы в безопасности от их гнева.

Вдруг небо над головой потемнело. Гром прогремел так сильно, что затрясло здания вокруг них.

Рубати оступилась, её белые крылья раскрылись, чтобы не потерять равновесие и не причинить вреда своему ещё нерождённому ребёнку.

— У нас опять война?

— Я не уверена, но меня призывают. Тебе следует спрятаться! — Ксиамара прыгнула с балкона и полетела в направлении города.

Как только Рубати собралась уйти, она увидела, что Монакрибос вошёл в комнату через двери.

Ее накрыла волна облегчения.

— Любовь моя! — она бросилась к нему и получила настолько сильный удар, что он сбил ее с ног, и ее протащило по полу.

Пораженная, она едва не потеряла сознание, когда он схватил её.

Он сжал кулак и поднял ее вверх.

— Будь проклята за то, что ты сделала!

Она схватила его руку обоими своими и попыталась ослабить хватку.

— Кри? Да что с тобой?

Но похоже, слова ее не были услышаны. Он яростно уставился на нее.

К тому времени, как кровь очистилась от снадобья, которое ему дали, и он пришёл в себя, было уже поздно.

Рубати едва цеплялась за жизнь.

Монакрибос в ужасе отшатнулся, когда он оценил картину и увидел, что он сделал с женщиной, которую любил больше всего на свете. Он увидел свои окровавленные руки и её ослабленное тело.

— Ру?

Её дыхание прерывалось, она смотрела на него, слишком слабая и сломленная, чтобы двигаться. Слезы капали из углов её глаз, оставляя потёки крови на лице. Она тяжело сглотнула, прежде чем произнести слабым, наполненным болью шёпотом.

— Я собиралась рассказать тебе о нашем ребёнке, которого я ношу. Но теперь слишком поздно. Ты убил нас обоих.

С этими словами, она испустила последний вздох. И свет, который всегда светил так ярко в её глазах, погас и оставил их стеклянными и пустыми.

Опустошен. Лишён единственной любви, которую он когда-либо знал.

Откинув голову, Монакрибос взревел от ярости и горя. Невообразимая боль кромсала каждую фибру его души.

Он прижал ее к груди так крепко, как только мог. В этот момент его сердце и душа разлетелись на осколки.

Будь они все прокляты! Они назвали ему цену прекращения войны. Что всю его армию

нужно будет подавить.

Он сделал это ради мира. Без вопросов. Без промахов. Он убил и друзей, и врагов без жалости.

Но он отказался причинять вред своей жене, и это много о чем им сказало. Он предупредил, что нужно оставить ее в покое. Как и его мать, он был яростным и разрушительным созданием. Все они это знали.

Им следовало услышать его предупреждения.

Он планировал забрать жену и бежать из этого места. Скрыться где-нибудь, где они не смогли бы их найти.

Но вместо того, чтобы отпустить, они обманули его.

Теперь же...

— Вы заплатите за это! — закричал он в небо. — Пусть даже это будет последнее, что я сделаю! Каждый из вас вкусит мою месть, которую я запихну в ваши глотки!

Он пробежался пальцами по губам Рубати, покрыв их кровью, затем использовал её, чтобы нарисовать связующие символы на своём теле — они идентичны тем, что были у Ника в облике Амброуза.

— Кровью своей жены и нерождённого ребёнка, я клянусь, что мои сыновья будут всё это помнить и они унаследуют все мои способности, мою силу, мою ненависть, и мой гнев. Ни один не забудет, что вы сделали сегодня. И с каждым поколением мы будем становиться сильнее, пока не будем иметь достаточную мощь, чтобы сломить вас и править вами! Нам не будет покоя, мы не сдадимся, пока не придёт день, когда мы отомстим за то зло, что вы совершили. Пусть наш гнев обрушится на вас! Да будет так!

И пока он продолжал взывать к мести, направленной в сторону богов, которые причинили им зло, прижимая её, он почувствовал, как что-то ударило его в живот.

С яростным лицом он отстранился и увидел, что её кровь начала вертеться и закручиваться вокруг него. И ветер вознес его крики.

Вдруг пронзительный свет вырвался из её тела, разрывая грудь, где было сердце, которое когда-то дарило ей жизнь.

Монакрибос отшатнулся и поднял свою руку вверх, чтобы прикрыть глаза. Свет танцевал и закручивался, собираясь вместе, пока не сформировался в прекрасную молодую женщину, поразительно похожую на его жену.

Но Рубати была светловолосой и бледной, а это создание было её темным двойником.

Идеальная тень его прекрасной жены.

С грацией и достоинством взрослой богини, она поднялась и встала перед ним. Но несмотря на внешность, женщина огляделась в замешательстве и недоумении. Она была потерянным ребёнком, который ничего не знал о мире, в котором она только что родилась.

Монакрибос медленно встал.

— Рубати?

Она нахмурилась, будто бы не поняла ничего из того, что он сказал.

Когда он подошел к ней, она отшатнулась.

— Отойди от неё... это не твоя жена.

Выругавшись, он повернулся к Кэм, намереваясь убить её. Но она была не одна.

Она стояла в храме его матери со всем пантеоном.

Ее кожа отливала золотом и перламутром. Кэм медленно подошла к нему.

— У неё нет сердца, Монакрибос. Она только оболочка, наколдованная твоим горем.

Физическое проявление всей пустоты, которую ты чувствуешь внутри.

— Тогда пусть её будут звать Батимаас. Ибо она обещает чуму и бесконечные страдания на этой земле. Я проклинаяю вас в ответ, как вы прокляли меня. Никто из вас не будет знать ни мира, ни любви, ни счастья. Никогда. До того дня, когда вы поступите со мной правильно и вернете то, что незаконно украли. Будьте прокляты вы все! Будьте вы прокляты!

Вместе с этими словами он вытащил свой меч Малачая и с яростью обрушился на богов. Так или иначе, он не покинет комнаты, пока не перебьёт их всех!

До тех пор, пока пол не будет залит их красной кровью.

Они думали, что война окончена. Но это было только начало...

Коди ахнула, чувствуя, как воспоминания Ника оставляли ее, и она снова очутилась у Меньяры в его объятиях.

Тяжело дыша, она окончательно поняла, почему чувствовала такую связь с ним.

— Моя мать — возродившаяся Батимаас, — прошептала она.

Калев кивнул.

— Она пустая оболочка. Когда она встретила твоего отца, он дал ей сердце, которого ей не хватало, и завершил её. Это допустило твоё рождение, как завершение... той части ее, что была Рубати. Именно это делает тебя якорем для Малачая. Даже когда он в таком состоянии, он чувствует тебя, кем или чем ты являешься.

Коди положила свою руку на щеку Ника.

— Ты меня понимаешь?

Ник медленно моргнул, а затем кивнул. Оставаясь в виде Малачая, он медленно опустился на пол и поставил её на ноги.

— Лучше?

— У меня есть мои силы... пока. Так что думаю, что ответ «да», — он косо посмотрел на Джейдена. — Но ты не объяснил, какое отношение к этому имеют Грим и Лагерр.

— Их дочь была той, что опоила Монакрибоса, — тихо сказал Джейден. — Не нужно говорить, что он слегка тронулся.

— И у тебя есть пробел в воспоминаниях, Ник. — Ксев скользнул взглядом по отцу. — Никто из Малачаев до тебя не знал, что случилось с Монакрибосом.

Он нахмурился.

— Да, ты прав. Я знаю судьбу всех их. Но его отсутствует.

Ксев кивнул.

— Потому что мой отец и его друзья разорвали Монакрибоса на части.

Джейден прошипел:

— Я не имею к этому никакого отношения. Если ты помнишь, я был против, так как не знал, что смерть Монакрибоса сделает с Джаредом. Именно я рисковал всем, чтобы вернуть его обратно!

— Так ты был против...

Ник почувствовал, что его силы вновь ослабевают, и его накрыла волна страха. Это была катастрофа и можно сказать конец света.

— И как ты его вернул?

Джейден тяжело вздохнул.

— Новый Малачай, Джерос, возник из крови Монакрибоса, тем же способом, что и Батимаас из Рубати. Я сдуру подумал, что он будет точно таким же, как она. Невинным и несведущим. Безвредным.

— Вот они все удивились, — саркастически заметил Калев.

Ксев горько рассмеялся.

— Как и было сказано в проклятии Кри, он вернулся жутко озлобленным и с жадной мести. Его первой целью было выследить дочь Грима и Лагерр и страшно отомстить.

Ник понимал к чему все идет.

— Поэтому они снова убили его.

— Уверен, что хотели, — сказал Ксев. — Но нет. Им не позволили. Так что они прокляли его к смерти от руки собственного сына. Эту часть ты знаешь, потому что она уже случилась с тобой.

Калевб отсалютовал ему.

— И так, когда родился сын Джероса, Эвандер, и убил Джероса, он осознал, что однажды его сын сделает то же самое. Эвандер решил, что лучший способ отомстить за это маленького проклятие — пленить двух созданий, которые навлекли это на него и его потомков, и сделать их рабами на веки вечные. Более того, он решил кормиться их силой и сделать их своими генералами, которые бы служили ему и его армии.

— Ну, это объясняет гадкое отношение Грима ко мне. — Он больше не был богом смерти, и его действия зависели от воли Малачая. Да, у Ника тоже были бы проблемы с этим. — Когда мы впервые встретились, он сказал, что был ангелом смерти.

Калевб фыркнул.

— В некотором роде. Даже будучи богом, он не был главным божеством, а скорее своего рода эскортом. Спустя века падения и того, что Эвандер сделал с ним, он понял, что под знаменем Малачая у него была работёнка получше. Хотя понижение в должности все еще было проблемой.

Ник наконец-то достаточно удерживал контроль, чтобы вернуться в человеческое тело.

— И я бесил его даже больше, когда пренебрегал им.

— Да, бесил, — агрессивно произнес Калевб. — Но это то, что ты делаешь лучше всего, Готье.

— Спасибо.

— Ну, да ладно. И у меня это выходит лучше всего. Вот почему мы ладим.

Ник фыркнул, зная, что Калевб был прав. Его голова всё ещё кружилась от количества информации, и он попытался разобраться со всем этим.

— Есть какой-нибудь способ вернуться и помочь Чарити и остальным? Не хочу оставлять её там раненой.

В странных глазах Джейдена появилось сочувствие.

— Это не твоя битва, дитя. Извини.

— Но если ты изменишь то, что происходит... если мы узнаем, что пошло не так, то её мир будет не таким.

Ник обдумал слова Ксева.

— Всё это время мы пытались остановить Амброуза.

Ксев кивнул.

— И оказалось, это не Амброуз. Всё это время ты был прав. Проблема не в тебе.

— Мне не лучше от того, что это мой ребёнок.

Джейден напрягся от этих слов. Но слишком поздно, он осознал, что его собственные сыновья заметили его непроизвольную реакцию.

Они обменялись безмолвными, горькими взглядами взаимной обиды братьев на своего отца. Хотя Ник был рад видеть, что в этот раз они поладили, но ему было неприятно, что их объединила ненависть к отцу.

Коди прокашлялась, пытаясь их отвлечь.

— Ты узнал ещё что-нибудь из будущего?

— Не так уж и много, но мы встретили дочь Кириана. И двух детей Сими.

Из глаз Коди тут же покатались слёзы.

— О Боже мой! Люси и Амара были там! — выдохнула она. — Они живы?

Это шокировало не меньше их открытия.

— Ты знаешь о них?

Она кивнула, плача еще сильнее.

— Я никогда не упоминала о них при тебе, потому что предполагала, что они давно мертвы. Так что в этом не было необходимости. — Она издала лёгкий истеричный смешок. — Не могу поверить, что они пережили нападение! Я так рада, что они справились.

— И ты знаешь, что Люсьен замутил с моей дочерью?

Шок от этого мгновенно остановил её слезы. Она резко и оглушительно икнула.

— Серьёзно?

Он кивнул.

Шмыгая носом и улыбаясь, она вытерла свои глаза.

— Ну, поскольку я понятия не имела, что у тебя есть дочь, нет, я не знала об этом.

— Ты знаешь, кто их отец? — спросил Калеб.

Она кивнула.

— Не хочешь рассказать?

Прикусив губу, она элегантно вытерла глаза рукавом, затем прокашлялась.

— Принимая во внимание, кем они являются и как собрались вместе, думаю, не лучшая идея делиться этим с присутствующей здесь компанией... Эти знания могут изменить будущее. Потому что я вполне уверена, что узнай вы правду, один из вас попытался бы это остановить.

— Коди...

— Поверь мне, Ник. Я знаю, как поступишь конкретно ты.

Он бы поспорил, но она знала его лучше, чем кто-либо другой.

— Ладно, сдаюсь перед твоим превосходным здравым смыслом. — Но это не облегчило боль в его груди. Он повернулся в Ксеву. — Я чувствую, что должен что-то сделать. Мы бросили их под огнём. Чарити была ранена. Мы можем отправить какую-нибудь помощь?

Грустный Джейден покачал головой.

— Извини. Это так не работает. Их будущее принадлежит только им.

— Но это неправильно.

Джейден посмотрел на своих сыновей.

— Жизнь несправедлива. Она учит выживать. Вот почему то, что тебя не убивает — делает тебя сильнее.

Калеб вздохнул с отвращением.

— Здесь присутствуют люди, которым не стоит заводить потомство.

— Аминь, брат. Споём это хором. — Ксев сделал какой-то странный жест рукой, должно быть, демонический эквивалент приветствия.

— Итак, Капитаны? — спросил Ник, входя в образ Боунса Маккоя из «Стар Трека». — Как мы можем исправить пространственно-временной континуум?

— Амброуз сказал, что Глаз Ананке — это ключ, — Коди указала на пол, где Ник оставил его. — Нам следует начать с него.

— Ух ты! — Джейден встал на пути Ника. — Что именно сказал тебе Малачай?

— Что он облажался со всеми попытками остановить это. Он сказал использовать Глаз в качестве путеводителя и сделать всё так, как и должно было произойти, чтобы ничего больше не испортить.

Калев скривил губы.

— О, я знаю это выражение лица.

— Да, — вздохнул Ксев. — Меня начинает тошнить.

Ник приподнял брови.

— Что? Говорите уже.

— Он знает нечто жизненно важное, Ник, чем он не делится, — Калев кинул на Ксева презрительный взгляд. — Помнишь ту битву, когда он якобы случайно забыл сказать, что наши способности не будут работать?

— И тогда наши враги могли быть вдвое сильнее? Да, я помню. Я всё ещё хромаю из-за этого.

— Ник, запомни на будущее это выражение лица.

Джейден бросил на сыновей удивленный и раздражённый взгляд.

— Я думаю, как лучше объяснить, раз уж вы, двое шакалов, не захотели рассказать ребёнку, что такое Глаз.

— Это Камень Судьбы.

Тот закатил глаза от слов Калеба.

— Это больше, чем Камень Судьбы, — он глубоко и раздражённо вздохнул, затем пошёл к Глазу и поднял его. — Ник? Знаешь, кем была Ананке?

— Первородной богиней судьбы. Примерно такой же, как Тиамат.

Похоже, полученный ответ вызвал у Джейдена раздражение. Приятно знать, что его глупость бесит не только его маму и учителей.

Джейден положил Глаз на сломанную полку.

— Ананке — это принуждение. Она была богиней неизбежности, — он поставил ещё три камня рядом с Глазом. — Думай о ней как о неподвижной точке.

— Он знает, что такое точки отсчёта, — процедил Ксев сквозь стиснутые зубы. — Он не... — Он посмотрел на Ника. — Хорошо, он может быть идиотом, но он очень умный и полезный придурок.

— Спасибо. Пожалуйста, не пытайся поддерживать моё эго. Я не могу позволить себе психиатра.

Джейден кашлянул, чтобы обратить на себя их внимание.

— Опять же, не просто точки отсчёта. Она бесформенная, невидимая сила, что затягивает тебя в неизбежность.

— То есть она как гравитация для судьбы.

— Именно. Она удерживает временную последовательность вместе. Она порядок в хаосе.

— Но... — Ник замер, обдумывая то, что сказал Джейден. — Гравитация имеет скорость освобождения.

— Как и Ананке.

У Ника отпала челюсть.

— Ты говоришь то, что я слышу? Или я слышу то, что хочу, потому что хочу верить в это?

— С правильным применением силы и равновесия, даже точки отсчёта можно изменить. У всего, абсолютно у всего, есть свобода выбора. Но изменение точки отсчёта может иметь разрушительные, невообразимые последствия.

— Например, ослабленная ткань вселенной, — сказала Коди позади него. — Это то, от

чего охраняют зайтигеры.

— Она права.

— Да, я не хочу этого делать. Я однажды расслабился на простыню. Моя задница всё ещё горит от побоев моей мамы. Это научило меня быть аккуратней с вещами.

Прижав руку ко лбу, Ксев застонал.

— Хватит разглагольствовать... мне кажется, что Амброуз пришёл к такому выводу и испортил что-то, что не смог исправить.

— Может, это нам устраивает Киприан? — Калев почесал свой подбородок.

— Или, возможно, Киприан всегда стоял за этим, — Джейден дёрнул подбородком в сторону Коди. — Подумайте, что такое Арэли? Что они делают.

Коди скорчила рожицу.

— Они следят и записывают историю людей.

— И?

— Они — сила, что защищает и вершит правосудие.

Джейден кивнул и махнул рукой, как будто они все понимали суть разговора, но Ник, как и Коди, оказался сбитым с толку.

Когда тот понял, что все, включая Калеба и Ксева, которые показали неприличный жест у него за спиной, абсолютно ничего не понимают, он раздраженно вскрикнул, а потом разъяснил им:

— Изначально, Сраоша в роли Арэля, управлял событиями в истории, которую он хранил, чтобы гарантировать, что она вовремя движется вперед. Также он был судьёй смерти и одним из главных воинов, которые отгоняли демонов насилия и гнева, что терзали человечество.

— И поэтому он обожал и боготворил меня, — пробормотал Калев.

Джейден проигнорировал их, чтобы с помощью своих способностей заставить камни воспарить над Глазом.

— Мы предположили, что Амброуз потерпел неудачу. Но что, если нет? Что если у него получилось?

Он опустил камни, изменив их расположение, и посмотрел на них.

— Сраоша все равно будет злиться. — вздохнула Коди. — Поскольку порядок будет нарушен.

Джейден кивнул.

— Особенно, если здесь замешан второй Малачай, и Амброуз нашёл способ сломать это проклятие.

— Это лишь догадки.

Джейден взглянул на Ксева и пожал плечами.

— Ну, что поделаешь. У тебя есть догадки получше?

— Сейчас у нас недостаточно доказательств для каких-либо выводов.

— Правильно.

— Но мне нравится ход его мыслей. — Ник прикусил губу, пока его мозг прокручивал варианты. Впервые это давало ему надежду. — По его версии, я не подонок, который уничтожит мир.

— Нет, но твой сын да.

Он закатил глаза и глянул на Калеба.

— Иди постой в углу, пока не научишься мыслить более позитивно. Тебе надо подумать

над отношением к жизни, мистер Даева!

— Моё отношение в порядке. Что мне нужно, так это смена окружения, где я не буду заперт в лачуге с задницей, — резко посмотрел на Джейдена, затем на Ника, — и прыщом.

Ник насупился, глядя на Ксева.

— А ты чего лыбишься?

— Рад, что он исключил меня из списка тех, кого ненавидит.

— Итак, — произнесла Коди дипломатичным тоном, стараясь привлечь их внимание к делу. — Можем ли мы использовать Глаз для того, чтобы изменить будущее, как и хотел Амброуз?

— Видишь ли, это сбивает меня с толку больше всего. Глаз работает не совсем так, и Амброуз должен был это знать. Уверен, Ник уже испытал на себе некоторые побочные эффекты.

— Ты говоришь о духовных каналах?

Он кивнул.

— То есть, ты мог общаться по ним?

— О, да. И мне это вообще не нравится. Это как спать с открытыми глазами.

— Да, но это не сны. Это было важное проникновение в суть вопросов, которые ты пытаешься понять. Причина, по которой его называют Глаз Ананке в том, что он показывает суть вопросов или людей.

Ник почувствовал себя так глупо, когда до него в конце концов дошло.

— Он не показывает будущее.

— Он может, а также показывает прошлое, настоящее и всё, что он сочтёт необходимым, чтобы помочь понять.

Коди скрестила руки на груди, изучая Глаз на расстоянии.

— Ты прав. Тогда нет смысла в том, что Амброуз отправил нас за ним, учитывая, что он делает.

— Значит, он показывает все варианты будущего, — пробормотал Ник, — И это меня раздражает. Прямо как моя мама на стероидах... «Не делай этого, Ник... В старших классах у меня был друг, который однажды так поступил. И я говорю тебе, ты можешь упасть, разбить колени. Заработать перелом со смещением. Заработать рак, или бешенство, или умереть!» — передразнивал он низким голосом, — Она всегда приходит к самым отвратительным и устрашающим выводам.

Он вздёрнул подбородок.

— Так что на самом деле мне это не нужно. С самого моего рождения возле меня человек, который так поступает.

Калев рассмеялся.

— Чирайз убила бы тебя, услышь она, что ты о ней говоришь.

— Возможно, но это правда.

— Знаешь, он никогда не сможет соврать.

Ник повернулся к Джейдену.

— Что ты говоришь?

— Я думаю... В отличии от человека или воспоминания, которое искажает время и эмоции, он не придумывает и не врёт. Он никогда не сбивает с толку и не искажает события. Он всегда даёт холодную неприукрашенную правду. То, что ты видишь, произошло или произойдёт. Твоя маленькая тирада о матери натолкнула меня на одну мысль. Наши

воспоминания всегда несовершенны. Они искажены нашими эмоциями и опытом. Мы фильтруем всё с учётом испытанного ранее. Я о том, что ты сам сказал несколько минут назад. Произнес ли я то, что ты слышал, или ты услышал, то что хотел услышать? Это не делает меня лжецом или тебя глупцом. Это всего лишь человеческая натура. Люди видят то, что они хотят видеть и слышат то, что хотят услышать. Глаз этого не делает.

— Амброуз хотел, чтобы ты узнал правду, какой бы она ни была— Коди встретила со взглядом Ника. — Я думаю, что кто-то ещё кроме Амброуза вмешивается во временную линию.

Калев выругался.

— Вот что призвало наших уродливых друзей. Они ищут того, кто это сделал. И из-за Амброуза они думали, что это был Ник.

Коди кивнула.

— Но хотя он вмешивался во временную последовательность, этого было недостаточно для наказания.

— Значит, виновен кто-то другой.

— Да, — прикрыв рот рукой, она посмотрела на Ника с тем же волнением, что ощущал и он. — Так с чем мы имеем дело?

— Да все с тем же. С концом света. Только мы больше не знаем, как это остановить, — Ник обошёл разрушенный магазин Меньяры. — Я имею в виду, посмотрите на это место. Если они смогли прийти сюда и так поступить с Менни... как мы собираемся их остановить?

Калев взглянул на Ксева.

— Разбирайся.

— Не я... Коди.

— Я в деле. — Коди подошла к Нику и обняла его за талию. — Вздохни глубоко и сосредоточься. Шшш...

Ник тяжело справлялся с паническими атаками. Он открыл рот, чтобы сказать Коди, что её там не было, что она этого не видела, но к счастью остановил себя до того, как показался глупым и равнодушным.

Она не только видела это. Она умерла вместе со своей семьёй.

И ему стало еще хуже.

Он быстро задышал.

— Берегись семян, что посажены, даже на наиболее плодородных полях. Те, кого мы возвращаем мозолистыми руками, могут оказаться нашим концом.

Ник моргнул, услышав слова Джейдена.

— Прости, что?

— Это то, что обычно говорила Батимаас, — произнес Калев напряженным голосом. — Те слова обычно вырезали на стенах её храма, как напоминание о сдержанности и справедливом суждении. Чтобы ты ни посадил сегодня, в конечном счёте ты пожнёшь это завтра. Если ты принёс зло в свою жизнь и сделал зло другим, вселенная ответит тебе мстостью.

И как будто Нику было мало, что он был на грани срыва, через 2 секунды после того как Калев закончил говорить, что-то ударило по входным дверям так сильно, что они загрохотали.

И что еще хуже, из-под двери потекла кровь, заливая его ноги...

— Привеет? Акра-Меньяра Кэм, высококлассная богиня, ты там? Чего это у тебя перед дверью наворачивают круги какие-то гадкие уроды? А можно Сими их попробует? Потому что они могут отпугнуть твоих деловых людей и напугать туристов. Скажу тебе, Сими окажет обществу услугу, если съест их. Привет? Акра-Менни? Ты там? Ты меня слышишь?

На Ника нахлынуло облегчение, он нервно рассмеялся от певучего голоса с акцентом, а Сими продолжала долбиться в дверь, едва не срывая ее с петель. Удивительно, как она еще не разнесла ее в щепки.

Чёрт, эта демоница была слишком сильной для такой худышки. Ей бы цены не было в аварийной бригаде.

Коди пошла к двери, чтобы открыть ее, стараясь не наступить на кровавое месиво из демонов, которое оповестило о прибытии Сими.

Она осторожно открыла дверь и выглянула, чтобы убедиться, что демоны ушли.

Или что их съели.

Но если честно, Сими обычно спрашивала разрешения, прежде чем пожевать кого-нибудь.

— Это же ты? — спросила Коди.

— Ну, надеюсь никто не притворяется Сими, иначе Сими придется взять соус барбекю и съесть их головы, потому что никто не будет спать в моей кровати и висеть с моим акри вместо меня, притворяясь мной. Сими не терпит самозванцев. А еще она не делится, если только ее не заставят, и то она будет жаловаться. Спросите моего акри, он подтвердит, что это правда. Не знаю, что ты слышала акра-Коди, но тебя дезинформировали, если ты считаешь иначе.

Да, это точно милый гот-демон, которого знал Ник. Шести футов, в леггинсах в полоску, кожаном фиолетовом корсете и короткой юбочке с плиссировкой. Ее черные волосы были заплетены в две косички на манер готов, через плечо перекинута сумочка-гробик, а на шее была повязка с кристальной фигуркой летучей мыши.

Склонив головку набок, Сими нахмурилась, надула губки и затем снова нахмурилась.

— И что тут произошло, что вы такие грустные и раздраженные? Вечеринка? Бомба? Вечеринка-бомба? Кто-то слишком развеселился и призвал демона хаоса, который и разнес здесь все?

Затем она увидела остатки на полу и посмотрела на Калеба.

— Не может быть! Ты поужинал и не пригласил Сими, как не стыдно, акри-Калев! Ты гадкий демон-мальчишка! Сими не подарит тебе подарок на Рождество за это! Никакой тебе прихватки! Плохой, плохой демон.

Калев рассмеялся.

— Клянусь, Сими, ужина не было. Мы пришли позже. То есть не после ужина. После драки и этого беспорядка. Ты пропустила только драку.

— Ладно, — она мило улыбнулась. — Я верну тебя в список хороших демонов, заслуживающих прихватку, — она махнула рукой в сторону Джейдена. — Привет, акра-диллер-демонов-хороший-человек! Давненько не виделись.

— Привет, Сими. Ты все еще проводишь время с этим лузером на доске для сёрфинга?

Та ахнула.

— Акри-Савитар самый наилучший. Он делает самый замечательный острый соус барбекю во всем Затонувшем городе. Тебе стоит как-нибудь попробовать.

— Я пас, не люблю, когда горят внутренности. Но спасибо за предложение.

Она вздохнула и погладила сумочку-гробик.

— Ты много потерял, акри-Джей-Джей. Сими уверяет, он повышает восприимчивость желудка и может убить того, кто тебе не нравится, — она оглядела магазин, прикусив губу. — Так где акра-Менни? Она обещала Сими новые блестяшки!

Сими заражала всех вокруг радостью и энтузиазмом по поводу простых вещей.

Только если она не запикивала тебя со всеми потрохами в кастрюльку.

— Мы не знаем, — Ник указал на беспорядок. — Так уже было, когда мы прибыли.

— Народ, — Ксев замолчал и направился к двери, — А кто-нибудь еще замечает, что демон, которого убила Сими, все еще истекает кровью на земле и не самоуничтожается, как остальные демоны?

— И что это значит? — спросил Ник.

— Что он переселился в эту реальность, и это его тело, — Калев побледнел.

— И Ксев прав. Нам такое не нравится, — Коди посерела еще сильнее Калеба, что впечатляло, учитывая, что ее кожа была на тон темнее.

— Почему?

На этот раз ответил Джейден:

— Это новое жуткое зло. Более сильное, более наглое. И когда убиваешь их, то рискуешь попасть в тюрьму, потому что остается тело, в убийстве которого тебя могут обвинить власти.

От этих слов желудок Ника сжался.

— Именно так твой отец попал в тюрьму за убийство. Как ты как-то заявил Баббе, никто не купится на старое доброе: «он был демоном, который обязан убивать, Ваша Честь», — Калев затащил тело в кладовую и с помощью своих способностей очистил дорожку. — Такие группы многие века подставляли нас и натравливали на нас людей.

— Да, — произнес Джейден и подошел, чтобы осмотреть тело. — Они вырезали целые деревни. Средние века были тем еще адом... или раем. Смотри с какой стороны посмотреть.

Калев сердито посмотрел на отца.

— Брось, как будто ты никогда не жарил зефир на костре из тел своих врагов. Ты забыл, что я видел тебя... Нет, погоди, ты жарил мозги.

— Вообще-то сердца, — пробормотал Калев. — А потом ел их.

Ник закашлялся и посмотрел на Коди огромными глазами. Зарубить на носу, никогда больше не бесить Калеба. Она улыбнулась, но никак это не прокомментировала.

— Кстати говоря о перекусе... можно Сими заберет тело? Акри не разрешает мне есть людей. Но вот уродливые демоны, которые никому не нравятся — всегда в меню, — она бросила на них жадный, полный надежды умоляющий взгляд.

— Да мне не жалко, — Калев посмотрел на остальных.

Ник съежился.

— Если мне не придется за этим наблюдать, то, наверное, переживу.

Сими запрыгала, радостно хлопая в ладоши, и издала звук, похожий на собачье повизгивание.

Ник отошел от нее, напуганный ее энтузиазмом.

— Прежде чем пойдешь туда, Сими, — Коди схватила ее за руку, — хочу попросить кое

о чем. Нужно найти Аэрона. Поможешь его отследить?

Та уже доставала соус барбекю из сумочки.

— Конечно. Но его друг справится с этим лучше, чем Сими. Его нос создан, чтобы вынюхивать.

— Друг? — Ник нахмурился. — У него нет друзей.

— Ну-ну. Какой ты злой, акри-Ник! С ним приходит поиграть очень милый волчок, когда акри-Калев в школе. Иногда мы даже ходим вместе перекусить.

— Ты об этом знал? — спросил Ник Калеба.

Калеб покачал головой.

— Понятия не имел.

Но взгляд Ксева говорил, что тот о чем-то знал.

— Ты же знаешь, о чем она, так?

Он несколько раз открывал рот, прежде чем заговорить.

— Я не думал, что он за ним вернется. Но и не следует удивляться, учитывая их отношения. Мне интересно, где его прячут, ведь с толпой он вообще не смешивается. Не могу представить, куда его можно поместить, чтобы он не привлекал никакого внимания ни в одной из своих форм.

— А, может, позвоним Мистеру Темному и Загадочному? — Ник достал свой телефон.

— Сомневаюсь, что он знает, что с этим делать. Уверен, он вынюхает и сожрет все, только дай ему шанс, — он посмотрел на Сими. — Не знаешь, где его держат?

Та закивала, как китайский болванчик.

— Ты знаешь, что дом акри-Калеба уходит под землю и там много кладовок?

Калеб скривился.

— Боже всевышний, он в моем винном погребе? Seriously?

Она продолжала кивать.

Калеб раздраженно застонал.

— Думаю, стоило раньше помириться с братом, чтобы тот переехал ко мне наблюдать за пукой, — он переводил взгляд с Сими на Ксева. — И что за мутант в моем погребе? Нужно дезинфицировать дом?

— Да он не воняет, если не мочить его. Но, возможно, понадобится спрей от блох и клещей, и он любит жевать вещи. Он дикий Кун Аннун. Подчеркиваю — ДИКИЙ. По сравнению с ним Завид — ручной померанский шпиц. Когда-то он был главным генералом Аэрона. Вместе они страшная парочка. И ни за что не давай им никакого алкоголя. Ни капли. Напоишь их, друг мой, и случится то же, что случилось с пиктами. И именно поэтому римляне не миновали Вал Адриана.

Калеб язвительно хохотнул.

— Божечки, скорее всего он развлекается в Новом Орлеане, преследуя потерянные и черные души, и расхристианивая людей.

Ксев согласно кивнул.

— Это точно.

— Так что он тут делает? — спросил Ник.

— Спроси Аэрона, — Ксев скрестил руки на груди и вздохнул. — Но Сими права. Казиэль выследит его и вернет, и если Аэрон не захочет уйти по своей воле, то я не хотел бы оказаться на его месте, когда Казиэль вонзит в него свои клыки. Он боевой, безгранично преданный кун. Его тренировала Скатач — Дама Тени, у себя в крепости. И по своему опыту

скажу, он веселый парнишка.

— Жду — не дождусь встречи! — сказал Ник с преувеличенным энтузиазмом. — Ладно, народ, пошли за Скуби!

Когда за ними направился Джейден, Ксев и Калев посмотрели на него, удивленно приподняв брови.

Он ответил им таким же упрямым выражением лица.

— И куда это ты направляешься? — спросили они в унисон.

Джейден невинно заморгал.

— С вами.

— Зачем?

— Я имею право знать, чем это обернется.

— С чего это?

Несмотря на то, что этот вопрос задал Калев, Джейден послал убийственный взгляд Ксеву.

— С тех пор, как я продал себя в рабство взамен на спасение жизни твоего сына. А это идет вразрез с твоим мнением, что я предал тебя. Я пытался спасти вас обоих.

Ксев отшатнулся с пораженным выражением лица. Нику показалось, что сказанное стало сенсационным разоблачением.

— Ты знал о Джареде? — прошептал Ксев.

— Конечно, знал. Думаешь, я тупой? Я знал это с того момента, как взял его на руки.

— И ты ничего не сказал? Почему?

— По той же причине, что и ты. Это уничтожило бы и Джареда и Майон, — в глазах Джейдена плескалась боль, но за ней была видна бесконечная любовь. Очевидно, его волновали сыновья и их благополучие, что он не был бессердечным огром, которым они его считали. — Несмотря на ваше с Калевом мнение, я всегда любил вас обоих. Вы мои сыновья. Просто я не доверяю вашей крови, вы знаете, как сильна она. Как трудно ей сопротивляться. Кто, по-вашему, такой Верлин? Сила, которую я не могу контролировать. Плюс еще и кровь ваших матерей. Внутри вас обоих — чудовища.

Ксев покачал головой.

— Я все еще не понимаю...

— Чего? Что я любил его, как своего? Что защищал и вырастил у себя дома?

— Да, начнем с этого, учитывая, как сильно ты меня ненавидел.

Джейден поморщился.

— Недоверие еще не значит ненависть. Ты этого никогда не понимал. И я никогда не хотел воевать с тобой, но каждый раз, когда я пытался достучаться до тебя, ты смотрел так, будто легко переступишь через меня. Как будто без колебаний перерезал бы мне горло. И если я давал тебе шанс, то ты меня предавал. Так что в ответ на свои чувства я вел себя холодно. Такой уж я. Никогда не знал, что делать с вами из-за вашего поведения. Ирония, да? Я всегда больше всего боялся, что твоя мать использует тебя, чтобы контролировать меня. Однако же именно твой сын прижал меня к ногтю. Поступи я с тобой правильно, прими, как отец, в котором ты нуждался, когда ты родился, мне бы не пришлось сейчас служить ей. Джаред не был бы пленен, и мы бы не проиграли войну. Я все испортил из-за слепоты и страха.

Ник отшатнулся от эха этих слов в своей голове, которые странно напоминали то, что говорили ему Амброуз и Ашерон.

— Так и проявляются наши худшие страхи.

Они повернулись и уставились на него.

— Извините, не хотел портить момент. Я просто размышлял над тем, как Ашерон сказал, что самое худшее в его жизни произошло потому, что кто-то пытался обмануть судьбу. Позволь им ей идти своим чередом, у него и у мира все было бы гораздо лучше, — он потер лицо руками, будто боролся с этим и посмотрел на Коди. — Это ключ? Мы должны перестать пытаться все исправить? Позволить идти, как и положено?

Но Ник знал, что все не так просто еще до того, как задал этот вопрос. Особенно когда ценой была жизнь его матери. Возможно, это эгоистично.

Мир или его мать. Любой бы выбрал мир. Для них выбор очевиден. Одна жизнь ради миллиардов...

Но его мама была его миром. И он был готов пожертвовать миллиардом незнакомцев, чтобы спасти ее. Потому что жить, зная, что он мог предотвратить ее убийство и не попытаться...

Он понимал причину безумия Амброуза... Да простит его Господь.

Коди обняла его за талию и положила голову ему на плечо.

— Знаю, Ник. Правда. Помни, что я выбрала тебя.

— Женщина, ты не умеешь выбирать.

Засмеявшись, она поцеловала его в щеку.

— Давай найдем Аэрона и соберем пазл, получив побольше деталей.

Ему понравился ее план.

— Ладно. Как мы знаем, промедление — мое второе имя.

— А Сими думала — Амбросиус.

Он рассмеялся над ее озадаченным тоном.

— Амбросиус Промедление.

Она прикусила губку.

— Это почти так же сложно произнести, как и Партинопайус. Как ты все это впихнул в водительские права?

— Осторожно, и потребовалось много практики.

Подмигнув Сими, Ник телепортировался в огромный особняк Калеба. Он очутился в гостиной, и к нему быстренько присоединились остальные члены команды.

Он не двигался, ожидая их появления. Если честно, было пугающе тихо. Ник никогда не был здесь без громкой неприятной музыки или атак демонов.

— Итак, — он приподнял бровь, глядя на Сими, когда они все появились в доме. — И где мы найдем загадочную адскую гончую?

— Следуйте за мной, — Калев повел их на кухню, где находилась дверь в погреб. Он бросил на Сими и Ника раздраженный взгляд. — Надеюсь, мой гость не был столь неосмотрителен, чтобы пригласить своих гостей. У меня такое чувство, что меня обвели вокруг пальца.

Включив свет и открыв дверь, Калев начал спускаться по узкой закрученной спиралью лестнице.

Они последовали за ним в «погреб», который технически был первым этажом здания с маленькими окошками, на которых хранили скоропортящиеся продукты до изобретения холодильника.

Вначале, казалось, что там никого нет. Но когда они приблизились к южному углу,

исчезли сомнения, что там пряталось нечто могущественное. Воздух так и искрился паранормальной энергией. Но большинство существ этого бы не заметили.

Малачай же к ним не относился. То, что было здесь, сильно обостряло его чувства. От таких, как Ник, никому не скрыться.

Или таких, как Джейден. Он напрягся, и протянул руку, чтобы остановить сыновей.

— Не двигайтесь.

Ник услышал тихое рычание справа от себя. Оно было низким и сильным, такое могли слышать только демоны. Но все же этого было достаточно, чтобы понять, что чудовище нацелилось на его горло. Звук прозвучал, как гром в воздухе, в нем было столько силы, что не оставалось сомнения, что рычание опасно уже само по себе.

— Так что у нас тут?

— Смотри и учись, акри-Ник! Сими тебе покажет, — Она обогнула его и встала на колени. — Сюда, сюда, акри-Казиэль. Сими обещает, что тебя никто не тронет, а ты знаешь, что мне можно доверять.

Пощелкав языком, она протянула руку.

Рычание стало тише. Раздался легкий шелест, и из тени вышел самый большой волк, которого когда-либо видел Ник.

— Матерь Божья! — Ник непроизвольно перекрестился. Будь у него святая вода, он бы выплеснул ее на него. Хотя вряд ли это помогло бы.

Но не помешало бы.

Ник едва сдержался, чтобы не перекрестить и чудовище. Да, оно было жутким. Дайте ему демона, адскую обезьяну....

Нечто не столь страшное. Даже стоя на четырех конечностях, оно, кажется, было высотой примерно метр сорок. Гончая была снежно-белым, жилистым чудовищем. Только этого было достаточно, чтобы испугаться. Его кроваво-красные уши соответствовали демоническим, горящим красным глазам и клыкам, которые виднелись, даже когда он закрывал пасть, и да, такому не затеряться на улице, как бы он ни старался. Особенно учитывая небольшие язычки пламени, которые вырывались при его дыхании. Все в купе обеспечит тебя кошмарами и отправит в психушку, особенно, если ты настолько туп, чтобы рассказать кому-то, что увидел.

— Так говорите для чего его использовали? — спросил Ник голосом, который вышел более писклявым и высоким, чем он рассчитывал. Было похоже на то, будто он еще не достиг половой зрелости.

Да, у него только что пропал весь необходимый запас тестостерона.

Ксев обошел отца.

— Посланники богов. Они защищали врата Аннуна. Их отправляли охотиться за темными и детьми Ллайр, некрещеными душами. А еще их боги использовали их в бою. Говорили, что тот, кто услышит их лай — умрет. Так что они были своего рода банши.

Ник прокашлялся и намеренно заговорил на октаву ниже.

— И что такое врата Аннуна?

— Кельтский подземный мир, — ответил Ксев, медленно подходя к Казиэлю. — Помнишь меня, старый друг?

То, как тот сверкнул на Ксева жуткими светящимися глазами, заставило Ника предположить, что тот откусит от него кусок. Но он спокойно стоял, пока Ксев приближался к нему с протянутой рукой, чтобы тот мог ее обнюхать. И только тогда гончая стала

человеком. На нем были джинсы и черная кожаная куртка. Он медленно распрямился, став еще более впечатляющим, гигантским, мускулистым чудовищем.

Ник снова перекрестился. В этот раз он смог сдержать восклицание, но все равно обменялся с Коди пораженными взглядами.

Казиэль был на добрых пять сантиметров выше Ника. Его длинные светлые волосы спадали на плечи, лицо обрамляли тонкие косички с вплетенными в них бусинами и перышками. Это и светящиеся неземным зеленым светом тату на лице в виде клыков, которые поднимались от его подбородка по щекам и заканчивались у глаз, тоже не дали бы ему смешаться с толпой.

Еще на его лбу было тату, определенно символ какого-то бога.

Часть его мускулистого торса под кожаной курткой покрывали кельтские, похожие на птичьи следы татуировки, напоминающие те, что были у Темного Охотника Талона. Плюс ко всему у него была опасная аура, которая говорила: «да, я древний воин, и легко надеру тебе зад».

Ник нахмурился.

— Это символы Морриган?

Казиэль зарычал и пошел на него, но Ксев удержал его.

— Все нормально, Каз, — он бросил хмурый взгляд на Ника. — Откуда ты знаешь? Ты понятия не имеешь о подобных вещах.

— Талон Морриганский. У него есть подобные отметки, на том же месте. А еще он древний Кельт, и хотя у него короткие волосы, но имеются подобные косички.

Похоже, это успокоило Казиэля.

Ксев отпустил его.

— Казиэль имеет отношение к Брану Благословенному. И отметки солнца приравнивают его к детям Доны.

Коди прикусила губу.

— Я думала, она богиня луны, вроде Артемиды.

— Но принадлежит свету.

— Так он такой же, как и мы, — произнес Калерб, — создание света и тьмы?

Ксев кивнул.

— Рожден от обеих сторон. Привлекательный для обеих. Не доверяющий ни одной, и проклятый обоими.

— Это все объясняет

Джейден нахмурился.

— Что объясняет?

Калерб холодно посмотрел на отца.

— Почему он прячется в погребке, и как они поладили, — затем он повернулся к Казиэлю. — Рад знакомству, брат. Добро пожаловать в семью... Пора нам сделать футболки.

Не говоря ни слова, Казиэль отошел от Ксева и приблизился к Коди. Она смущенно посмотрела на Ника, которому не понравился свет в жутких зеленых глазах, когда Казиэль обошел ее кругом.

Не нужны были способности, чтобы понять, что творится в голове озабоченного пса.

Прежде чем они успели понять, что делает Казиэль, тот подошел к Коди и прижал нос к ее волосам.

— Так, — рывкнул Ник, — чувак, хватит. Это моя девушка. Нельзя нюхать чужих

девушек. Не знаю, из какого ты места и времени, но тут это считают невежливым.

Ник сократил расстояние между ними, и Казиэль зарычал на него.

Ник не отступил.

— Посмотрим, что ты скажешь, когда я надеру тебе зад.

— Не нужно насилия, — Коди схватил Ника за мешковатую рубашку и попыталась хоть немного оттащить его, только чтобы понять, что он этого делать не намерен. — Уверена, он не знал, что переступает границы.

— Он умеет говорить? — спросил Ник Ксева.

— Уметь, не значит делать.

— И что это значит?

— Да, он умеет говорить. Просто редко это делает.

— И я уважаю это. Но мне хочется, чтобы Лесси так же уважал тот факт, что Коди — моя девушка, и я пытаюсь не быть ревнивым парнем только потому, что не хочу ее обидеть. На самом же деле, я ревнивый парень, и любые попытки облапать вышеупомянутую девушку вызывают неконтролируемую ярость, которую я могу и не остановить. О чем я уже сказал, заявив, что надеру зад.

Коди покачала головой и вздохнула.

— Ты кошмарный пещерный человек.

— Милая, тебе везет, что я не опираюсь на костяшки, когда хожу, — он подмигнул ей.

Джейден нахмурился.

— Он не похож на других Малачаев.

Калев похлопал отца по спине.

— В этом мы виним твои ненормальные гены, — он сморщил нос. — Не терпится увидеть новое поколение чокнутых.

Ксев фыркнул.

— Вот уж точно.

В глазах Коди мелькнула горечь.

— Я не могу быть матерью. Я слишком молода.

Ник прикусил губу.

— У меня, как у Малачая, есть способность заглянуть в будущее и увидеть, кто станет матерью следующего Малачая, так?

Джейден кивнул.

— Я бы не советовал, — Калев встретился с ним взглядом.

Ксев согласился.

— Я присоединюсь к брату и Аэруну. То, что ты можешь, не значит, что ты должен.

Да, возможно, но сейчас...

— Казиэль, у нас проблема. Пропал Аэрон и мы не можем его найти.

Его зеленые глаза стали такими же красными, как были у волка.

Нет, вообще не жутко. Ни капельки.

Его дыхание участилось.

— Как на него напали?

Это был самый сильный, самый неразборчивый уэльский акцент. Считайте, у Аэрона его не было.

По его телу заплясали оранжево-красные язычки пламени. Татуировки покраснели.

— Ксев? Это нормально?

— Да.

Когда Казизель собрался развернуться, Ксев схватил его за руку и остановил.

— Где он?

— В Нижнем Мире, служит приманкой Малачая.

Джейден устало вздохнул.

— Я верну их с Завидом.

Калев и Ксев побледнели.

— Мы не можем тебе этого позволить.

— Будто вам не все равно. Кроме того, если вы отправитесь туда, Нойр и Азура об этом узнают, а меня никто не заметит.

— Зачем тебе это? — Калев внимательно рассматривал Джейдена.

— Я ваш отец.

— Проснулись отцовские чувства?

Джейден пожал плечами.

— Я всегда был придурком. Пошел в сыновей.

— Стой! — к ним медленно подошел Ксев. — Ты не сказал, какую цену тебе придется заплатить за помощь.

Слезы наполнили глаза Джейдена.

— Я увидел своих мальчиков, — он посмотрел на Ника. — Узнал, что у меня есть праправнук, и вы дали мне то, чего я не имел многие века.

— Что? — выдохнул Ксев.

— Надежду. А другого мне и не надо.

— Знаешь, что с тобой сделают, когда ты вернешься?

Он безразлично пожал плечами.

— Меня никогда не беспокоило, что они со мной сделают. Но меня всегда злило, что все вы трое, один за одним выбросили свободу, которую я купил вам своими кровью и душой, отдав себя врагам, потому что вы слишком упрямы, чтобы слушать!

Его челюсть дрогнула, и он неуверенно протянул руку Ксеву.

— Простите, что не могу даже начать исправлять урон, причиненный вам. Но ошибки я совершал не из злобы и жестокости, и если бы я мог вернуть Майон и Лиллиану, я бы так и поступил.

Боль в карих глазах Ксева затронула даже Ника. Тот взял отца за руку и притянул к себе, чтобы обнять.

— Спасибо, что заглянул.

Джейден ничего не сказал, но Нику хотелось бы, чтобы тот заметил муку на его лице, пока он обнимал его, зажав волосы в кулаке. Схваченные им волосы потемнели. Перед тем, как отпустить его, он поцеловал его в бровь, и обе они тоже стали черными.

Ник встретился с шокированным взглядом Калеба, но оба они не произнесли ни слова, когда Джейден повернулся к нему.

— Не попадай под огонь.

— Ты тоже.

Джейден протянул руку Калебу.

Из его глаз покатались слезы, он взял его за руку, и они обнялись.

Затем Джейден исчез с яркой вспышкой света.

Калев всхлипнул.

— Ты жалкий ублюдок! — прорычал он, вытирая глаза.

Ксев кашлянул.

— Казиэль? Не мог бы ты пойти с ним и помочь освободить Аэрона?

Казиэль положил руку на плечо Ксева и исчез.

— Уверены, что не хотите, чтобы я...

— Нет! — закричали они в унисон.

— Хорошо, — произнес Ник, поднимая руки, защищаясь. Так он хотя бы развеял их грусть.

Калев достал маленькое зеркало и показал его Ксеву.

— Подумал, ты захочешь знать.

Он ухнул, увидев себя впервые за тысячи лет.

— Почему он снял свою часть проклятия?

— Понятия не имею. Остальные убьют его, когда обнаружат.

К нему подошла улыбающаяся Коди.

— Ты так странно выглядишь. Скучаю по старому тебе.

Он рассмеялся.

— Ты единственная, кто так считает.

— И Чирайз тоже.

Он опустил зеркало.

— Два моих Арелима, — положив руку на ее щеку, он поцеловал ее в лоб. — Храни ее, Ник. Слишком мало в этом мире тех, кто судит сердцем.

— Поверь мне, я знаю, — Ник замолчал, когда его посетило дурное предчувствие.

— Ты в порядке?

Не совсем... он чувствовал себя странно.

— Меня посетило какое-то странное ощущение.

— Какое странное ощущение?

Прежде чем Ник заговорил, внутри него вспыхнула боль, и он упал на колени.

Джейден притормозил, оказавших у «особых» комнат Нойра, в которых тот держал самых ненавистных гостей. Он был более, чем уверен, что его имя выгравировано на двери комнаты в самом дальнем конце коридора. Как и имя Сетха.

Его охватило чувство вины, когда он притормозил у этой двери, стараясь не думать о каждодневном ужасе обитателя этой комнаты и о том, что он никак не мог спасти полубога от бесконечных мучений. Все это из-за Адариана Малачая и из-за него.

Ему нужно было многое искупить. Неправильные поступки по отношению к другим, которые он совершал, как думал, из правильных побуждений. Но стараясь в отдалении от всего...

Джейден сожалел о стольком в своей жизни. Но ничто не давило на него так, как пропасть между ним и его детьми и их искореженные судьбы, в которых виноваты его провальные попытки защитить их.

Но нельзя сказать, что он не пытался. И от этого было еще хуже. Как и его сестра Аполлими, он сделал все, чтобы защитить их от жестокости других. Пожертвовал всем, что любил, и всем, что ценил, и что ему это принесло?

Его ненавидят, он проклят, его пленили и мучают бесконечное число веков.

Когда-то он был основной силой на земле, яростным, пугающим первородным богом. А теперь он стал объектом шуток, которыми перекидывались низшие демоны или кто еще похуже. Его призывали мелкие сошки, чтобы пообщаться с его братом и сестрой, которых он ненавидел больше всего на свете. Братом и сестрой, которых он пытался уничтожить с того момента, как их извергнула из своих глубин сама тьма.

Жизнь, которую не планировал. Жизнь, о которой не думал.

И он устал расплачиваться за все, но дело было не в его унылом, бесконечном путешествии. Он итак уже подвел своих детей. В кои-то веки он должен их поддержать.

Пройдя немного вперед, он почувствовал присутствие чего-то могущественного. Джейден повернулся, готовый сражаться, но к его удивлению, это была не одна из мерзких, испорченных душ, называвших адскую реальность домом.

Это был Казиэль.

— Что ты тут делаешь?

— Вроде как подкрепление.

— Они мне не доверяют?

Казиэль фыркнул.

— Они волновались, — и с этими словами он превратился в зловещего волка.

Джейден, более тронутый, чем хотел признать, мгновение стоял, осознавая чудо — посланного ими волка. И в голову приходили только ссоры с детьми. Неприятные, горькие слова, которые вонзались в сердце и выжигали душу. Он был виноват в этом так же, как и они.

Тот, кто сказал, что слова не ранят, должен гореть в гиенне огненной. Оказалось, что они болезненнее, чем сломанные кости, которые рано или поздно срастаются.

Злые, наполненные ненавистью слова любимых оставляют кровоточащие раны, которые не излечат ни время, ни извинения. Любой хмурый взгляд может сорвать корку, и кровотечение начнется снова, не важно сколько времени прошло с момента получения раны.

Но самая удивительная вещь в любви — готовность, с которой вы позволяете вернуться в вашу жизнь тем, кто ранил глубже и сильнее всего. Это слепое, глупое доверие он ненавидел больше всего.

Ради сыновей он был готов быть самым величайшим идиотом на земле. Даже когда они ненавидели его.

«Я жалкий слизняк».

Вздохнув, он отправился к клетке, в которой держали новых пленников Нойра. Казиэль неожиданно изменил направление.

— Что ты творишь? — процедил Джейден сквозь сжатые зубы.

Когда тот поднял нос, чтобы понюхать воздух, из ноздрей вырвались язычки пламени.

Джейден ошеломленно наблюдал, как волк повернулся, чтобы обнюхать несколько коридоров.

— Казиэль?

«Аэрон здесь не один».

Шепот в его голове заставил его замереть.

— Ты о чем? Ты о Завиде или Меньяре?

Тот покачал головой.

Слишком поздно Джейден понял, кто там был...

Горач-и-Рибин^[8], ведьма-малиновка, более известная, как сигнализация Нойра. Его первая ябеда, которая докладывала старому ублюдку обо всем.

Блин!

Высокая и худая, она была прозрачным духом, чем-то вроде ирландской банши. У нее были длинные спутанные рыжие волосы, темные глаза и губы, носила она черные лохмотья. В центре ее лба у нее было черное тату, как у Казиэля, но оно скорее было темной вытянутой звездой, чем символами солнца у его бровей.

И только она открыла рот, чтобы издать крик банши, Казиэль бросился к ней, превратившись из волка в человека. Он обхватил ее руками и накрыл рот ладонью, чтобы она не издала свой знаменитый ужасающий звук.

— Шшш, — прошептал он спокойно ей на ухо и крепко прижал ее к груди. — Издашь свой крик, милашка, я издам свой, и у нас обоих пойдет кровь из ушей. И я знаю, что ты этого не хочешь, правда?

— Казиэль? — прошептала она своим глубоким сиплым голосом.

— Да.

— Какого черта ты тут делаешь?

— Пришел вызволить Аэрона. Ты же не встанешь у меня на пути, малыш? Мне не хочется причинять тебе боль после всего, что мы вместе пережили. Но я не позволю сантиментам не дать мне защитить моего лорда. Встанешь на пути, и будет больно. Конец дружбе.

— Аэрон здесь? Ты чокнулся или пьян?

— Ни то, ни другое.

Джейден едва успевал следить за странным диалогом. Плюс ко всему, у них был сильный уэльский акцент, и они говорили на английском, которым, как он считал, владел в совершенстве, но...

— Вы знакомы?

И тут Рибин переключила на него внимание, и это было очень плохо, потому что она

установилась на него, как бешеный пес на кусок свежего мяса.

Казиэль схватил ее и развернул.

— Не надо этого. Он вроде как друг.

— Ты точно свихнулся! Твой мозг затуманен, как мой после пира у Корделии! А теперь отпусти меня, грубиян, или я доберусь до тебя, и у меня будут новые белые пушистый сапоги.

— Не, ну зачем они тебе сейчас. Не суетись. Seriously!

Рибин обнажила острые серые клыки.

— Seriously? — рассмеялся Казиэль. — Желаете испугать меня этими жалкими штучками? Нашла, чем напугать.

— Ну ты и засранец!

— Ну, в этом ты права.

Рибин указала на Джейдена.

— Именно он тебя и сдаст. Помяни мое слово. Он низкий, лживый, от него проще избавиться раз и навсегда, и никогда с ним не связываться.

— Меня послали защищать его, и ты знаешь, что я так и поступлю.

— Блин! Ты всегда был слабаком. Им и останешься. Не изменяешь себе.

— Чаще всего — нет. Так поможешь, или продолжим болтать?

Она заговорила на быстром яростном демоническом уэльском, подвергая сомнению родословную Джейдена, да и Казиэля тоже, а еще его вменяемость.

Наконец, Рибин успокоилась.

— Конечно, помогу. Ты меня монстром считаешь? Но поклянись, что вытащишь отсюда и меня.

Казиэль нахмурился.

— Как ты вообще тут оказался?

— Меня пленили и продали.

Казиэль посмотрел на Джейдена, склонив голову на бок.

— Можно мне забрать его отсюда? Мне позволят?

— Почему ты называешь его ей?

Он посмотрел на Джейдена, как на дурака.

— Ты что, слепой? Рибин — мужчина.

Джейден скептически осмотрел плавные изгибы ее тела. Пусть он и не видел ее обнаженной...

— Уверен?

Рибин закатил глаза. Казиэль хохотнул.

— Точно. Его прокляли и наделили этим телом за то, что он разбил сердце женщины, и она убила себя. Теперь он проклят вечно ходить в ее теле и оплакивать души тех, кто скоро умрет, чтобы предупредить остальных, что скоро они потеряют любимых.

— Жестоко.

Рибин сжал зубы.

— Ты себе не представляешь. И это даже не моя вина. Она гонялась за мной, пока чуть с ума не свела. Девчонка была больна, — он вздохнул, указав на себя. — И это стало ее последней мстостью. Она постаралась, чтобы у меня никогда не было женщины. Никогда. Уж лучше бы в козу превратила.

Он повернулся к Казиэлю.

— Будешь умничать, и тебя отмутузит женщина, понял?

Тот поднял руки, защищаясь, но в глазах плескалось веселье.

— Я так понимаю, Рибин — это от Роберт?

— Ривон Ду, — сказали они в унисон.

Джейдена так и подмывало сказать: «будьте здоровы». Но он не сделал этого и повел их к комнате, в которой держали Аэрона.

— Знаешь, Казиэль, а у тебя язык подвязан для того, кто не может говорить.

Казиэль снова превратился в волка.

— Он молчит только рядом с теми, кому не доверяет.

— Заметно, — Джейден отметил, как Рибин вцепился в белую шерсть Казиэля, будто боялся, что Кун Аннун бросит его.

Джейден и остальные остановились у двери и услышали голос Нойра, раздававшийся в темнице.

— Почему я становлюсь слабее? Мы знаем, кто Малачай. Я отправил к нему свою пиявку. Почему я слабею?

— Похоже, Кэм как-то защитила его. Она стала мягче относится к их роду с тех пор, как мы потребовали жизнь Киссара за его святотатство.

Нойр фыркнул.

— Гораздо раньше. Она мечтала о нашей смерти с самого рождения. Не будь Брайт, мы бы не пережили трех других богов, и ты это прекрасно знаешь. Они стерли бы нас с лица земли века назад.

Кто-то споткнулся и упал.

— Кадар!

Джейден замер, когда Азура назвала старое имя Нойра. Зря она это сделала. И зря Нойр спустил ей это. Никому нельзя было называть его Кадаром. Назови темного его именем и получишь над ним власть. Это позволит связать его.

И что важнее, позволит изгнать его. Вот поэтому Нойр и Азура были заточены в Асмодее — Нижнем мире, который находился между измерениями. С помощью крови Ксева они выпали из мира и реальности. Когда-то на этой равнине находились обычные порталы, но это было давно, еще до войны и наказания.

— Призови мне Торна, — простонал Нойр.

— Ты знаешь, что он не станет подпитывать тебя.

— Станет, или начнется война. Более того, я начну ее против его ребенка, а этого он не потерпит. Скажи, что у него час, прежде чем я открою врата в Кадеган.

Джейден прокручивал в голове откровения Нойра. Тот, как и Ник, ослаб. Был иссушен. Возможно ли, что одним и тем же способом?

Малачай должен давать Нойру силы, а не ослаблять его. У него всегда случался прилив сил, когда новый Малачай получал свои способности. Это чистая мощь добавлялась к его.

Ничего не могло осушить их обоих одновременно. Этому не было объяснения. Нет такого создания или устройства, способного на это.

Как только эта мысль появилась у него в голове, по коридору пронесся призрачный ветер такой силы, что прижал его к стене вместе с Казиэлем и Рибинем. Это Азура бросилась исполнять поручения. И это позволило ему самому увидеть состояние Нойра. Бледный и трясущийся бог лежал на спине. Джейден никогда его таким не видел, даже в бою.

Азура не зря испугалась. Это было ненормально. Мало кто мог сделать такое с богом их уровня. Малачай входил в их число, но его здесь не было. Да и Ник не знал, как повернуть подобное, не показавшись здесь.

Еще мог Джаред, но его тут тоже не было. У обоих было особое оружие, которое могло бы сломить первых богов, но часть его была уничтожена, а другая часть спрятана в мире людей так хорошо, что его не видели уже многие века. Если оно все еще существовало.

Джейден знал о нем, потому что искал способы получить свободу. За несколько вещей он бы отдал все, что угодно. Нарушил бы любые правила.

Но пока не выходило ничего.

— На что уставился?

Дверь захлопнулась перед его носом, и Джейден с товарищами наконец-то освободился от того, что сдерживало их.

К счастью, Азура была слишком взволнована, и не посчитала их серьезной угрозой. Это и спасло их жизни.

Джейден поправил одежду и встретился взглядом с Казиэлем.

— Плохо. Если Грим и Лагерр нашли способ убить Нойра...

«Они могли повредить ткань вселенной», — эту мысль Казиэль послал Джейдену.

Тот кивнул. Такая сила пугала в любых руках, но больше всего ужасал тот факт, что эти два создания были настолько глупы, что сделали это, не подумав о последствиях.

В этом все Война и Смерть — неразборчивые убийцы, плюющие на прошлое, настоящее и будущее. Их не волновал никто и ничто. Они не уважали никого. Их было не понять.

И пусть Смерть неизбежна для всех, но вот Война — нет. Ее можно прервать. И обоих можно избежать или отложить. Это и надо было сделать, избежать и отложить их, и как можно скорее справиться с Лагерр. Лучше пока она не добралась до Ника или его сына, кем бы он ни был.

Собравшись, Джейден устремился на поиски Аэрона. Предчувствия не обманули его, и они нашли Аэрона в клетке. Как и ожидалось, он был не один. Казиэль пошел к нему, но Джейден его остановил.

— Зайдешь туда и его убьют.

— Он прав, милый, — Рибин схватила Казиэля. — Как их отвлечь? Может, я попробую? Джейден покачал головой.

— Они нападут на тебя и убьют. Для этого нам нужны большие пушки, но я ничего не контролирую, так что как только я сделаю это, хватайте его, убирайтесь отсюда и не волнуйтесь за меня. Ясно?

«А как же Завид?»

Рибин нахмурилась от вопроса Казиэля.

— Адская гончая?

«Знаешь его?»

— О, да. Они с ним повеселились, — горько сказала Рибин. — Грим — чокнутое чудовище, а Ливия еще хуже.

— Он должен вернуться с Аэроном и Казиэлем.

— Легче сказать, чем сделать. Он мертв, а вы знаете правила о том, что нельзя забирать мертвых из Асмодеи.

Джейден горько рассмеялся.

— Милая, я всем нужен из-за того, что могу возвращать мертвых, — опустив голову, он

призвал Верлина внутри него. Он обратился к изначальным силам Источника, которые когда-то управляли им.

К той силе, которую он ненавидел больше всего. Сила, которая позволяла ему причинять вред своим детям. Когда она управляла им, ничего не было важно. У него не было ни сердца, ни души, ни сострадания.

Его, как и Смерть, нельзя было ни понять, ни избежать. Он был холодным и рассудительным существом. Имело значение только высшее благо. В таком виде он пожертвует всем ради мира. Даже собственными детьми.

Немного успокаивало, что сыновья ненавидели не Джейдена. Это Верлин раздражал их и наполнял сердца презрением, потому что когда все это произошло, он был им. Все жалкие поступки, совершенные им, были под влиянием Верлина.

Когда он снес дверь с петель, демоны разбежались, как крысы с тонущего корабля. Однако покрытый синяками и порезами Аэрон, который едва мог держать голову, даже не моргнул при его появлении. Древний бог посмотрел на него, как равный.

— Тебе ни напугать, ни впечатлить меня. Забирай свой балаган и уходи. Тут я тебе не помощник.

Джейден цыкнул.

— Не могу, раз уж пришел за тобой.

* * *

Аэрон замер, когда древнее первородное создание приблизилось к нему. Как древний бог, он многое о них слышал, но никогда сам не встречал. И он не был разочарован.

Высокий и мускулистый Верлин был рожден первым. Он был самым старым, могущественным и опасным.

На нем был длинный плащ с высоким воротником, покрытым серебром... в пятнах крови. Древний бог выбрил голову, чтобы показать темно-коричневую кожу. С центра его черепа вниз спускались тату, которые резко обрывались между его глаз. Вместо правого глаза зиял черный провал, и от него вниз по щеке к подбородку шел другой ряд символов.

Единственным ярким пятном была зеленая рубаха под черным плащом. Ярко-зеленый оттенок совпадал с цветом его единственного глаза, который создавал жуткий контраст с темным пятном вместо второго.

Бог легко сорвал кандалы и освободил его.

Аэрон начал сопротивляться, пока не заметил Казизэля рядом с ним.

— Каз?

«Ага, мы пришли забрать тебя домой».

— Мы?

Из тени вышел Рибин. Аэрона еще больше ошеломило его присутствие.

— Не понимаю.

Верлин мягко положил руку ему на плечо.

— Мои сыновья купили твою свободу. Помни, чем им обязан и относись к ним соответственно.

— Твои сыновья?

— Даразурсис и Малфас.

Аэрон закашлялся от упоминания двух имен, которые вообще никак не ожидал

услышать из уст могущественного первого бога. Если честно, часть его ожидала, что вторым сыном окажется Ник. Это было бы разумнее. Но они?

Почему Кaleb и Ксев не упомянули факт, что их отцом был Верлин? Хотя чем уж тут хвастаться.

Верлин быстро вывел его из клетки. Он остановился в темном коридоре и оглянулся, чтобы посмотреть на Рибин.

— Где этот Завид?

— На арене.

Верлин выругался.

— Ну естественно, — он стиснул зубы, а потом снова заговорил. — Нужно быстро шевелиться, пока Нойр недееспособен, а Азура убежала по делам. Хотя бы это нам на руку, но как только все закончится, вам придется бежать с Завидом или без. Ясно?

Они кивнули.

С этими словами он повел их к арене. Туда Нойр отправлял души, на которые ему было плевать, другим на забаву. Там практиковались все виды насилия, чаще всего кровавый спорт гладиаторов.

Аэрон понятия не имел, какая из этих несчастных душ была адской гонимой, которую они разыскивали, пока не услышал голоса, доносящиеся с битвы, в которой участвовали темноволосый мужчина в рваных джинсах и демон. Мужчина яростно сражался, как истинный фоморианин.

Он поднял демона, перекинул того через плечо и грохнул о землю так, что Аэрон сморщился при мысли о боли, что он испытывал.

Хотя они еще не встречались, но он инстинктивно понял, что это его спас Ник. Посмотрев на соратников, он мотнул головой в сторону свирепого воина и спросил у них подтверждение:

— Завид?

Они кивнули.

Божечки, с ним будет весело пререкаться.

— Так как мы это сделаем?

— Нужно подождать пока... — Верлин замолчал, когда Завид вырвал сердце из груди демона.

— Уже не важно.

Аэрон удивленно посмотрел на друзей.

— Мне он уже нравится.

Вон раздраженно фыркнул.

«Не удивительно».

— Да ну тебя. Ты тоже таким был, — Аэрон откинул голову назад. — Что ты тут вообще делаешь?

«Долгая история. Леня рассказывать, поговорим за бочонком эля».

— Договор. Запомню и обещаю полный бочонок. Даже два, по одному в руку.

Верлин скривился от их перепалки.

— Когда вы уже начнете говорить по-английски?

Вон фыркнул.

«Забавный он. Ну у него и акцент. Почти половину времени не могу понять ни слова».

Аэрон хохотнул.

— Погоди, ты еще встретишь друзей Малачая — Баббу и Марка. От их акцента у тебя кровь пойдет из ушей и разболится голова.

Неожиданно к ним повернулся один из демонов. Слишком поздно Аэрон вспомнил, что не должен был слоняться здесь. К несчастью, демон об этом не забыл.

Прежде чем они шевельнулись, демон крикнул друзьям, чтобы те атаковали.

Ник, опасаясь ловушки, медленно вошел в двухквартирный дом Меньяры. К слову, она там и была, но слава Богу, ее установила она сама от вторжения существ с недружелюбными намерениями, с которыми они обычно сражались.

Стены засветились, реагируя на его присутствие, активируя защитные заклинания. Но здесь его знали и были уверены, что он не причинит вреда, так что они быстро погасли и слились с краской на стене.

Включив свет, он позволил друзьям войти.

— Здесь никого нет.

Коди закусил губу.

— Почему они напали на магазин? Кажется, там она даже сильнее, чем здесь.

Ник взял старое фото с ним и Меньярой на празднике в честь его трехлетия, он сидел у нее на коленях, а она его обнимала. Сколько он себя помнил, она держала его на полке. У него была точно такая же в спальне.

— Может, потому что могли войти туда. Это личное пространство, злу сюда не войти без приглашения. Магазин — нейтральная территория, в нем защитные знаки не так сильны. Они могли войти до того, как она разберется в том, кто они на самом деле.

— Наверное, это так, — Коди обняла себя, и все они начали искать улики. Это напугало его. Коди делала так только когда ей было больно в душе и она нуждалась в утешении. — Ты в порядке, милая?

Она порывисто вздохнула.

— Устала хоронить любимых. Всплыли дурные воспоминания.

Ник поморщился от ее слов, которые пробудили череду картин и в его голове. Он видел свой будущий дом и его маму. Он содрогнулся от картины ее смерти и помотал головой, чтобы прогнать видения, о которых не мог думать.

— Ник, ты в порядке?

— Да, очередное видение. Начинаю жалеть, что прикоснулся к Глазу. Это напоминает о том, почему наркотики — плохая идея. Это невыносимо. Зачем кому-то в трезвом уме так поступать с собой?

Она погладила его спину и нахмурилась.

— Ты снова горишь, — Коди положила руку ему на щеку. — Ты в порядке?

— У меня холодные руки, а так все хорошо.

Она взяла его за руку.

— Они не холодные, а ледяные. Калерб, потрогай.

Он нахмурился, подошел и сделал так, как она велела. Его челюсть отпала.

— Ты как труп.

Неожиданно Ник услышал шепот в эфире вокруг себя. Он был тонким, неуловимым, едва слышным. Его могли обнаружить лишь способности Малачая.

Комната и его друзья исчезли. Он больше не был дома у Меньяры...

Он не знал, где оказался. Место было каким-то незнакомым. Он не мог понять, где это.

Затем он увидел Ашерона...

Нет, не Эша. У этого мужчины были короткие кудрявые волосы и голубые глаза, а не серые затягивающие, как у Эша. Но во всем остальном он был точно таким же. Тот же

огромный рост, то же телосложение воина. Одетый в черные доспехи, напоминающие о древней Греции и о материалах будущего, он ворвался в незнакомый Нику дворец, где столкнулся с шикарной светловолосой женщиной. Ее волосы блестели во тьме. Там было так темно, будто свет никогда не проникал туда.

Ее платье было сделано из черного материала, настолько легкого, что оно было как облако вокруг ее тела. Она была типичным примером королевы, но отличалась силой и яростью. Когда она повернулась к нему, у нее оказался тот же водоворот серых глаз, что и у Ашерона, а черты лица напоминали его и Стикса.

— Что ты тут делаешь? — она переместила взгляд на армию Чаронте, которую тот привел с собой.

— Ашерон прислал меня эвакуировать тебя.

Она рассмеялась.

— Куда? Я не могу уйти, и он это знает.

— Амброуз открывает для тебя врата. Они с Ашероном готовятся столкнуться с войсками Киприана.

Ее взгляд смягчился, и она окинула его тело своими странными глазами.

— Где твоя семья?

— Там, где ей и положено быть.

Ее глаза наполнили слезы.

— Не могу поверить, что мы так обманулись. Я пойду, чтобы они сражались и не волновались за меня. Но перед этим... — она потянула цепочку с шеи, и появился пузырек, спрятанный у нее на груди. Она сняла цепочку и вложила его в руки Стикса. — Передай это Амброузу. Если они сегодня проиграют, если он падет в бою, нужно чтобы он выпил это перед смертью. Скажи ему, что если он не выпьет, нам всем конец.

— Не понимаю.

— Знаю, но вопрос тут в доверии, а не в понимании. Все станет ясно в свое время. Как бы то ни было, уничтожает нас не видимый враг. Это кто-то, кого мы не заметили, тот, кому доверяем, кто готовит смертельный удар, — она притянула к себе Стикса и обняла его. Когда она сжала в кулак его кудри, от боли в ее глазах у Ника сжалось сердце. — Мои чудесные мальчики, как бы я хотела оказаться в этой битве, сражаться рядом с вами. Я бы загнала их обратно на задворки вселенной и купалась бы в их требухе, пока не почернела бы от их крови.

Стикс нервно рассмеялся.

— А вот теперь, Матера, ты меня пугаешь.

Она поцеловала его в щеку, зловеще улыбаясь, а затем отступила.

— Мы с тобой через столько прошли. Иди, мой могучий феникс, и будь воином, которого я знаю.

— Ник?

Заморгав, Ник заставил себя оставить Аполлими и Стикса.

Это было по-настоящему или очередные галлюцинации?

Вроде бы по-настоящему.

Он прижал пальцы к вискам и постарался вдохнуть. Не выходило. Все казалось нереальным и неправильным. Его сознание раздвоилось. Все было не так.

Он потянулся к своему якорю-Коди, но это не помогло, и он задышал еще быстрее. Стук его сердца отдавал в ушах.

— Коди, я схожу с ума. Уже не понимаю, где правда. Я вижу возможное будущее? Настоящее будущее? То, что уже случилось. Как понять разницу в видениях?

Ксев обхватил его за грудь.

— Дыши, Ник, — прошептал он ему на ухо. — Вдох... выдох.

Он прислушивался к голосу Ксева и следовал его командам, пока снова не успокоился. И лишь тогда Ксев ослабил захват.

Ник тяжело вдохнул, его все еще трясло.

— Посмотрите-ка у кого проснулся материнский инстинкт.

Ксев закатил глаза.

— Он пришел с новой прической.

Но это не правда. Внутри Ксев всегда был уязвим, хотя и показывал другим образ убей-их-всех-к-черту-и-да-смилуется-над-ними-Господь. Именно поэтому Ник потянулся к нему и помог, когда они впервые встретились. Поэтому так рисковал, чтобы вернуть Ксева.

Он взъерошил волосы Ника.

— Иди уже к своей подружке, пока я не отшлепал тебя.

— Обещания, обещания! Не надо так дразнить меня, дедуля. Это жестоко, — Ник захлопал ресницами, потирая зад.

Калев поднял руки, сдаваясь.

— Это все твоя вина. Я к такому не стремился.

Ксев мягко подтолкнул Ника к Коди.

— Твой черед водить.

Она засмеялась и покачала головой.

— Большие дети.

Ник стал серьезнее, когда снова услышал шепот в эфире. В этот раз он был громче.

И теперь казалось, что Менни зовет его. Прижав пальцы к вискам, он попытался сосредоточиться. Притянуть к себе голос, чтобы сосредоточиться на словах.

И тут он увидел еще больше картин. Его потянуло...

Коди отступила, когда Ник прошел мимо нее, прибывая в своего рода трансе.

— Нам пора беспокоиться?

Калев и Ксев внимательно присмотрелись к нему. Ксев сделал шаг вперед, когда Ник подошел к шкафу-алтарю Меньяры. Не говоря ни слова, он открыл его и начал готовиться к чему-то определенному. С помощью металлического пестика он медленно смешал соль и краски в одной из ступок Меньяры.

— Не уверен.

Калев встал за Ксевом.

— Что он делает?

— Не уверен, — повторил тот.

— Он нас слышит?

Ксев посмотрел на Коди.

— Я так часто могу повторять, что не уверен в этом.

Ник игнорировал их, будто они вообще не существовали. Он ходил по дому Меньяры и собирал вещи так уверенно, будто жил здесь. Хотя это своего рода правда, ведь она практически вырастила его, и он провел большую часть детства в этом доме. Да и родился он на ее диване.

Они дали ему пространство для работы, и в результате на полу появился круг призыва.

Только тогда Ксев начал беспокоиться.

— Он же не наделает глупостей, вроде призыва друга, которого мы ненавидим?

— Это Ник, естественно он наделает глупостей. Когда такого не было? Все могло быть хуже только если бы ему тут помогал Марк.

Коди наказала бы Калеба за его слова, не будь он прав. Но она все равно хотела защитить своего парня.

— Ник не виноват, что вокруг него происходят плохие вещи. Он всегда хочет как лучше.

— Не помогаешь, Коди, — сказал Ник отсутствующим голосом, продолжая работать.

Через пару минут он встал в центр круга, свет стал ярче, и он запел на незнакомом ему языке.

Коди приподняла бровь.

— Это...

— Древний язык? Да. — Калев обменялся в Ксевом шокированными взглядами.

— Вы его научили?

— Нет, — Ксев нахмурился. — Но как Малачай он должен знать языки. Это одна из его способностей.

В комнате начал закручиваться вихрь, вначале медленно, потом набирая скорость.

Коди протянула руки и схватилась за диван.

— Так и должно быть?

Ксев пожал плечами.

Из нарисованного круга поднялся дым. Защитные знаки Меньяры засветились и загудели, будто чудовища, пробежавшие марафон.

Лампочки в лампах и над их головами разлетелись, и Коди пригнулась от дождя осколков.

Она пошла к Нику, но Калев ее остановил.

— Ты знаешь, что лучше не разрывать круг. Трудно сказать, какой вред это принесет.

Но она все равно поползла к нему, но ее ослепил яркий свет. Луч пробил потолок и поглотил Ника, стоявшего с распростертыми руками и продолжавшего петь.

Его глаза закатились, а потом стали ярко-красными. Песнопение становилось все громче и громче, и было похоже скорее уж на гром, чем на слова.

Она чувствовала их в груди, как второе сердцебиение.

Круг вокруг Ника стал еще ярче от белого и желтого цвета. Он танцевал и раскачивался, смешивался с воздухом, пока не начал превращаться в нечто твердое. Нет, не в нечто. В кого-то.

Вначале Коди подумала, что Ник держит на руках ребенка. Но проявилось больше деталей и оказалось, что это крошечная, хрупкая женщина с блестящей кожей кофейного цвета и косичками.

— Меньяра? — выдохнула она.

Ник не прекращал песнопения, пока та не появилась целиком. Свет исчез, и знаки на стене погасли. Он осторожно опустил ее, чтобы та могла встать на обе свои ноги. Воспользовавшись телекинезом, он притянул в круг одеяло с дивана и прикрыл влажное, обнаженное тело Меньяры.

Слабая и трясущаяся Меньяра облокотилась на него, ища физическую и эмоциональную поддержку.

— Не была уверена, что ты меня услышишь, Страшилка.

Ник придержал ее.

— А я не был уверен, что делаю все правильно.

Засмеявшись, она похлопала его по груди.

— Мой маленький Николас, вечно ты в себе сомневаешься. Ну что нам с тобой делать?

— Как бы я поступил по уму? Убрал бы меня подальше и прокапал для верности.

Калев кашлянул.

— Уже можно разорвать круг?

— Да, — Меньяра отошла от Ника и натянула одеяло на свои узкие плечи.

Ксев повел ее к дивану, а Коди пошла заварить ей чаю.

— Что произошло? Где ты была?

— На меня напали мортенты, застав врасплох в магазине. Они набросились на меня, прежде чем я успела хоть что-то сделать. Утащили меня в Касситу.

Ник склонил голову на бок.

— Касситу?

Она провела дрожащими руками по влажным волосам.

— Тюрьма, в которую изгоняют худших демонов на земле.

— Как они смогли сделать это с тобой? — спросила Коди, подавая ей чашку чаю.

Меньяра поблагодарила ее и сжала кружку в руках.

— Не знаю. Никогда о таком не слышала и не думала, что смогу вернуться. Я начинала задыхаться каждый раз, как только звала на помощь. Даже не знаю, как Николас услышал меня.

— Не надо меня хвалить. Я тебя едва слышал и думал, что схожу с ума. Плюс, мои способности последнее время ведут себя как попало.

— Ты о чем?

— Они непостоянны и часто полностью пропадают.

— И сейчас у него жар, — Коди взяла его за руку и протянула ее к ней. — Потрогай его руку, она ледяная.

Меньяра так и поступила и немедленно нахмурилась.

Калев кивнул.

— Ага, точно. Нам сказали, что в будущем у Ника будет сын. И мы думаем, что он путешествует в прошлое, чтобы убить нас и изменить время.

Меньяра бросила на него хмурый взгляд.

— Малачаи не путешествуют во времени.

— Да, если им не помочь.

Она бросила на Ксева взгляд, который говорил, что ей неприятно это напоминание.

Неожиданно зазвонил телефон Ника. От испуга он подпрыгнул. Достав его из кармана, он увидел, что это его мама. Он быстро и не колеблясь ответил, потому что иначе его мама может позвонить в Национальный розыск.

И, к сожалению, это была не шутка. Хотя до такого она еще не дошла, но уже звонила в местные больницы и полицию, когда он слишком долго не отвечал. Долго — это больше, чем час. И раз уж его не было там, где он должен был быть... Пора предотвратить массовую панику.

— Привет, ма.

— Почему ты не дома?

— Я у Меньяры.

Это немного охладило ее.

— Ты в порядке? Тебе хуже? Отвезти тебя в больницу?

— Неа, все хорошо, мам. У меня все еще жар. И я так ною, что боюсь, Коди бросит своего малыша-парня, если я не найду кому надоедать. И к тому же, парни не расположены к сочувствию. Они просто пялятся на меня и велят заткнуться или кидаются вещами и говорят исчезнуть. Так что я пришел сюда ныть и дуться, перед кем-то, кто слушает меня и терпит. Хочешь поболтать с тетей Менни? — он протянул ей телефон, потому что знал, что мама не успокоится, пока не услышит ее голос, убеждающий, что тот не продает где-то почки или еще что.

— Привет, Чирайз. Нет, твой мальчик в порядке. Немного бледный и теплый. Милая, мы ухаживаем за ним. Успокой свое маленькое сердечко. Наслаждайся временем с новым мужчиной.

— Нет, ма! Веди себя с Баббой хорошо. Оба ведите! — крикнул Ник. — Помни, обе ноги всегда на полу!

Он посмотрел на Коди.

— Что там она еще нам говорит?

— Не впутывай меня в это.

— Без колечка не распускай ручонки, — сказал Калевб сухим тоном.

— Оставьте загадку в любви, и она продлится дольше, — добавил Ксев.

— Спасибо! Слышала, ма? Господь не любит ханжей! А вот еще одно из твоих выражений... И оно самое популярное: Если все твои глупые друзья прыгнут с моста, это еще не значит, что нужно уподобляться им!

Меньяра засмеялась.

— Я ему объясню, милая. Приятной ночи, — она повесила трубку и вернула ему телефон. — Ты кошмар, Николас!

— Не хочу это слышать. Ты, считай, что вырастила меня. Я лишь плачу любезностью за любезность, которую она давала мне все эти годы. Это даже весело — немножечко мстить.

Она покачала головой.

— Помоги мне встать, чтобы я оделась. Нам нужно кое о чем поговорить.

— Нужна помощь? — предложила Коди.

— Нет, ангел мой, справлюсь.

Странно, но раньше Ник не замечал, чтобы Меньяра и Коди так нравились друг другу. Хотя теперь он знал, что Меньяра была тетей ее матери, но не видел между ними никакого сходства. Но обычно Коди распускала волосы, и у нее была челка.

Сейчас, когда они обе стояли рядом, с собранными волосами, стало заметно, как они похожи. Он не видел никаких черт Стикса в его дочери, но вот его характер присутствовал. Особенно они проявлялись, когда они дрались с врагами. И пусть она, как мать, идеально владела луком, но ей лучше давались навыки отца по владению мечом. С мечом в руке Коди была неуязвима.

— Коди? Ник опять так же смотрит.

Ник едва слышал Калеба, а в его голове мелькала ночь, когда умер его отец, и его впервые посетило видение собственной смерти от рук Амброзиуса Малачая. Тогда он решил, что это чувство вины из-за видения, где он убивает брата Коди, а затем убивает ее.

Теперь же...

Он снова слышал звуки ужасной битвы и увидел себя в демоническом обличье. Его

доспехи Малачая сверкали в тусклом свете заходящего солнца, пока он боролся против армии, которая из всех сил старалась его уничтожить. Его солдаты отступили, чтобы защитить его, но он понимал то, чего не понимали они — они были на грани поражения.

Он был ошарашен и не понимал, как такое могло происходить. Никто не был равен ему в бою, даже Сефирот. Джаред был стоящим врагом, кроме того, он был еще лучшим другом и союзником.

Несмотря на ряды демонов, Ник видел своих врагов.

Лидер мелькал, как ангел смерти, расправивший свои черные крылья. Опыяненный победой, он собирал своих демонических солдат и отправлял их вперед.

Ник инстинктивно знал, как завершить эту битву и войну. Если он убьет лидера, то они разбегутся, как напуганные тараканы. Они съезжатся, сбегут и не будут им больше досаждают. Он спасет их всех.

Его глаза полыхнули красным, потом серебряным, и он метнулся к дураку, который оставил безопасное окружение своей армии. Сосредоточившись на нем, Ник игнорировал все остальное.

«Я иду за тобой...»

Он обрушился на их лидера своим мечом. Бросив коня, лидер метнулся к Нику. Их оружие звенело, пока они бились друг с другом. Его враг обрушил на Ника дождь кислотной крови и огня, а тот в свою очередь, с помощью своих сил отбрасывал врага назад. К его чести, демон крепко держался, и противостоял ему дольше, чем кто-либо до него.

Он мог бы победить его, если бы не одно... Неожиданно раздался знакомый крик боли.

Ник, испугавшись, повернулся к маленькому солдату в нескольких ярдах от него. Ее окружили, почти сломили. Его охватили паника. Чего бы это ни стоило, он не мог ее потерять. Плевать на остальных, она не станет разменной монетой. Никогда.

Он отбросил врага ударом ноги и полетел к ней из всех сил, схватил и полетел с ней подальше от битвы. Она приказала ему вернуться к битве, но он не послушался.

— Я сделаю все, что угодно, чтобы защитить мою семью, — сказал он с твердой уверенностью, которую чувствовал всей своей прогнившей душой. — Я дал тебе обещание, и я его сдержу.

Но ее кровь окрашивала его руки, а он нежно держал ее, стараясь не причинить вреда. Ее глаза нежно смотрели на него сквозь прорези в шлеме.

— Ты никогда не умел слушать, да?

Он улыбнулся ей.

— С самого моего первого вздоха до последнего я буду предан тебе вечно.

Раздался яростный боевой клич. Ник бросил взгляд через плечо и увидел врага, который направлялся к ним, пробиваясь через воинов вокруг него, убивая тех, кто посмел встать у него на пути.

Понимая, что все станет только хуже, он приземлился и сделал то, чего ему вовсе не хотелось — отдал драгоценную ношу одному из своих людей.

— Спаси ее, не дай умереть!

Она положила на него руку, не желая отпускать так же сильно, как он не жалел о том, что грядет. Как будто она понимала все так же четко, как и он. Но это нужно было сделать.

Глубоко вдохнув, он заставил себя отпустить единственное, что ценил больше всего и вернуться к битве, но было уже слишком поздно. Враг уже добрался до него. Прежде чем Ник поднял меч, демон пронзил его бесполезное сердце и отбросил на землю, к которой

пригвоздил его тело.

Кашляя собственной кровью, Ник изо всех сил старался выжить... У него для этого было столько причин... но он мог лишь умереть.

Когда жизнь покидала его тело, он услышал крик, который разорвал ему сердце. Зачем ей это видеть? Зачем он позволил ей сегодня драться?

Собрав всю свою храбрость, которую он полюбил с первого дня их встречи, она подбежала к нему.

— Нет! — рыдала она, изучая его лицо. Она положила руку ему на щеку и рыдала, будто рушился весь ее мир.

— Пузырек, — прошептал он. — Не могу достать.

Рыдая, она вытащила цепочку, посланную ему Аполлими, и быстро помогла ему выпить.

— Не смей бросать меня, Амброуз! Слышишь? Я тебя не потеряю. Я вернусь и изменю это, чего бы того ни стоило. Я найду и спасу тебя!

Он попробовал дотронуться до нее в последний раз, но тьма, с которой он боролся всю свою жизнь, захватила его первой.

Как только он умер, обнимавшая его женщина издала боевой клич тысячи фурий. Она взяла его меч Малачая и побежала на врага, чтобы закончить то, что он начал.

Их враг-демон поднял руку, чтобы перехватить ее удар, затем послал на нее волну и сбил с нее шлем. Немного оглушенная, она задрала голову, чтобы посмотреть на него.

В этот раз видение ошеломило Ника. Раньше в нем появлялось лицо Коди, но в этот раз оно было другим. Она была красива, но старше и покрыта шрамами. Он вообще не знал эту женщину, но узнал ненависть в ее глазах, которая предназначалась демону позади него. Она не сулила пощады.

Когда Ник выбрался из видения, то в этот раз знал, что демон-Малачай был его сыном, убившим его в тот день.

Когда он впервые увидел его, то подумал, что это он сам наложил на лицо брата Коди свое собственное. Теперь же...

Он заморгал и повернулся к ней.

— Я запутался.

— Может, это Грим и имел в виду, угрожая нам?

— Ты о чем?

— Правило номер один... Как легче всего уничтожить врагов?

— Психологически, — уж Калек-то знал наверняка. — Залезешь к ним в голову, и уже легче уничтожить тело.

Она кивнула.

— Верно. Может, так и происходит.

— Но именно Амброуз сказал мне добыть Глаз.

— Глаз Ананке?

Он повернулся к Меньяре, которая снова присоединилась к ним.

— Да, мэм.

Она издала раздраженный звук.

— Дитя, тебе такое точно не нужно. Он сведет тебя с ума.

— Слишком поздно, это уже случилось. И он не перестает присылать безумный спам. Как его отключить?

— В том-то и проблема. Ты Малачай, не выйдет.

— Чудненько, это предупреждение пригодилось бы до того, как я до него дотронулся. Меньяра взяла его за подбородок.

— Как будто ты слушаешь предупреждения... Дитя, надеюсь, однажды, ты научишься оглядываться вокруг и спрашивать перед тем, как прыгнуть. Ты всегда действовал слишком быстро. Смотришь, куда падаешь, уже по пути вниз.

Она была права, и он ненавидел это в себе.

Щелкнув его по носу и шлепнув по попе, она обошла его.

— Так, что там насчет другого Малачая?

Ник кивнул.

— В моих видениях я всегда старше, когда он убивает меня. И он тоже.

— Как будто его растили, чтобы он убил тебя в особом месте и времени?

— Мне не нравится, как это звучит. Но раз уж ты это произнесла, все очень похоже на то.

Коди нахмурилась.

— Как они могли заполучить его дитя, а он об этом не знает?

Меньяра посмотрела на нее, как на дурочку.

— Так же, как у Джарета появилась Чирайз, — медленно сказал Ксев. — И он не знал ни о ее зачатии, ни о рождении. Легко спрятать ребенка от отца.

— Именно это я умоляла Чирайз сделать с Николасом и Адарианом, но она отказалась. Как будто часть ее знала, что сделали с ее отцом, и отказывалась поступать так с другим.

Ник почесал подбородок.

— Думаю, это Грим. Ведь похоже на то? Почему бы не вырастить своего собственного Малачая, чтобы контролировать его?

— В этом случае у меня есть простое решение, — Калев вытащил нож-бабочку из кармана и открыл ее. — Ксев, поддержи его.

Ник издал какой-то невнятный звук и телепортировался за Коди для защиты.

— Смотри, я наконец-то освоил свои способности. Какой впечатляющий прыжок.

— Ага, но недостаточно далеко, — Калев снова пошел на него.

Коди встала у него на пути.

— Так, ты уже достаточно повеселился. Хватит угрожать Малачаю.

— Кто сказал, что это угроза? Думаю, это неплохой вариант. Никто по нему скучать не будет, — он посмотрел на Ксева. — Ты же со мной, брат?

— Это спасет от головной боли.

Ник побледнел от ужаса.

— Менни, помоги!

Боже, даже она обдумывала это.

— Меньяра! — занял Ник.

— Ты прав. Но нет нужды его калечить. Однако... — Меньяра бросила на него многозначительный взгляд, — пока мы с этим не разберемся, держи свою удочку в шкафу и не ходи с ней на чужой пруд.

Ник скривился.

— Мне очень неловко от этого разговора. И не переживайте, моя удочка вполне счастлива, она никуда не собирается.

Вздохнув, Калев закрыл нож.

— Надеюсь, я не услышу о похищении пришельцами и исследованиях.

— Знаю, — огрызнулся Ник. — Если хорошо подумать... мне больше нравилось, когда вы двое не ладили.

Как только он произнес это, Меньяра склонила голову на бок. Она медленно повернулась к Ксеву.

— Что произошло с твоими волосами и бровями?

Калев встал между ними, чтобы защитить брата от древней богини.

— Это сделал наш отец. Если у тебя с этим проблемы, то советую с этим примириться.

— Теперь ты его защищаешь?

— После всего, что я ему сделал, он спас мою жизнь, хотя и не должен был.

Меньяра открыла рот, но прежде чем смогла ответить, кто-то яростно забарабанил в дверь.

Ник застыл, почувствовав кого-то смертельно опасного на крыльце.

Когда Меньяра пошла открывать дверь, он собрался сказать не делать этого.

Но не успел.

Сверхъестественный ветер снес дверь с петель и разнес ее на миллион щепок. Ник схватил Коди и прикрыл ее своим телом.

Готовясь к битве, он заметил, как в комнату влетел Аэрон и присоединился к ним.

Аэрон встретился взглядом с Меньярой.

— Опустит щиты и встречай друзей.

— Друзей?

— Ситуация весьма жаркая, и у нас на хвосте дьявол.

Ник опустил меч и уставился на Аэрона.

— Приятель, рад тебя видеть, но... обязательно было разносить дверь? Теперь сложно будет отбиваться щепками.

— Это не я! — он махнул рукой за свое плечо на...

У Ника не было слов. Он не мог это никак описать.

— Милый, что ты притащил домой? Знаешь, гору за стол не посадишь. Плюс, похоже она не ест гумбо, — но его сарказм поутих, когда Ник заметил двух волков, бегущих к ним.

У белого вырывались языки пламени из ноздрей. Эбонитовый воплощал собой ярость.

— Завид? — спросил он, не веря.

Аэрон похлопал его по спине.

— Ага, нашли его слоняющимся без дела. Подумали, что ты скучаешь по дружку.

За двумя волками следовала ужасная демоница. С волосами того же цвета, что и у Артемиды, и глазами, подведенными черным под цвет ее бездушных глаз. Когда Ник выступил вперед, чтобы отбросить ее, Аэрон перехватил его руку.

— Неа! Это тоже наша.

— Кого еще подобрали по дороге домой?

Аэрон рассмеялся.

— Никого, мальчик. Лишь двоих старых приятелей. Постарайся их не убивать.

— Заметано, — Ник поморщился, глядя на преследующую их толпу демонов. — Сколько адских обезьян ты пригласил на этот раз? Без обид, но придется сходить в супермаркет за покупками. Сими научила меня одному — у всех демонов солитер и полые ноги, не думаю, что Меньяра это вынесет. Не похоже, чтобы они довольствовались лишь сладостями, и мне не хочется угощать их Ником с подливкой.

Калев посмотрел на демонов, потом на Ника, а затем улыбнулся Ксеву.

— Помнишь историю Медеи и Ясона?

— Да, и что с того?

— Думаю, начнем отрезать кусочки от Малачая и бросать им, пока они не уйдут.

— Меня устраивает, но ты сам расскажешь Чирайз, что сделал с ее мальчиком. Потому что, если честно, то я лучше встречусь с адскими обезьянами.

— Ты прав. Есть еще плохие идеи?

— Да, — ответил Ник со смешком. — У меня куча плохих, но я в кои-то веки попробую придумать хорошую.

Коди, вытаращив глаза, смотрела на гигантского демона, возглавлявшего толпу адских обезьян.

— Я напугана до чертиков, — она развела руками.

Другую девушку остановила защита на двери Меньяры. Она буквально впечаталась в невидимый щит и выругалась.

Меньяра с подозрением посмотрела на Аэрона.

— Кто она?

— Он кихирет... банши.

Она раздраженно улыбнулась.

— Я знаю, что такое кихирет, Аэрон.

— Прости, милая. Большинство тупо плячется на меня, когда я использую этот термин. Не хотел судить тебя по тем, кто игнорирует образование.

Она опустила щит и впустила кихирет.

Аэрон кивнул.

— Все, знакомьтесь с Воном. Итак, милый, поджарим их?

На лице Вона появилась коварная улыбка.

— Ага, это прямо как в День Всех Святых, — с этими словами он вызвал яркий синий шар света, а Аэрон призвал короткий боевой уэльский лук.

— Это шаровая молния? — спросил Ник у Вона.

— Намного лучше. Это свет покойника. Интересно узнать, почему мы его так зовем?

— Да, конечно.

Вон позволил ему вылететь в дверь по направлению к их врагам. Как только он оказался рядом с ними, Аэрон наклонил свою стрелу к Казиэлю, чтобы поджечь ее от его огненного дыхания, и выпустил ее в светлячок покойника.

В тот миг, когда эти три вещи слились, они образовали нечто подобное демоническому огню. Выпущенная волна энергии откатом сбила с ног всех, кроме Аэрона, Казиэля и Вона.

Она в дребезги разнесла стекла в округе, перевернула машины и заставила сработать каждую сигнализацию в радиусе трех километров. А также обернулась вокруг демонической горы и его друзей, призрачно-перепончатой рукой швырнула их вниз, втягивая во что-то похожее на воронку.

Соседи из нескольких ближайших домов наверняка будут в ярости от потерь. Но, эй, вот что случается, когда вы живете по соседству с древней богиней и слишком близко к вратам ада. Вздохнув, Ксев посмотрел на Ника и Калеба с выражением на лице я-же-тебе-говорил.

— Помнишь, что я тебе про них говорил, когда они собираются вместе? И это еще было без их нового друга в придачу.

Ник перекрестился.

— Держать выпивку от них подальше?

— Ага. Я бы даже убрал сироп от кашля, от греха подальше.

— Заметано.

Гордые и самодовольнее, три кельта повернулись к ним лицом. Согнув ногу в колене, Аэрон держал свой лук на уровне бедра, а Вон, скрестив руки на груди, стоял плечом к плечу с Аэроном. Казиэль, все еще в обличии волка, уселся у ног между ними.

Ник покачал головой на устрашающее зрелище, сотворённое ими.

Калёб фыркнул.

— И именно поэтому в древних сражениях их называли «*arswyd gan drindod*».

— Что это значит? — спросил Ник.

— Ужасная троица.

— Да уж, вижу. — Ник спрыгнул. — Не зазнавайтесь, ребята. — сказал он Аэрону и его команде. — Иначе мы заставим вас объяснять все это соседям.

Он направился помогать Меньяре.

— Кстати, как ты объясняешь подобные происшествия в округе?

— Ураганы. Торнадо. Иногда прокатывает история с утечкой газа. Если это не работает, говорим про «правительственный заговор». Ты даже представить себе не можешь, как легко они верят в версию про заговор.

— Да уж, скорее я поверю в правительство, пытающееся добраться до меня, чем в кучу

дышащих огнем адских обезьян.

Ник с уважением обратился к Вону.

— Что ж... расскажи мне о свете покойника.

— Что ты хочешь знать?

— Все банши Леголаса используют его в качестве оружия?

Насупившись, она наклонила голову к Аэрону, чтобы поговорить с ним по-валлийски:

— Что за Леголас, и имеет ли он в виду что-то обидное под этим?

— Неа, он просто пытается быть милым. Не в отношении Леголаса, но это больше шутка, нежели что-то обидное. Хоть он и Малачай, он не жестокий зверь. Он на самом деле пытается понять, кем ты являешься. И как Малачай, он понимает твой валлийский, так что нет никакой пользы в том, чтобы переходить на него рядом с ним, поскольку он понимает каждое сказанное нами слово.

— О... — Вон вернулся на минуту к изучению Ника. — Это ведь Малачай, да?

— Кто теперь кого оскорбляет? — произнес Ник, подражая обиженному тону Вона.

Вон вскинул руки.

— Никаких оскорблений... Ты просто совсем не то, что приходит в голову с этим словом. Совсем!

— Особенно в сравнении с теми животными, которые нас удерживали.

Ник подошел к Завиду и протянул к нему руку.

— Ты не представляешь, как я волновался с тех пор, как они сказали мне, что с тобой случилось. Мне очень жаль.

— Аэрон сказал мне. — В его глазах светилась благодарность. — Спасибо. — Завид оглядел всех в комнате. — Всем вам. Я не думал, что когда-либо сбегу от Нойра.

Калев подошел к нему и отодвинул воротник его черной рубашки, чтобы осмотреть шею. Ник не понимал, для чего он это делает. Но было очевидно, он искал что-то конкретное на коже Завида.

— Как у него вообще получилось тебя поймать?

— Ливия. Сучка сдала меня ему. В одно мгновения я защищал ее, а в другое... — Его глаза вспыхнули красным. — Если когда-нибудь получу шанс вернуть должок, я перережу ей горло и искупаюсь в ее крови.

Ник сочувствовал ему. Он мог только представить, как сильно они всячески издевались над ним, особенно учитывая то, как страдал Завид, находясь у Хэл.

— Почему твоя сестра не сказала нам, где ты был?

— Они уничтожили ее душу. — В его глазах собрались слезы. — За это я убью Грима. Теперь это моя личная битва. И я не успокоюсь, пока не уверюсь, что он почувствует мой гнев сполна.

Калев хлопнул его по спине и отошел.

Ксев вопросительно посмотрел на него.

Калев, склонив голову, ответил искренним взглядом.

— Он чист и говорит правду. Наш отец отпустил его без клейма. Он снова с нами, свободный от их власти.

Завид изумленно посмотрел на них.

— Верлин ваш отец?

— Ага.

Вон поморщился.

— Было жаль бросать его. Никогда не думал, что пожалею такого, как он. Но мы обязаны ему всем. Он подставил свою спину под удар и взял на себя всю тяжесть наказания Темного.

— Кого? — спросила Коди.

— Мавронимо. — рассеянно ответил Ник, откуда ему было знать..., впрочем, он знал откуда, просто его способность понимать языки, которые он никогда не изучал, все еще ошеломляла его. — Есть ли какой-нибудь способ освободить его?

Они одновременно кивнули. Калев похлопал его по плечу.

— Есть такие проблемы, которые не под силу даже великому Малачаю.

— Легче не стало.

Точно так же, как и не стало легче от того, что Меньяра отремонтировала дверь поднятием руки, бормоча что-то на первобытном языке, так, будто с ней ничего и не случилось. И будто это нормально, так управлять вещами.

Ник надулся.

— Тетя Менни, ты могла это сделать до того, как монстры довели твоего любимого Страшилку до сердечного приступа.

Ухватив его за подбородок, она фыркнула.

— Здесь много что сделано не так.

— Думаешь, это может быть связано с гибелью Оруженосцев?

Меньяра застыла от вопроса Ника.

— О чем ты?

— Эш и Кириан говорили об этом. Была большая эпидемия смертей Оруженосцев. Они предположили, что это связано с атаками Даймонов.

— Или с чем-то похуже. — Меньяра взмахнула рукой. С полки к ней подлетела старая книга и осталась парить в воздухе рядом. Используя свои силы, она пролистала ее. — Думаю, мы имеем дело с Дивами.

Калев нервно хихикнул.

— Они вымерли.

— Предположительно, — пробормотала Меньяра.

Ник был уверен, что у него было такое же перекошенное лицо, как и у Ксева, Коди и Калеба.

— Тетя Менни, я думаю, от лица всей группы могу сказать, что нам не нравится это слово. Не то, чтобы я знаю, что такое Дивы, но твой тон подсказывает мне, что полный отстой быть человеком, когда вокруг есть хоть один из них.

— Хорошо подытожил. И это правда, — Калев шагнул поближе к книге. — И в этом есть смысл. Дивы истощают силы. И им требуется человеческая плоть, чтобы они могли выжить...

— И, возможно, меня заперли в той же реальности, куда были изгнаны их лидеры.

Челюсть Ника отвисла.

— Ты была изгнана с ними?

Она медленно кивнула, Ксев выругался.

Они все посмотрели на него.

— Тело в магазине, что не распалось? То, что мы скормили Сими? Если это был Див...

Калев побледнел.

— Мы не уничтожили его душу. Она осталась невредимой, где бы он ее ни спрятал.

Ксев кивнул.

— И если он тогда выжил, то мог завладеть ею.

У Ника появилось плохое предчувствие, а Коди застонала от этих слов.

— Вы что, хотите сказать, что мы отдали Чаронте Диву?

— Мы должны найти Сими.

— Стойте! — Ник схватил Калеба за руку, когда тот направился к двери. — Алло! Для тех, кто не в курсе... Что такое Дивы?

— Один из самых ужасных и смертоносных классов демонов, — Калев с болью посмотрел на Меньяру. — Они представляют собой особый кошмар. Как паразиты, они присасываются к другим могущественным демонам и богам. Однажды прицепившись, они могут высасывать и использовать их силы, как клещи, только для этого им не нужен непосредственный физический контакт. Им достаточно находиться на расстоянии пары сотен метров. Затем они вселяются в жертв и делают их своими рабами.

— Ты думаешь, то же самое с Наширой и Дэгоном?

— Может быть. — Ксев вздохнул. — Я бы не стал исключать такой вариант. Они были важной частью армии Мавронимо, так как сложно убивать армию, собранную из лиц, умерших когда-то любимых тобой людей.

Он пробуравил взглядом Калеба.

— Ты ведь всегда будешь мне припоминать Зикеш?

— Да. Ты уничтожил всю мою армию, вплоть до того, что перебил всех кур в округе.

Калев закатил глаза, пока не увидел ужас, застывший на лице Коди.

— Мои люди голодали после сражения.

— И поэтому они использовали кости моих людей, чтобы жарить куриный шашлык?

— Это приправляло мясо, пока оно готовилось, придавая ему приятный... Ладно, я вижу к чему ты клонишь. Твоя злость небезосновательна.

Коди наконец-таки удалось захлопнуть рот.

— Я правильно понимаю услышанное? То есть, мы сильно обязаны Лиллиане за то, что она вытасила Калеба на время из игры и немного обуздала?

— Да. — ответил Ксев. — То, что Малфас выпал из строя, позволило нам одержать верх. Он был одним из немногих генералов, которые могли бы выработать стратегию. И мой брат точно знал, как нанести максимальный урон. И бил сильнее всего туда, где это причиняло наибольший ущерб.

— Да, но Лил была права. Я был более опасным, когда сражался, чтобы защитить ее и ее народ, чем когда воевал из-за того, что был зол на моего отца и хотел отомстить ему.

— Это точно. Мал был единственным нашим командиром, который повел свои войска против Дивов, и не только выжил в боях, но и победил.

Ник посмотрел на него вопросительно.

— Как ты это сделал?

— Меч Малачаев убьет их. Мы вооружали наших сильнейших воинов мечами Малачаев.

— Как ты достал мечи Малачаев?

— Трофеи, — прошептала Коди. — Всякий раз, когда Сефирот убивает Малачая, он или она берет меч в качестве доказательства своего мастерства. Это знак почета для них.

Калев кивнул.

— Были такие Сефироты, которые украшали этими мечами свои жилища.

Ник скривил губы при мысли о такой мерзости. Не то, чтобы это было что-то ужасное, просто он был одним из тех Малачаев, которого они были бы горды прикончить.

Аэрон приблизился и сжал плечо Ника.

— Если бы мы только знали, как можно добраться хотя бы до одного из этих мечей, да, приятель?

Ник фыркнул, когда увидел, куда все это ведет.

— Что ж, я подсадная утка... вот так сюрприз. Так давайте меня еще и утиной мочой Марка намажем, что уж.

Ксев раздраженно хмыкнул.

Игнорируя их обоих, Калев продолжил.

— И мы должны вытащить Дива из Чаронте.

Он перекрестился.

— Чувак, ты не католик.

— Нет, но как и Хлодвиг^[9], чтобы выиграть этот раунд, я готов переметнуться. — Калев сделал глубокий вдох. — Ну, что ж, ребята. Давайте найдем Сими и попробуем не умереть.

— Давайте сделаем это. — Ник хлопнул в ладоши, чтобы поддержать их. — Могу я уточнить, есть ли у нас шансы на выживание?

— Нет! — крикнули они в унисон в ответ Нику.

— Ладно, — медленно произнес он, его язвительность вернулась с его друзьями. — На верную смерть, расчлененку и непотребства, шагом марш!

Ник топтался на улице рядом с магазином Меньяры.

— Ты уверен, что это сработает?

Взяв меч Ника, Калев кивнул.

— До этого ты не обладал силами. Вот почему Див не пытался овладеть тобой. А сейчас он их почувствует и набросится. А когда он это сделает... — он многозначительно поднял меч.

Затем уменьшил его и протянул рукоять Нику, который спрятал меч в карман.

Как только он это сделал, Ник застыл. Его охватило странное нереальное ощущение. Нет, не охватило.

Ударило. Как если бы враг в железной рукавице ударил его открытой ладонью по щеке, чтобы бросить ему вызов на дуэль.

Это было похоже на то, когда он покидал тело. Как будто что-то выдернуло из него душу, и теперь она парит над ним и смотрит вниз на незнакомца, одетого в потрепанную рубашку. Впервые в жизни он увидел себя таким, каким его видели другие. Выше, чем большинство, он все еще был просто долговязым парнем, его тело было таким же, как у ребенка, который пытался ходить в обуви родителей. Да, он скрывал это. Ник бы никогда никому не позволил узнать, как раним он был в отношении всех аспектов его личной жизни и внешности.

В конце концов, он не мог отрицать чувство неполноценности, которое постоянно преследовало его, как голодный Деймон, разрывая душу на части. Ник испытывал постоянный ужас от того, что не сможет стать тем человеком, которым он хотел бы быть.

Хуже того, он был настоящим демоном, специально выведенным монстром, которым ему предстояло стать. И однажды Малачай проявится в нем и уничтожит все, чему мама пыталась его научить. Уничтожит всю человечность, что есть в нем, пока ему не станет все равно, кому делать больно.

Мысли Ника вернулись к Кириану, который рассказывал Нику об «Илиаде» для его урока.

— Жизнь — это всегда выбор, Ник. Иногда мы делаем его по эгоистичным причинам. Иногда мы делаем его в пользу других. Иногда мы бежим от него и иногда мы делаем его против нашей воли. Парис мог бы оставить Елену в покое, независимо от того, что богини ему обещали. Гектор мог бы предать своего брата и спасти свое королевство. Ахиллесу бы не пришлось выходить из боя в пылу ярости. Патроклу не пришлось бы надевать доспехи Ахиллеса, чтобы вдохновить свои войска. Ровно как Ахиллесу не пришлось бы убивать Гектора, зная, что, когда это сделает, это будет означать его собственную смерть. Был ли это выбор Елены ехать с Парисом в Троию? Она могла бы остаться в Спарте, а когда Троя пала, она могла бы убить себя, а не вернуться с мужем, от которого изначально сбежала.... Где эта граница, отделяющая свободу воли и предначертанное богами? Мы делаем собственный выбор в нашей жизни или же мы просто пешки в какой-то высшей игре, о которой мы ничего не знаем?

В этот момент все встало на свои места, и Ник начал понимать значение ключевых моментов и свободы воли.

«Я хозяин своей судьбы, и только я один отвечаю за беспорядок в моей судьбе, который

я натворил...»

Когда он посмотрел на Калеба и Ксева, внутри него вновь зародилось уважение к ним. Как и Кириан, они оба были обмануты жизнью. Они пожертвовали собой ради других, заплатив за это горькую цену.

Было бы хуже, если бы они действовали эгоистично? Так, как поступил Кириан? Он сделал эгоистичный выбор, и его жизнь оказалась не лучше.

Можно сказать, что его выбор был хуже. В то время как Калев и Ксев потеряли свои сердца, но по причине действий тех, кто забрал их любимых. В конце концов, их жены были верны им.

Трагедия Кириана была в том, что его предала женщина, ради которой он бросил все. Она вырезала его сердце и протянула ему.

Ключевые моменты.

Ник не мог постичь, как его друзья раз за разом так решительно восставали из завалов своих уничтоженных жизней. Бесстрашно. Неутомимо.

Так же, как и его мать.

И для них он будет бороться с темной стороной Малачая внутри себя. Так же, как они. Так же, как они продолжали делать это каждый день своей жизни.

Каждая великая легенда начинается с того, что один человек вознес кулак к небу и бросил вызов богам.

Ашерон был прав.

Именно этим Ник занимался с того момента, как он пришел в этот мир болезненным ребенком. Пренебрегая чужим мнением. Вопреки ожиданиям. Бросая вызов власти.

Противясь своей судьбе.

И пока у него не было в планах что-либо менять. Он знал, что другого пути нет.

— Ну что ж. Отправьте меня к адским обезьянам. Пришло время сделать их моими шестерками.

— Прости, — Коди посмотрела на него, — но твоя мама была бы в ужасе.

— Наверное. Большинство того, что я говорю, приводит ее в ужас. — ответил он ей с прелестной улыбкой. — Я должен признаться, что в большинстве случаев это удивляет и смущает меня самого.

Смеясь, она быстро поцеловала его.

— Так вот зачем Господь создал тебя таким милым. В противном случае желание утопить тебя было бы непреодолимо.

— Милая, что я говорил тебе по поводу «подливания масла в огонь»? Ты говоришь такие вещи, что дьявол во мне хочет ответить чем-то еще хуже.

Но как только они дошли до магазина Меньяры, Ник протрезвел от того, что их там поджидало.

Вот черт...

Табита Деверо стояла на тротуаре возле кованной двери в окружении ее зверинца. Это было плохо. Еще хуже было то, что среди этого зверинца был старший брат Мадуга, Эрик. Надо сказать, Мадуг был прав. Иногда трудно было сказать, является Эрик его братом или сестрой.

Сегодня определенно был именно тот день. Его волосы были перекрашены в черный, как у Табиты, он заплел их с одной стороны и нанес больше косметики, чем Табби. На самом деле, острые углы его густой подводки выглядели так, будто он ходил в один и тот же

магазин с Воном, где им давали инструкции о том, как её наносить, а также какие черные тени для век и помада к ним подходят.

— Почему Эрик в платье?

Аэрон закатил глаза на вопрос Ника.

— Это килт, чувак. Научись их отличать.

Что ж, это объясняло военные ботинки. Но...

— Если это килт, почему он одет в... Коди, подсказки мне. Блузка? Или как там эта тряпка называется?

— Да, Страшилка. Черная шелковая блузка с французским кружевом на манжетах и оборками на воротничке. Я не могу поверить в это, но все же скажу — это рубашка Табиты. Я видела ее на ней прежде.

Воротничок. Ник попробовал произнести слово и состроил гримасу Калебу, который посмеивался над ним.

— Не издевайся над парнишкой, Ник. По крайней мере, его одежда не светится в темноте.

— Извини, Кей. Просто в виду отсутствия здесь Мадуга, который обычно сам это делает, я почувствовал необъяснимую необходимость. Хотя, в отличие от Мадуга, я бы никогда не ранил его чувства, сказав это в лицо Эрику. Я просто выкину эти мысли из своей головы, прежде чем мы приблизимся, и они вылетят против моей воли.

Ник подмигнул им.

— И я должен сказать, что я восхищаюсь человеком с подобной самооценкой, позволяющей ему выходить из дома в таком виде. И я завидую его зеркалу, которое сказало ему, что он выглядит хорошо, потому что мое зеркало хихикает надо мной каждый раз, когда я в него смотрюсь.

Когда они приблизились к Табите и ее группе, Ник оглянулся в поисках Сими, но ничего не увидел.

— Эй, Табби. Что случилось?

Она указала на закрытый магазин и битое стекло на тротуаре. К счастью, ставни были по-прежнему на месте, так что она и ее друзья не могли заглянуть в магазин.

— Я пришла, чтобы купить несколько новых защитных кристаллов для группы и... — она ткнула носком в стекло. — Я не помню, что бы этот магазин был когда-нибудь закрыт вот в таком состоянии. Есть идеи, что случилось?

— Утечка газа, — ответил Ник, вспоминая список готовых отмазок Меньяры.

— О... — Табита ахнула. — Это ужасно. Я надеюсь, никто не пострадал.

— Нет, все вышли.

«Кроме мертвых демонов».

Ник откашлялся на ментальный комментарий Калеба.

Табита тяжело вздохнула.

— Что ж, стремно... думаю, мы получим нашу защиту в другом месте. Все, идем к моей тете.

Когда они начали отходить, Табита подошла к Нику и зашептала ему на ухо:

— На будущее, ты морщишь нос, когда лжешь, Готье. Возможно, ты захочешь поработать над этим. И я знаю, что это было нападение демонов, тут повсюду чувствуется их вонь. Но я не хочу, чтобы кто-то из моих друзей пострадал, так что я увожу их отсюда. Увидимся! — Она взглянула на Казизэля. — Хороший Кун Аннун, кстати.

Разинув рот, Ник смотрел, как она догоняет своих друзей.

— Как она это делает? Точнее, откуда она знает?

Калев и Ксев пожали плечами.

Коди наклонилась к нему.

— Она эмпат и экстрасенс. Она знает все.

Он покачал головой. Как так получается, что он собирает вокруг себя людей со странностями?

«Ты Малачай, debil. Они тянутся к тебе».

О, да. Вот почему они всегда находят его. Как он мог забыть?

Выкинув это из головы, он впустил всех в магазин Меньяры в поисках Сими. Но ее там не было.

У Ника возникло плохое предчувствие. Что они выпустили в город по незнанию?

Эта мерзость могла наплодить клонов.

— Кто думает, что Сими ест туристов?

Калев и Ксев подняли руки.

Ник с любопытством посмотрел на Коди.

— Ты мыслями не с нами?

— Прости. Я пытаюсь думать, как Сими. Куда она могла бы уйти отсюда?

— Если бы у нас был ее запах, мы могли бы ее выследить.

Нику понравилась идея Завида. Но, к сожалению, у них не было ничего, что бы оставило на себе ее запах.

Вдруг они услышали, как что-то зашуршало в задней комнате. Думая, что это другой демон, пробравшийся в магазин для нападения, они вооружились и бросились на шум.

Ник облизал губы и приготовился к драке с тем, что было по другую сторону сломанной двери. Он прошелся быстрым взглядом по остальным, убеждаясь, что они готовы, прежде чем распахнул дверь и приготовился отсечь голову незваному гостю.

Сими пристально смотрела на него, задрала голову и поджав губы.

— Почему все вы люди так странно выглядите? Даже для вас людей? Это один из симптомов раздраженного кишечника?

Ник реально растерялся.

Сими выглядела нормально, хотя «нормально» для Сими в любой день было довольно условным.

— Что ты здесь делаешь?

— Ну что ж, давай посмотрим. Ты сказал мне, что Сими может съесть демона. Что ты забыл сказать Сими, так это то, что он Див. Когда-нибудь пытались съесть Дива? — Она с осуждением посмотрела на них. — Не думаю. Они все воняют и..., — она вздрогнула. — В мире не хватит соуса барбекю, чтобы сделать этот вкус приятным. Поэтому Сими выстрелила ему в голову. А потом, когда Сими выстрелила ему в голову, от выстрела случился страшный беспорядок, и я боялась, что, если акри-Менни увидит это, она может не поделиться своими блестяшками с Сими. Поэтому я тут все очистила и сделал так, чтобы тут снова все приятно пахло, — она усмехнулась.

Коди обняла ее.

— Мы так волновались за тебя, Сими. Мы тоже не знали, что он Див.

— Ах, значит, вы все прощены за то, что Сими чуть не была съедена. Сими любит есть еду. Она не любит сама быть едой. Акри был бы тоже недоволен, потому что тогда он

остался бы один и это было бы печально. Ему нужна его Сими, чтобы поддерживать работу его сердца.

Сими сделала паузу.

— О, но Див сказал кое-что, прежде чем я взорвала его. Он сказал, что они идут и что на этот раз Малачай не сможет их остановить.

Ник похолодел от этих слов. Он наткнулся на хмурый взгляд Коди, а потом на разинутый рот Калеба. Означает ли это, что Амброуз был остановлен тем, кто это сделал? Или что Амброуз остановил его в одной из своих попыток?

Чувствуя тошноту и нуждаясь в воздухе, который не воняет внутренностями демона, он направился к двери на задний двор.

— Ник?

Он едва заметил присутствие Коди. Его разум был слишком занят обработкой всех возможных исходов, которые неизбежно заканчивались его смертью и смертью всех остальных в уничтоженном Новом Орлеане.

Он больше не видел старые французские и креольские здания вокруг себя. Он видел разрушения, свидетелем которых станет в будущем. Пожары. Тела.

Сын и дочь Сими.

Его дочь.

Которую ему пришлось бросить раненой.

Нет! Это не может закончиться так.

— Ник? — Коди встала перед ним и обхватила его лицо руками. — Посмотри на меня и сфокусируйся. Я знаю, где ты находишься, но ты не можешь оставаться там. Дыши.

Его взгляд был размытым, он посмотрел вниз на нее.

— Дочь Кириана зовут Марисса, и она блондинка.

— Я знаю.

Настоящая паника охватила его, когда он осознал весь масштаб увиденного.

— О Боже, Найрия... что я сделал?

— Ты ничего не сделал.

— Но я Амброуз... Или буду им. — Он подавился всхлипом. — Я отвечаю за все, что происходит со всеми вами. — Слезы наполнили его глаза, когда он посмотрел на Калеба и Ксева. Завида. Аэрона, Вона и Казиэля.

Не выдержав, он притянул Коди и держал ее в объятьях, его трясло от тяжести вины и боли за то, что он еще не сделал. И он боялся того, что уже мог сделать, чтобы все это стало реальностью.

Будущее было не за горами, и он ненавидел это ощущение, будто гильотина над головой. Забудьте про Дамоклов меч. Это было намного хуже.

— Может быть, Арелимы были правы, — прошептал он ей в волосы. — Может, единственный вариант — это убить меня прежде, чем я вырасту.

— Мы уже говорили об этом. Ты уже вырос, Ник, — напомнил ему Калев.

— Но что-то отнимает мои силы. Мы могли бы снова ослабить меня, а затем ты сможешь убить меня. Ты сам это сказал. Это все прекратит.

Ксев покачал головой.

— Не так просто. Вырастет другой Малачай. Скорее всего, твой брат.

— Разве это так плохо?

Калев вздохнул.

— Хм, да. Есть чутка, как бы ты сказал.

— Почему?

Коди протянула руку, чтобы вытереть слезы на щеке Ника.

— Потому что до этого момента, Страшилка, эмоции Мадока были заперты на протяжении тысяч лет. Они только-только начинают возвращаться к нему, и он не сможет справиться с этим лучше, чем ты. На самом деле, он намного хуже.

— Он злой и жестокий. — Калевб вздохнул.

Коди кивнула.

— Ты скоро с ним встретишься... в конце концов это произойдет. Пока его не научить состраданию, в будущем оно ему вообще неизвестно. К кому-либо или чему-либо. Самое худшее, что ты можешь сделать — это дать ему силу Малачая в его нынешнем состоянии. Прибавь сюда еще кровь Бога...

— Миру придет конец гораздо раньше, — закончил Ксев за нее. — И этот конец будет куда более жестоким.

Коди пошевелилась в его руках.

— Вот почему я не поощряла твою встречу с ним. Прямо сейчас в этом нет необходимости. Ты встречался с Д'Алерианом, Ловцом Снов, который ухаживал за Кирианом, когда он был ранен?

— Да.

— Мадок именно такой. Они братья.

Ник поморщился при воспоминании о Ловце Снов, которого люди не могут увидеть. Единственная причина, по которой он знал о нем — его способности Малачая. Всякий раз, когда нормальный человек смотрел на одного из них, его взгляд скользил мимо, и поэтому он ничего не мог разглядеть.

Ты мог идти рядом и не знать об этом.

Они были необыкновенно красивыми. Ангельски. И такие же холодные, как Северный Полярный круг, потому что Зевс проклял их еще в незапамятные времена. Все эмоции, кроме боли, которая была скорее физической реакцией, были им недоступны. Единственная возможность пережить вообще хоть какую-нибудь эмоцию — побывать в человеческих снах. Из-за этого некоторые из них привыкают к таким ощущениям, как тяжело зависимые наркоманы.

И как бы это ни было плохо для Ловцов Снов, гораздо хуже было человеку или существу, которых они преследовали. Как и с наркотиками, Ловцы Снов жаждут все большей и большей дозы, поэтому они стимулируют своего сновидца на более яркие, более ужасные и долгие сны, в итоге они сводят своих жертв с ума и в конечном итоге убивают их. Таких пристрастившихся называли Скоти, а их братьям, которые не превратились в демонов снов, было поручено следить за ними, иначе они все могли бы быть снова схвачены и наказаны богами.

Так же, как это произошло столетия назад.

— Почему ты мне не сказала, что мой брат Ловец Снов?

— Потому что он не просто Ловец Снов, Ник. Он Каллитехнис.

Он нахмурился.

— Он что?

— Мадок может перемещаться сквозь чьи бы то ни было сны. Он может даже путешествовать во времени через них. Он является лидером их совета и имеет полный

доступ и контроль их Зеркального Зала. Теперь ты понимаешь опасность передачи ему твоей силы? Пока ты жив, он не может этого сделать. Но если с тобой что-то случится, она будет передана ему, потому что баланс должен быть сохранен. Если Сефирот жив, то должен жить и Малачай. Их жизненные силы связаны.

Калев кивнул.

— Его проклятая бесчувственность — это то, что изначально удерживало его от превращения в Малачая. Из-за того, что он не чувствовал ненависти или ревности, он не мог перенять силы Адариана. Но, как сказала Коди, проклятие наконец-то слабеет. Если ты умрешь, переданные ему силы разрушат его собственные, и он полностью проявится, взбешенный и готовый обрушить свою месть на всех нас.

Ксев положил руку на плечо Ника.

— Для информации, сынок, мы не хотим, чтобы это произошло, — он взъерошил волосы Ника. — Давай я отведу тебя домой. Это был долгий, тяжелый день для всех нас. Хотя твой день вообще полный отстой... Хорошенько поспи ночью, и утром все будет выглядеть лучше.

— Хорошо.

Калев глубоко вздохнул.

— Думаю, я должен купить дом побольше.

Ник рассмеялся над его жалобой.

— У тебя восемь спален. Какого черта, мужик?

Он обвел всех взглядом.

— Подумал, что мне нужен дом побольше.

Ник закатил глаза.

Калев подошел к Ксеву.

— Где ты остановился?

Пока Ксев медлил, Ник успел заметить удивление и тоску в его карих глазах.

— Это приглашение?

Калев напрягся.

— Я не собираюсь извиняться за свое поведение по отношению к тебе в прошлом. Но я начинаю понимать и видеть вещи немного по-другому. Так что это приглашение к диалогу.

Ксев смягчился.

— Я ценю это. Очень. Но сейчас мистер Пушистые Ботиночки останется с тем, Кто не Может Держаться Подальше от Неприятностей. Я не хочу оставлять Ника или Чирайз без охраны.

— Вероятно, это лучшее решение.

Завид встал рядом с Ксевом.

— Как думаешь, твоя мама будет возражать против бродячей собаки в своем доме?

— Возможно, но давай попробуем. Я могу быть чертовски очаровательным, когда постараюсь. Только следи за своими красными глазами, или она искупает тебя в Святой воде.

Ник улыбнулся Калебу.

— Меньше на три гостя. Лучше?

— Проблема только если они храпят.

Ксев зловеще рассмеялся.

— Они не храпят. Но помни... спрячь алкоголь.

— Ох, теперь еще и ты! — Аэрон застонал. — Прицепился же, бессердечный гад. В этом нет необходимости, приятель.

Смеясь, Ник слушал их ворчание, пока они не исчезли, отправляясь к Калебу.

Завид перекинулся в волка и немного уменьшился, чтобы вернуться к дому Ника на Бурбон-Стрит.

Когда они шли, он держал Коди за руку, пока они не достигли крыльца дома.

— Ты поднимешься?

— Лучше не заставляй твою маму злиться. Я передаю тебя под ее опеку. Увидимся завтра в школе.

— Ага, не очень-то и хочется.

— Ах, да ладно. Новый день. Новая жизнь.

Ксев и Завид забрели в дом, чтобы дать им немного побыть наедине, пока Ник целовал Коди на ночь. Честно говоря, он очень не любил ее отпускать. Какая-то часть внутри него всегда боялась, что он ее больше никогда не увидит.

В тот момент, когда он отстранился и уткнулся носом ей в щеку, у него было четкое ощущение, что кто-то наблюдает за ним. Волосы на затылке и руках встали дыбом.

Нахмурившись, он повернул голову и увидел Нейтана, медленно идущего по тротуару к крыльцу. В его руках было полно сумок из гастронома на углу.

— Эй, Ник, верно?

— Да...

— Ты тоже живешь здесь?

Тоже? Ник не был в этом уверен, его желудок сжался от гнева.

— Может быть.

Нейтан выглядел таким же сбитым с толку, каким чувствовал себя Ник.

— Хм, ладно. Ну, мы только что переехали на первый этаж. Квартира 1-С. Моя мама послала меня за бутербродами для всех, поскольку мы еще не нашли все наши кухонные принадлежности. Или за какими-нибудь продуктами.

— Тогда вы соседи, — отозвалась Коди. — Ник живет выше.

Прежде чем Ник успел что-либо сказать, светловолосая девочка лет десяти выбежала из здания.

— Нейт! Я умираю от голода! Я засохну и умру, если не поем. Ты достал еды?

— Боже мой! Да! Меня не было буквально пару минут. Попридержи коней.

Он протянул ей одну из сумок.

Не говоря ни слова, она схватила ее и побежала обратно.

Нейтан тяжело вздохнул.

— Моя младшая сестра, Элис. Она иногда срывается с цепи и гуляет без присмотра. Так что, если увидите, что она где-то бешено носится, пожалуйста, дайте знать кому-нибудь из нас, и мы ее заберем. Она не делает ничего плохого. Просто она еще не осознала, что не все в этом мире ее лучшие друзья. В любом случае, думаю, увидимся завтра в школе. Спокойной ночи.

Коди подождала, пока Нейтан исчезнет.

— Ты все еще думаешь, что с ним что-то не так?

— Неее. Кажется, он вполне нормальный. Наверное, я погорячился из-за того, как он смотрел на тебя.

— Ты? Погорячился? Нееееет...

Он закатил глаза в ответ на ее сарказм.

— Ну хорошо. Вот только не надо этого издевательского тона. — Улыбаясь, он снова поцеловал ее. — Уже скучаю по тебе.

— Я тоже. Ты уверен, что у тебя все хорошо?

— Все будет хорошо.

— Звони, если понадобится.

Ник последний раз поцеловал ее на прощание, прежде чем нехотя позволил ей телепортироваться домой.

Он направился внутрь здания, чтобы найти Ксева и Завида, ожидающих его в своих животных формах.

— Хорошо, мистер Пушок. Ты знаешь правила... не гадить на мои простыни. — Он некоторое время смотрел на Завида. — Действительно здорово, что ты вернулся. Теперь давайте посмотрим, что моя мама принесла нам поесть. Я поделюсь чем угодно, кроме бананового десерта.

Все шло хорошо, пока Ник не открыл дверь, и его мама не увидела его поздних гостей.

— Что это?

— Ты уже знаешь мистера Пушистика.

— Я не говорю о кошке, Ник. Кто его друг?

— О-о... ты имеешь в виду Спота?

Она пристально смотрела на него.

— Ник...

— Только на день или два? Пожалуйста, Ма? Он Калеба. Я сказал ему, что ты не против. Кроме того, я хотел бы побыть в небольшой компании, пока восстанавливаюсь, и я знал, что ты наругаешь меня, приведи я Коди домой и оставь ее в моей спальне, даже если бы это были невинные посиделки.

— Теперь ты ведешь себя нахально.

— Такой уж я, зато честно. Научился этому у своей мамы.

Она хмыкнула, удобнее устраиваясь под своим розовым пледом перед телевизором.

— Ты хочешь, чтобы я помогла тебе с чем-нибудь?

— Нет, все хорошо. Смотри свою программу. Я просто пойду в комнату, — он остановился рядом с ней. — Ты хорошо провела сегодня время с Баббой?

По ее щекам пополз румянец.

— Да.

— Лучше бы это не значило, что было слишком хорошо, маман.

Она засмеялась над ним.

— Прекрати!

Он наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку.

По крайней мере, он так задумал, пока не оказалось, что она подстерегла его, чтобы проверить нет ли у него лихорадки.

Ник заставил себя терпеть ее проверку температуры.

— Сказал же, что мне лучше.

— Просто хотела убедиться.

— Довольна?

Она поцеловала его в щеку.

— Да. Теперь можешь идти к себе.

— Да, мэм.

Но она отпустила его не до конца. Вернее, она поймала его за руку, когда он начал отходить, и удерживала немного дольше.

— Кстати говоря, спасибо тебе.

— За что?

— Майкл поведал мне, что ты сказал о наших встречах. Ты хороший мальчик, Ники. Гораздо лучше, чем я заслуживаю.

Ник воспользовался моментом, чтобы насладиться ее видом на диване, зная, что она не всегда будет там.

— Это не правда, но я люблю тебя, мама.

— Тоже люблю тебя, Страшилка.

Не говоря ни слова, Ник оставил ее и пошел в свою комнату, где Завид и Ксев ждали его в своих человеческих телах. Но это еще не было самым шокирующим.

Нет, его сразило на повал то, что Завид присосался к шее Ксева.

С трудом дыша, Ник быстро вошел в комнату и запер дверь так, чтобы мама случайно не увидела этого и не получила инсульт.

— Какого черта?

Завид отстранился и вжался в самый дальний угол комнаты, как будто ожидая, что Ник избьёт его.

Ксев вытер кровь на шее.

— Помнишь, когда мы говорили тебе, что вытащить и восстановить его будет не так-то просто?

— Ну да...

— Теперь ты знаешь цену его возвращения в эту реальность.

— И ты не имеешь ничего против этого?

Ксев застегнул воротник своей рубашки и поднялась с королевской грацией, которая всегда напоминала Нику то, как двигается Ашерон. Плавно и тренированно.

— Это важно?

— Я не понимаю.

— Знаешь, что Сарру-Дара значит на самом деле, Ник?

— Повелитель крови.

Ксев стиснул зубы, прежде чем заговорить тихим, безэмоциональным голосом.

— Раб крови. Моя кровь не просто используется для заговора Нойра и Азуры. Я к тому же был проклят, моя кровь используется и как источник подпитки для большого количества различных вещей.

Вдруг Ник нехотя осознал, почему Ксеvu не нравилось быть запертым в его нижней тюрьме.

— Мне очень жаль. Я даже представить не могу, чего тебе стоило заговорить с твоим отцом вновь.

— Он не единственный, кто сделал это со мной. И в случае с Завидом, в этот раз я не возражаю. Конечно, я бы предпочел кормить его из чашки. Но твоя мама взбесилась бы, если бы увидела это.

— Вот почему ты захотел остаться здесь? — спросил он Завида.

Он вытер кровь с губ.

— Да. Если я не буду ее пить, то вернусь к ним.

Ксев вздохнул.

— Потому что моя кровь — это блок, она может удержать его по эту сторону врат.

Ник вздрогнул, он переживал за них обоих.

— Есть ли способ сделать его постоянным, так, чтобы вам не пришлось делать это снова?

— Есть только один способ, который я знаю.

— И что это?

— Кубок Гебы^[10].

Ник нахмурился.

— Это что-то типа чашки кофе? Где у нас можно купить его? В Нейман Маркусе^[11]?

Печально вздохнув, Ксев потер переносицу и покачал головой.

— Нет, Ник. Геба — богиня бессмертия. Она виночерпий у олимпийцев. Если бы он выпил из ее кубка, он бы стал таким, каким был до того, как Нуар забрал его тело и вытащил его из этого измерения.

Ник вторил вздоху Ксева.

— Я предполагаю, что мы не можем просто подойти и попросить одолжить его нам.

— Нет. Она захочет что-нибудь взамен.

Опыт научил его, что это будет не так весело, как разбрасываться бусами на Марди Гра^[12]. Это не будет ни приятно, ни легко.

Здорово. Просто замечательно.

Но сейчас его опасения не были главным. Он видел выражение лица Завида, тот выглядел так, будто ждал, что Ник отправит его обратно и обречет на жизнь с Нойром и его животными навечно.

Это было бы последним, что Ник когда-нибудь с кем-либо сделал.

— Все нормально, ребят, — сказал Ник, ободряя их улыбкой, которой не чувствовал, но надеясь, что он притворяется хорошо. — Мы пройдем через это.

Ник понятия не имел, как. Однако они выкарабкаются, как всегда это делали. Даже при том, что у них по-прежнему были враги у врат. А союзники пропали без вести.

А будущее было еще более неопределенным. С неизвестным Малачаем.

Все, что у них сейчас было — это его силы. На данный момент.

Конечно, это может измениться в следующее мгновение.

Что еще хуже? Амброуз был неправ. Око не помогло даже немного. Если уж на то пошло, оно запутало его еще больше. И наградило его мигренью, которая до сих пор не отпускает.

В этот момент Ник был в растерянности. Все они были. А между тем, Мавронинс набирал силу. Ник чувствовал это. Тьма победит, если они не остановят его.

И все врата будут разрушены.

Но чтобы, черт возьми, ни произошло, он останется и будет бороться. Они все будут. Потому что они знали точно, что если не будут драться, они наверняка проиграют, а проигрыш был неприемлем его упрямыми каджунскими генами.

«Ты прав, Грим. Понеслось. И я иду за тобой».

Кириан прислушивался к разговорам полицейских, стоя в сторонке рядом с Ашероном и следователем по убийствам.

— Это хрень, и ты это знаешь.

— Хрень или нет, это те парни, которые напали на Ника в тот вечер, когда ты его встретил. Сколько раз на публике он клялся, что вернет им должок? — сказал Ашерон чуть ли не шепотом.

— Да, но ты был там, когда у него был шанс. Он передал их полиции.

— И теперь их нашли убитыми. На орудии убийства полно отпечатков Ника...

Кириан тихо выругался.

— Он этого не делал, Ашерон. Ты знаешь, что он этого не делал.

— Ага, но пока мы с тобой тут разговариваем, они уже выписывают ордер на его арест. Лучше пойти предупреди его и Чирайз, пока я звоню Биллу, чтобы они уже готовились вытащить его. Если, конечно, они назначат залог при таких тяжких обвинениях.

Ашерон взглянул на изуродованные тела и поморщился.

— На этот раз наш маленький Оруженосец в серьезной беде, Кириан. И я понятия не имею, как мы его вытащим.

* * *

— Это было жестоко, даже для тебя.

Стоя на крыше старого здания во Французском Квартале, Киприан не сказал ни слова подошедшей к нему Лагерр, наблюдая за разговором Кириана и Ашерона внизу.

— Ты хотела, чтобы он был ослаблен и уничтожен.

— Должна сказать, ты определенно превзошел все наши ожидания.

Медленная улыбка изогнула его губы, когда он вновь принял обличие Амброуза.

— О, поверь мне, предоставить Око в его распоряжение было только первым шагом. Когда я закончу, он не будет доверять даже самому себе.

Лагерр вздрогнула, когда он изменил свое обличие.

— Это сводит меня с ума всякий раз, когда ты делаешь это. Ты так похож на него.

— Я должен, правда, мама? Ведь... я его сын.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В переводе с английского означает мужской половой орган.

Персонаж книги Стивена Кинга.

Уроливый пес из кельтской мифологии.

Раккун-Сити (англ. Raccoon City, дословно «Город Енотов») — вымышленный город из вселенной серии видеоигр и кинофильмов «Resident Evil» (Обитель зла). Согласно сюжету, город располагался в регионе Среднего Запада США, штата Миссури. Численности населения около 100 тыс. человек.

Рах тесум — Мир с тобой (лат.)

Метамфетамин (сокр. от N-метил-альфаметилфенилэтиламин) — производное амфетамина, белое/синее кристаллическое вещество. Метамфетамин является психостимулятором с чрезвычайно высоким потенциалом к формированию зависимости, в связи с чем отнесён к наркотическим веществам.

Хурриты — древний народ, появившийся на территории северной Месопотамии во второй половине 3-го тысячелетия до н. э. и принадлежавший к неизвестной языковой группе. Известны с 3-го тысячелетия до н. э. в Северной Месопотамии и по левым притокам Тигра. В Сирии и Месопотамии жили попеременно с семитами. В XVI–XIII веках до н. э. хурриты создали в Северной Месопотамии государство Митанни и оказывали сильное влияние на Хеттское царство. В XIII веке до н. э. захватили государство Хайаса на Армянском нагорье. В 1-м тысячелетии до н. э. жили разорванными ареалами по западным, южным и восточным окраинам Армянского нагорья.

ГОРАЧ-И-РИБИН (GWRACH Y RHIBYN) — Этим неясным по смыслу словом именуют в Кардиганшире уэльскую банши, иногда также называемую кихирет. Она невидимо сопровождает человека, которого хочет предупредить о близкой смерти, и, подходя к перекрестку или ручью, издает жуткий крик: «Мой муж! Мой муж!» — если сопровождает мужчину, или «Моя жена! Моя жена!» — если предрекает смерть женщине. Или же «Мой малыш! Мой малыш!» — если смерть суждена ребенку. Когда слов не разобрать, смерть ожидает того, кто слышит крики. Ее облик ужасен: длинные черные зубы и непропорционально длинные иссохшие руки. Считается, что это дух одного из предков, хотя ее также соотносят с такими богинями, как Ану или Кальях Варе.

Принял христианство, чтобы бог помог одержать победу в битве.

Геба — в древнегреческой мифологии богиня юности, дочь Зевса и Геры. Иногда изображается целомудренной девушкой, наливающей сочный нектар.

Нейман Маркус — сеть дорогих универсальных магазинов

Марди Гра (фр. Mardi gras, буквально — «жирный вторник») — вторник перед Пепельной средой и началом католического Великого поста, последний день карнавала. Праздник, который знаменует собой окончание семи «жирных дней».